

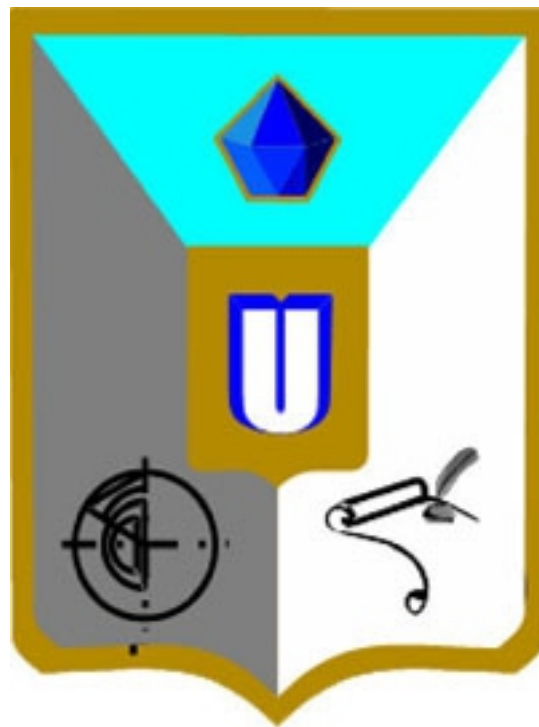
Том 3, № 1

2018

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

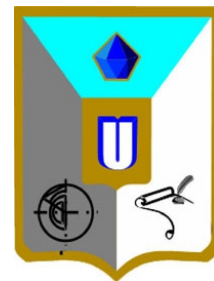
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCIAL COMPETENCE

SOTSIA@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии Иркутский национальный исследовательский технический университет

Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутский национальный исследовательский технический университет

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутский национальный исследовательский технический университет

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Иркутский государственный университет

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Иркутский национальный исследовательский технический университет

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Иркутский национальный исследовательский технический университет

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций Иркутский национальный исследовательский технический университет

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Иркутский национальный исследовательский технический университет

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета

Казаков Алексей Аширович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, доцент филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department in Irkutsk National Research Technical University, Editor-in-Chief

Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in Irkutsk National Research Technical University, Deputy Editor-in-Chief

Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in National Research Technical, Responsible to sign off the issue

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in Irkutsk State University

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in Irkutsk National Research Technical University

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in Irkutsk National Research Technical University

Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in Irkutsk National Research Technical University

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in Irkutsk National Research Technical University

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kazakov Alexey Ashirovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Associate Professor of Faculty of Philology at National Research Tomsk State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic”

Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

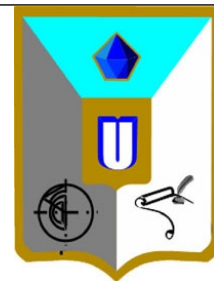
Pozdeev Vyacheslav Alexeevitch, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods Department at Vyatka State University

Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Содержание

Слово главного редактора.....	6
-------------------------------	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Борхонов С.А., Корепина Н.А. О способах перевода названий фильмов	7
Дворак Е.В. Профессиональный сленг как основа языковой специфики профессионального социолекта.....	10
Дзюба А.Б. Относительный характер концепта нормы (на материале русского и английского языков).....	16
Дзюба А.Б., Алмырза Ш.Н. Выражение нарушений нормы ожидания в речи персонажей русских детских сказок.....	22
Туфанова Ю.В. Особенности функционирования этикетной единицы «извинение» в диалогической речи.....	27
Холдеева Е.Ю. Некоторые семантические особенности английского многозначного глагола.....	34

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев В.В. Публичное обещание награды: отечественное и зарубежное регулирование.....	39
Солдатенко К.В., Татарников В.Г. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений по делам о контрабанде наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ.....	45
Татарников В.Г., Никитин Ю.П. Право собственности. Проблемы уголовно-правовой охраны.....	51

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Колесова В.М. Социально-педагогические предпосылки развития системы обучения одаренных детей в школе Германии.....	57
Корепина Н.А., Гусев Н.О. Современные методики обучения иностранным языкам.....	69
Попов А.И. Правовое воспитание специалистов инновационной сферы..	74

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Васенкин А.В. Что такое экзистенциальный кризис?.....	81
--	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаврилова Н.И. Состав и структура населения г. Иркутска второй половины XIX – начале XX вв.: динамика процессов социальной дифференциации.....	87
---	----

SOCIAL COMPETENCE

C o n t e n t s

A letter from the editor-in-chief.....	6
---	----------

PHILOLOGICAL SCIENCES

Borkhonov S.A., Korepina N.A. On the ways of translating movie titles.....	7
Dvorak E.V. Professional slang as the basis of linguistic uniqueness of professional sociodialect.....	10
Dzyuba A.B. The relative character of the concept norm (a case study of Russian and English).....	16
Dzyuba A.B., Almyrza S.N. Violation of norm of expectation in the speech of Russian children's fairy tales characters.....	22
Tufanova Y.V. Functional peculiarities of the etiquette unit "Apology" in dialogical speech.....	27
Kholdeyeva E.Yu. Some semantic aspects of English polysemantic verb.....	34

JURIDICAL SCIENCES

Andreev V.V. Public promise of an award: domestic and foreign legal regulation.....	39
Soldatenko K.V., Tatarnikov V. G. Criminal personality as an element of criminological crime characteristic in cases of smuggling of narcotic drugs, psychotropic, potent, poisonous substances.....	45
Tatarnikov V. G., Nikitin Yu.P. Property law. Problems of criminal law protection.....	51

PEDAGOGICAL SCIENCES

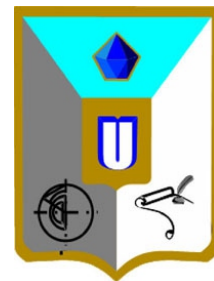
Kolesova V.M. Social and pedagogical background for development of system of teaching gifted children at schools of Germany.....	57
Korepina N.A., Gusev N.O. Modern methods of foreign languages Training	69
Popov A.I. Legal education of an innovation expert.....	74

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Vasenkin A.V. What is an existential crisis?.....	81
--	-----------

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Gavrilova N.I. Composition and structure of Irkutsk population in the second half of the 19th – early 20th c.: dynamics of social differentiation processes.....	87
---	-----------

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Приветствую вас, уважаемые коллеги!

Перед вами очередной номер научного журнала «Социальная компетентность», в котором размещены статьи, посвященные проблемам филологии, педагогики, юриспруденции, социологии и психологии.

В разделе «**Филологические науки**» проводятся исследования, касающиеся перевода названий фильмов (статья С.А. Борхонова, Н.А. Корепиной); профессионального сленга как основы языковой специфики профессионального социолекта (статья Е.В. Дворак); относительного характера концепта нормы (на материале русского и английского языков) (статья А.Б. Дзюба); выражения нарушений нормы ожидания в речи персонажей русских детских сказок (статья А.Б. Дзюба, Ш.Н. Алмырза); особенностей функционирования этикетной единицы «извинение» в диалогической речи (статья Ю.В. Туфановой); некоторых семантических особенностей английского многозначного глагола (статья Е.Ю. Холдеевой).

В разделе «**Педагогические науки**» автором А.И. Поповым, коллегой из Тамбова, раскрываются особенности правового воспитания специалистов инновационной сферы; автором В.М. Колесовой из города Волгограда анализируются социально-педагогические предпосылки развития системы обучения одаренных детей в школах Германии. Размышлениям о современных методиках обучения иностранным языкам посвящена интересная статья авторов Н.А. Корепиной и Н.О. Гусева.

В разделе «**Юридические науки**» автором В.В. Андреевым поднимается актуальный вопрос о публичном обещании награды, подробно раскрывается его отечественное и зарубежное правовое регулирование. Проблемы уголовно-правовой охраны права собственности анализируются в статье В.Г. Татарникова и Ю.П. Никитина. Особенности личности контрабандиста, перемещающего наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые вещества или растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, являются предметом исследования авторов В.Г. Татарникова и К.В. Солдатенко.

В этом номере представлены результаты **социологических и психологических исследований** – работы А.В. Васенкина о том, что такое экзистенциальный кризис и Н.И. Гавриловой о составе и структуре населения г. Иркутска второй половины XIX – начала XX в.: динамике процессов социальной дифференциации.

Хочется поздравить наших авторов-женщин с прошедшим женским праздником – 8 марта, авторов-мужчин – с 23 февраля! Пусть здоровье будет крепким, счастье – огромным, радость – безграничной. Желаем Вам процветания, благополучия, мира, добра, семейного уюта и тепла.

**Елена Струк, главный редактор,
доктор философских наук**

О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ

© С.А. Борхонов, Н.А. Корепина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В данной статье исследуется проблема перевода названий англоязычных фильмов на русский язык. В работе рассматриваются основные стратегии перевода названий, определяются трудности, возникающие при переводе, проводится анализ примеров.

Ключевые слова: кинофильм, перевод, название фильма, стратегия перевода.

Информация о статье. Дата поступления 20 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 3 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Борхонов С.А., Корепина Н.А. О способах перевода названий фильмов // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 7–9.

ON THE WAYS OF TRANSLATING MOVIE TITLES

© S.A. Borkhonov, N.A. Korepina

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the translation of English-language films titles into Russian. It discusses the basic strategies of translating titles, reveals the main difficulties of their translation and provides analysis of some examples.

Keywords: films, movie titles, translation strategies, translation.

Article info. Received December 20, 2017; accepted February 3, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Borkhonov S.A., Korepina N.A. On the Ways of Translating Movie Titles // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 7–9. (In Russian).

На сегодняшний день в кинопрокате России подавляющее большинство фильмов имеют зарубежное происхождение. Их оригинальные названия представлены на иностранном языке и должны быть адаптированы для русскоязычной аудитории. Несмотря на то, что на российский рынок поступает огромное количество иностранных фильмов, часть из них проходит мимо массового зрителя только из-за плохой адаптации названия фильма. Эта проблема становится достаточно актуальной, поскольку кино является частью культуры и искусства.

Перевод представляет собой сложный процесс. Порой даже одно слово или

текст в целом могут иметь несколько переводов. Например, известное слово «hello» имеет два значения: «привет» и «здравствуйте». В связи с этим, трудность для переводчиков заключается в том, чтобы использовать тот вариант, который лучше всего подходит к ситуации или, как в нашем случае, поможет точнее раскрыть смысл названия фильма.

Название играет важную роль для понимания фильма в целом и информации, заключенной в нем. Следовательно, переводчик должен точно знать, какой смысл имеет название фильма, и при переводе сделать так, чтобы оно не только осталось

таким же звучным и значимым, как оригинальное, но и создало правильное первое впечатление о фильме, т. е. иными словами переводчику необходимо адаптировать название для иностранной аудитории. В то же время главным остается то, что название фильма должно обеспечить картине финансовый успех (Clifford, 2001).

Таким образом, целью данной работы является изучение прокатных названий фильмов для определения адекватности русскоязычной адаптации названия и его связи с основной идеей фильма. В работе изучены базовые стратегии перевода, а также приведены примеры удачных и неудачных адаптаций названий кинофильмов.

Многие исследователи и лингвисты, в том числе И.Г. Милевич, Д.М. Бузаджи выделяют три основные стратегии перевода англоязычных названий на русский язык (Милевич, 2007. С. 65–71; Бузаджи, 2005).

Первая из них – дословный перевод английского названия на русский язык. Этот способ является самым простым, но не самым точным, а в некоторых случаях он не отражает сути фильма.

Вторая стратегия – транскрипция (воспроизведение по звукам) и транслитерация (воспроизведение по буквам). Данным способом обычно переводят названия фильмов, содержащих имена собственные (например, имена, названия городов и стран, наименования болезней и др.) или отражающие определенные события (например, праздники).

Третья стратегия представляет собой трансформацию названий и включает в себя несколько приемов, таких как добавление, опущение, замена.

Первый способ основан на калькировании, т. е. полном и дословном переводе англоязычного названия. Этот метод применяется в основном к фильмам, в названиях которых нет непередаваемых элементов речи, и если при переводе не возникает противоречий между формой и содержанием: «Fight club» – «Бойцовский клуб» (1999), «Game of Thrones» – «Игра престолов» (2011), «How to Train Your Dragon» – «Как приручить дракона» (2010). Как видим, в данной стратегии обычно отсутствуют примеры неудачных адаптаций, так как название отображает основную задумку авторов.

Вторая стратегия заключается в транскрипции и транслитерации названий. Так были переведены следующие фильмы: «Аватар» – «Avatar», «Терминатор» – «The Terminator», а также «ВАЛЛ-И» – «WALL-E», что представляло собой аббревиатуру. Сегодня именно этот способ перевода является наиболее востребованным.

Основой третьей концепции является трансформация названия:

1. Добавление. В качестве примера приведем фильм «Charppie». Эта история о необыкновенном и одаренном роботе была переведена на русский язык как «Робот по имени Чаппи». Такие преобразования не оказывают существенного влияния на смысл, поскольку связаны с основной темой названия, а также дополняют, уточняют или усиливают значение оригинального названия.

2. Опущение. Сущность способа заключается в том, чтобы пропустить некоторые ненужные слова, не несущие основной нагрузки, для повышения привлекательности названия. Так, например, фильм «In time» был переведен как «Время». Данный перевод лишает название конкретности, но при этом сохраняет основную идею фильма.

3. Замена. Представляет собой полную замену названия фильма переводчиком по различным причинам. Несмотря на основные требования, которые стоят перед переводчиком (сохранение семантико-структурного равенства и равные коммуникативно-функциональные свойства), случаев изменения названий фильмов при переводе достаточно много (Латышев, 2005). Мультфильм «Sing» о конкурсе вокалистов среди животных был переведен как «Зверопой», по аналогии со «Зверополисом». Первый мультфильм не имел никакого отношения ко второму, а с помощью замены была сделана попытка привлечь аудиторию с использованием зарекомендовавшей себя концепции названия.

В то же время очень часто переводчики злоупотребляют этим методом. В качестве примера приведем фильм «Inception» К. Нолана, который в российском прокате назвали как «Начало» без видимой на то причины. Тем не менее, есть и положительные примеры: название фильма «The Fast and the Furious», что в переводе означает «Быст-

рый и разъяренный», заменили на лаконичное название «Форсаж».

В заключение отметим, что для каждого фильма нужно выбирать свою стратегию перевода названия, исходя из смысла, вкладываемого создателями, а также языко-

вых и культурных особенностей страны-производителя того или иного фильма. Следовательно, переводчик должен не только знать все теоретические аспекты своей деятельности, но и использовать воображение, чтобы донести до зрителя главную идею фильма через его название.

Библиографический список

Бузаджи Д.М. Хоть горшком назови? // Мосты. 2005. № 1(05). С. 64–75.

Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.

Милевич И.Г. Стратегии перевода названий фильмов // Русский язык за рубежом. 2007. № 5. С. 65–71.

Clifford E. Landers. Literary translation: A Practical Guide (Topics in Translation). Cleveendon – Buffalo – Toronto – Sydney: Multilingual Matters, 2001. 214 p.

Сведения об авторах

Борхонов Сергей Андреевич, студент гр. ЭСб-15-2 Института энергетики, e-mail: borkhonchik@gmail.com

Корепина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 ИРНИТУ, e-mail: cosmir@yandex.ru

Критерии авторства

Борхонов С.А., Корепина Н.А. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

Buzadzhi D.M. You may Call me a Pot. Mosty [Bridges], 2005, no. 1(05), pp. 64–75. (in Russian)

Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda* [Translation Technology]. Moscow: «Akademiya» Publ., 2005, 320 p. (in Russian)

Milevich I.G. Strategies in Translating Movie Titles. *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2007, no. 5. pp. 65–71. (in Russian)

Clifford E. Landers. Literary translation: A Practical Guide (Topics in Translation). Cleveendon – Buffalo – Toronto – Sydney: Multilingual Matters, 2001, 214 p.

Author credentials

Sergey A. Borkhonov, a student of Power Engineering Institute, group ESb-25-2, e-mail: borkhonchik@gmail.com

Natalia A. Korepina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department No 2 for Engineering Fields of Study, e-mail: cosmir@yandex.ru

Authorship Criteria

Borkhonov S.A., Korepina N.A. have done research, written the manuscript of the scientific results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interests

The authors declare no conflict of interests.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СЛЕНГ КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ СПЕЦИФИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЦИОЛЕКТА

© Е.В. Дворак

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «сленг» и «профессиональный социолект», относящиеся к определенной профессиональной группе, анализируются виды технической литературы и выявляются языковые законы, которым подчиняется данный вид письменной речи. Особое внимание уделяется способам образования профессиональных терминов, а также исследуются примеры перевода технических терминов отрасли авиамашиностроения с английского языка на русский.

Ключевые слова: профессиональный язык, жаргон, сленг, понятие социолекта, техническая литература, языковые заимствования.

Информация о статье. Дата поступления 16 января 2018 г.; дата принятия к печати 3 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Дворак Е.В. Профессиональный сленг как основа языковой специфики профессионального социолекта // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 10–15.

PROFESSIONAL SLANG AS THE BASIS OF LINGUISTIC UNIQUENESS OF PROFESSIONAL SOCIODIALECT

© E.V. Dvorak

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the concept of slang and professional sociodialect of a certain professional group of people. It analyzes the types of technical literature and identifies the grammatical laws that govern this type of written speech. A particular attention is paid to the ways of the professional terms formation; the examples of translation of technical terms from English into Russian are provided.

Keywords: professional language, jargon, slang, the concept of sociodialect, technical literature, language borrowings.

Article info. Received January 16, 2018; accepted February 3, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Dvorak E.V. Professional Slang as the Basis of Linguistic Uniqueness of Professional Sociodialect // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 10–15. (In Russian).

В настоящее время в современной лингвистике можно найти немало работ, посвященных использованию жаргонизмов в речи современной молодежи, однако профессиональные жаргонизмы изучены недостаточно полно. Эту область исследования можно назвать даже «лакунарной» не-

смотря на то, что данная проблема освещается в работах, имеющих как теоретический, так и описательно-прикладной характер.

Социокультурная специфика профессионального языка специалистов, работающих в определенной профессио-

нальной области, позволяет квалифицировать его как социолект. Этот термин возник в современной лингвистике в конце XX в. Под социолектом (социальным диалектом) в настоящей статье понимается форма существования общенародного языка, функционально закреплённая за определенной социально-профессиональной группой, обладающая специфичной лексической системой и варьирующимся по качеству и количеству инвентарем грамматических и фонетических особенностей, обусловленных социолингвистическими характеристиками его носителей¹. Следовательно, социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих определенной социальной группе (профессиональной, возрастной и т. п.) в пределах той или иной подсистемы национального языка. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи в виде слов, словосочетаний и синтаксических конструкций.

Арго, жаргон, сленг – это разновидности социолекта. Специфика каждого из этих языковых образований может быть обусловлена как профессиональной, так и социальной обособленностью тех или иных групп от остального общества. Компьютерный сленг – пример профессионально ограниченных языковых образований; воровской арго, студенческий жаргон – примеры социально-ограниченных кодов.

В своей статье будем придерживаться классификации единиц, входящих в социолект, данной А.Т. Липатовым. К социолектам, принадлежащим к определенной профессиональной сфере, он относит термины, профессионализмы и профессиональный сленг (Липатов, 2010). В рамках данной статьи подробнее будут рассматриваться профессиональные термины как основные языковые единицы профессионального социолекта.

Сленг (англ. *s* – «special», *lang* – «language») – это комплект специальных слов или новых смыслов уже существующих слов, применяемых у разнообразных групп людей. По функции использования к сленгу

примыкают контролируемые языки, упрощенные технические языки, но разница заключается в том, что сленг не применяется в строгой формальной регламентации и отражает живое развитие языка (Гальперин, 2001). Основной, постоянной частью сленга, его языковой константой являются территориально-диалектные элементы. Это естественно, так как первоначальными носителями сленга были жители различных частей Великобритании: крестьяне, направляющиеся в города на заработки, разорившиеся мещане, а также разного рода деклассированные элементы. Из этого следует, что одна из отличительных черт сленга – смешение, конгломерат территориально разрозненных диалектных элементов, в том числе и таких, которые уже вышли из употребления в соответствующих диалектах или продолжают функционировать в языке в качестве архаизмов.

Изучением сленга как языкового феномена занимались многие исследователи (М.М. Бахтин, А.А. Данцев, Н.В. Нефедова, Н.О. Орлова, Г. Кураф, Ф.К. Сечирист). Ученые, работающие в этой области, пытались найти ответы на множество вопросов: насколько важен переход с повседневной речи на сленг, чем обусловлено его использование, какие способы образования сленга существуют и др.

В литературе известны различные концепции существования сленга, суть которых может быть сведена к тому, что сленг часто признается противоположностью литературного языка и приравнивается к жаргону и профессионализмам, составляя основу социолекта. Некоторые исследователи отмечают, что главное отличие сленга от просторечных слов заключается в том, что сленговые слова используют и образованные люди, которые имеют определенную профессию, относятся к конкретной субкультуре или возрастной категории (Беликов, Крысин, 2001). При этом часть авторов (например, американский лингвист Г. Кураф) уверенно отвергают сленг как замусоривающий устно-литературный шаблон, а другие (В.М. Журминский, С.А. Ларина) нахо-

¹Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1995. С. 3–4. / Erofeeva T.I. Sociaodi-

lect: Stratification Study: Extended abstract of PhD dissertation (Philology). St.Petersburg, 1995. pp. 3–4.

дят его знаком жизни и признаком поступательного изменения языка. Некоторыми авторами (Ф.П. Филин и др.) сленг детерминируется как сознательное употребление определенных элементов словаря в стилистических целях; другие исследователи (Ф.К. Сечирист) не находят возможным заявлять о сленге как о независимой языковой категории и причисляют данные языковые явления к разнообразным категориям лексики и стилистики. С психологической точки зрения сленг осмысливается как результат личного языкового или «духовного» творчества некоторых общественных и профессиональных систематиков, относящихся к той или иной среде (Гальперин, 2001).

Сленг выражается в употреблении слов и фразеологизмов, появившихся сначала в отдельных социальных группах, воспроизведших целостную ориентацию этих групп. Теперь, став общеупотребительными, данные слова в основном сберегают эмоционально-оценочный характер представителей групп, говорящих на нем.

В данной работе будут исследованы примеры использования профессионального сленга, относящегося к машиностроительной терминологии.

Профессиональный сленг чаще всего встречается в технической литературе. Техническая литература относится к определенной области техники и производства (каталоги изделий и деталей, руководства по эксплуатации, обслуживанию и ремонту, патенты и т. п.). Она представляет собой документы, которые используются при проектировании (конструировании), создании (изготовлении) и эксплуатации каких-либо технических объектов (оборудование, приборы, агрегаты, военная техника, промышленные товары и т. д.) (Ефремова, 2000).

Техническая литература подразделяется на несколько видов:

- конструкторская – эксплуатационная литература (руководство по технической эксплуатации, техническое описание);
- ремонтная (инструкция по ремонту, инструкция по техническому обслуживанию, перечень регламентных работ);

- технологическая – документы, устанавливающие технологический цикл изделия (паспорт); документы, содержащие информацию, необходимую для организации производства и ремонта изделий (техническое руководство)².

Технической литературе присущ в основном научно-технический стиль – специальный способ изложения материала, в котором главная роль отводится описанию. Конфигурациями научного стиля, его жанрами (фр. «genre» – род, вид) являются монографии; научные статьи; диссертации; рефераты; тезисы; доклады; техническая документация, которая используется в производстве; лекции и семинары; учебники и учебные пособия; методические рекомендации, обслуживающие учебный процесс в вузах и т. д. По большей части научная, техническая и учебная речь – это письменная речь. Употребление устной формы (доклад, лекция, семинар) призывает к строгой ее кодификации. Слог научного стиля нужно дополнять чертежами, схемами, графиками, условными обозначениями, формулами, диаграммами и т. д. (Денисенко, Комиссаров, Черняховская, 1980; 1981).

Техническая литература подчиняется определенным языковым законам:

1. Употребляется большое число специальных терминов. Слова подбираются скрупулезно для максимально точной передачи мысли. Значительный удельный вес имеют служебные (функциональные) слова (предлоги и союзы) и слова, снабжающие логическими связями некоторые элементы высказываний (наречия).

2. Применяется только установившиеся в письменной речи грамматические нормы. Свободно распространены пассивные, безличные и неопределенно-личные конструкции. Большей частью используются сложносочиненные и сложноподчиненные конструкции, в которых преобладают существительные, прилагательные и неличные формы глагола. Логическое выделение часто достигается путем отхода от категоричного порядка слов (в результате инверсии).

² ГОСТ 2.102.68 Единая система конструкторской документации. Виды и комплектность конструкторских документов. М.: Госстандарт России: Изд-во стандартов, 1968. – IV, 4 с. /All-Union State

Standard 2.102.68 Unified System for Design Documentation. Types and Sets of Design Documentation. M.: State Standard of Russia: Publishing Standards, 1968. – IV, 4 p.

3. Материал излагается максимально точно и ясно, так, чтобы установленная информация была понятна читателю. Недопустимо использование эмоционально окрашенных слов, оборотов и грамматических конструкций. Такой способ изложения можно назвать формально-логическим³.

Таким образом, основное требование к языку технической и научной литературы – это точное и четкое изложение, описание и разъяснение фактов. Основной акцент делается на логическую, а не на эмоциональную сторону информации. Автор стремится избежать возможности произвольного толкования предмета исследования, поэтому в технической литературе почти не используются многозначные слова и выражения, а повествование носит несколько суховатый, формальный характер. Авторы используют специальные слова (сленг), обозначающие узкоспециализированные термины, и исключают двойное их толкование. Также порой эти конструкции позволяют сократить объем написанной информации при сохранении понятийного функционала.

Так как предметом данного исследования является профессиональный сленг, следует рассмотреть способы образования профессиональных терминов. Одним из наиболее популярных способов является видоизменение исходного термина:

1. Сокращение. Например, CAD – computer-aided design / drafting (средства автоматизированного проектирования); САПР (система автоматизированного проектирования); CAE – computer-aided engineering (программы и программные пакеты, предназначенные для решения различных инженерных задач); СИА (система инженерного анализа); FEA (МКЭ) – finite element analysis (метод конечных элементов); ISS (МКС) – international space station (Международная космическая станция); ММС (ММК) – metal-matrix composites (металлически-матричные композиты); СТЕ (КТР) – thermal expansion coefficient (коэффициент теплового расширения) (Протасов, Дворак, 2015).

2. Универбация. Например, mother-

board – mobo (материнская плата); the automatic adaptive meshing – refinement (адаптивное деление элементной сетки) (Протасов, Дворак, 2015).

В профессиональном сленге компьютерщиков и специалистов других областей встречается много английских заимствований. Так, слово «эластоформование» образовалось от английского «elastofforming» – формовка эластичной средой листовых деталей; «гиперэластичные» (имеются ввиду свойства конечных элементов) происходит от английского слова «hyperelastic» – модель материала, используемая при моделировании материалов, способных увеличивать свои размеры при сохранении упругих свойств; выражение «эффект яичной скорлупы» образовалось от английского «eggshell effect» – эффект хрупкости материала при динамической нагрузке или его большой прочности при статической нагрузке; словосочетание «эластоформование с вырубкой» образовано от английского «elastforming with cutting» – совмещенный процесс формовки и вырубки эластичной средой; термин «неявная задача» произошел от английского слова «implicit task» – математический тип задачи при котором решение идет путем поиска параметров для обеспечения заданных критериев, а термин «явная задача» от «explicit task» – математический тип задачи при котором решение идет путем задания каких либо параметров и оценки результатов именно при этих параметрах (Анисимова, Дворак, 2016).

Заимствования не являются единственным инструментом пополнения лексикона исследуемой профессиональной сферы. Отдельные слова из одних профессиональных областей постепенно переходят в другие и ассимилируются в них. Например, термином «фланец» – «flange» в трубопроводной арматуре называется плоская деталь квадратной или круглой формы с равномерно расположенными отверстиями для болтов и шпилек, служащая для прочного и герметичного соединения труб («pipe flange»); в штамповке – этим термином обозначается часть детали, которая будет двигаться при формообразовании («flange's blank»); в эластоформовании

³ Польская С.С. Структура и функционирование профессионального социолекта: автореф. дис. ... канд. филол. Наук. М., 2011. 65 с. / Polskaya S.S.

Structure and Functioning of Professional Sociolect: Extended abstract of the Candidate of Science dissertation (Philo-logy). Science. M.: 2011. p. 65.

«shrink flange» и «stretch flange» – это соответственно выпуклый и вогнутый в плане борт.

Кроме того, способ метафоризации весьма плодотворно используется во всех сленговых системах. С его помощью, например, были организованы такие слова и словосочетания, как «отрыв дна» («separation of the bottom») – получение трещины на листовой детали при формообразовании в районе радиусного перехода на матрице; «складка» («wrinkling») – неустрашимый дефект, получаемый на листовой детали при формообразовании выпуклого борта; «гидро-эластичная формовка с задачей» («fluid cell forming with expansion»); «формовка борта с большим радиусным переходом» («forming of joggles»); «чешуйчатые микроструктуры» («lamellar microstructures») – переменные слои различных материалов в форме чешуек (они часто наблюдаются в тех случаях, когда фронт преобразования фазы перемещается быстро, оставляя позади два твердых продукта); «математический метод, увеличивающий кинетическую энергию конечных элементов» («mass scaling»); «конечно-элементная сетка» («mesh»); «точечная коррозия» («pitting»); «пружинение» («springback») – упругий отклик материала после снятия нагрузки и др.

Применяется и такой способ, как метонимия (оборот речи, замена одного слова другим, смежным по значению). Например, «mapping» – в переводе с английского языка означает «отражение, преобразование», однако в технической литературе, относящейся к области машиностроения термин «mapping» означает – «алгоритм передачи градиентов распределения результатов путем постоянства площади приложения градиента и игнорирования разнородности конечно-элементной сетки»; слово «undercut», т. е. «подрез» приобретает новое значение – «недопустимый угол между нормальными конечными элементами»; словосочетание

«accurate contact», т. е. «аккуратный / точный контакт» становится «методом решения контактной задачи, не позволяющей проникать одному объекту в тело другого»; слово «cavity die» – «устойчивость» преобразуется в «оснастку для вытяжки», а «shrinkage» – «усадка» переводится как «усадка материала после литья» (Денисенко, Комиссаров, Черняховская, 1980; 1981).

Сленговая лексика – энергично развивающаяся динамическая система. Она является неотъемлемым компонентом социолекта представителей определенной профессиональной группы наряду с профессионализмами и профессиональным жаргоном. Многие слова из технического сленга со временем переходят в официальную терминологию (например, аббревиатуры CAD, FEA и т. д.). Сленг активно используется не только в устной речи, но и в многочисленных электронных документах, письмах и виртуальных конференциях. Сегодня он встречается в печати, в публикациях солидных научных журналов. Анализ изученной литературы, относящейся к области машиностроения, позволил сделать вывод о том, что наиболее часто встречающимися способами образования профессионального сленга являются сокращения и универбация, а термины «hyperelastic», «eggshell effect» и другие являются неотъемлемой частью профессиональной терминологии современного инженера. Употребление сленга в специальной литературе позволяет в краткой и доступной (для специалистов) форме выразить достаточно большой объем информации. Представленные в статье приемы демонстрируют, что английские заимствования в профессиональной терминологии упрощают передачу информации между людьми определенной сферы деятельности, что в существенной мере сокращает время принятия тех или иных решений.

Библиографический список

Анисимова А.В., Дворак Е.В. К вопросу о переводческой эквивалентности и некоторых прагматических аспектах перевода [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Молодежный вестник Иркутского государственного технического университета». 2016. № 1. С. 29. URL: <http://mvestnik.istu.irk.ru/journals/2016/01/articles/29?view=0> (17.01.2018).

References

Anisimova A.V., Dvorak E.V. On Translational Equivalence and some Pragmatic Aspects of Translation. *Molodezhnyi vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Youth Vestnik of Irkutsk State Technical University], 2016, no. 1, pp. 29. Available at: <http://mvestnik.istu.irk.ru/journals/2016/01/articles/29?view=0> (accessed 17 January 2018).

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: РГГУ. 2001. 439 с.

Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 17–21.

Денисенко Ю.А., Комиссаров В.Н., Черняховская Л.А. [и др.]. Пособие по научно-техническому переводу. В 2 ч. Ч. 1. М.: Всесоюзный центр переводов, 1980. 167 с. Ч. 2. М.: Всесоюзный центр переводов, 1981. 111 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2000. 1233 с.

Липатов А.Т. Сленг как проблема социолектики: монография. М.: Изд-во «Элпис», 2010. 318 с.

Протасов А.В., Дворак Е.В. Особенности перевода неологизмов в английской машиностроительной терминологии [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Молодежный вестник ИРГТУ». 2015. № 4. С. 56. URL: <http://mvestnik.istu.irk.ru/journals/2015/04/articles/56?view=0>. (19.01.2018).

Belikov V.I., Krysin L.P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2001, 439 p. (In Russian).

Gal'perin I.R. The Term "Slang". *Voprosy yazykoznaneya* [Issues of Linguistics], 2001, no. 1, pp. 17–21. (In Russian).

Denisenko Yu.A., Komissarov V.N., Chernyakhovskaya L.A., Breus E.V. *Posobie po nauchno-tekhicheskomu perevodu* [Manual on Scientific-Technical Translation]. In 2 parts. P. 1. Moscow: All-Union Centre for Translation Publ., 1980, 167 p. P. 2. Moscow: All-Union Centre for Translation Publ., 1981, 111 p. (In Russian).

Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [New Russian Dictionary. Explanatory-Word-Formative]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Russian Language Publ., 2000, 1233 p. (In Russian).

Lipatov A.T. *Sleng kak problema sotsiolektiki: monografiya* [Slang as Sociolect Problem: monograph]. Moscow: "Elpis" Publ., 2010, 318 p. (In Russian).

Protasov A.V., Dvorak E.V. Features of Neologisms Translation in English Mechanical Engineering Terminology. *Molodezhnyi vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Youth Vestnik of Irkutsk State Technical University], 2015, no. 4, pp. 56. Available at: <http://mvestnik.istu.irk.ru/journals/2015/04/articles/56?view=0> (accessed 19 January 2018).

Сведения об авторах

Дворак Екатерина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент Института лингвистики, e-mail: k-dvorak@yandex.ru

Критерии авторства

Дворак Е.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author credentials

Ekaterina V. Dvorak, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Institute of Linguistics, e-mail: k-dvorak@yandex.ru

Authorship Criteria

Dvorak E.V. has done research, written the manuscript of the scientific results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КОНЦЕПТА НОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

© А.Б. Дзюба

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «норма / norm» в картинах мира русского и английского языков. Выделяется доминирующий признак концепта нормы – относительность. Анализируются языковые данные, имеющие непосредственное отношение к концепту нормы и указывающие на его относительный характер. Доказывается, что исследование концепта нормы позволяет описать специфику ориентирующей функции языка.

Ключевые слова: норма, концепт, относительность, контекст, коммуникация, ориентирующая функция языка, консенсуальная область.

Информация о статье. Дата поступления 22 января 2018 г.; дата принятия к печати 5 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Дзюба А.Б. Относительный характер концепта нормы (на материале русского и английского языков) // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 16–21.

THE RELATIVE CHARACTER OF THE CONCEPT NORM (A CASE STUDY OF RUSSIAN AND ENGLISH)

© A.B. Dzyuba

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of «norma / norm» in the Russian and English world views. It specifies relativity as a dominating feature of the concept. The language data directly relevant to the concept of norm and pointing out its relative character are analyzed. It is proved that the study of the concept of norm allows to describe specific features of the orientational function of language.

Keywords: norm, concept, relativity, context, communication, orientational function of language, consensual area.

Article info. Received January 22, 2018; accepted February 5, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Dzyuba A.B. The Relative Character of the Concept Norm (A Case Study of Russian and English) // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 16–21. (In Russian).

Норма – универсальный и всеобъемлющий феномен, так как представляет основу любой культуры, что отражено в идеографических словарях. Концепт нормы обуславливает и ориентирует социальную и индивидуальную жизнь человека, поскольку он относится практически ко всем сферам жизнедеятельности индивида: «...явлениям

природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям (деонтические нормы), экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т. д.» (Арутюнова, 1999. С. 75).

Концепт нормы, «...как и другие универсальные концепты, является ментальной единицей, представляющей базовые понятия человеческого опыта. Он играет важную роль в жизни человека, в его взаимоотношении с социальной, культурной и природной средой» (Верхотурова, Дзюба, 2015. С. 124). Исследованию концепта нормы и его аспектам посвятили свои труды многие отечественные и зарубежные лингвисты. Новизна исследования заключается в том, что впервые выделяется и изучается такой доминирующий признак концепта нормы, как относительность. Основываясь на том факте, что концепт нормы – это один из самых значимых онтологических концептов, и в этом качестве можно прогнозировать его существование в картине мира любой культуры, в представлениях об устройстве мира любого человеческого существа (Там же), правомерно использовать как материал исследования данные двух языков: русского и английского. Объектами исследования были выбраны лексические единицы, фрагменты текстов и высказывания, имеющие непосредственное отношение к концепту нормы. Предметом исследования послужила смысловая специфика, указывающая на относительный характер концепта нормы.

Есть все основания утверждать, что концепт нормы имеет четко выраженный признак относительности, который выступает как доминирующий. Норма в лингвистике традиционно рассматривалась как семантический примитив – элемент метаязыка лингвистики, служащий для описания, толкования, интерпретации языковых единиц различного уровня (лексических, грамматических, словообразовательных) (Апресян, 1995). У этого элемента имеется своя специфика: он относителен. Так, в толковании прилагательных норма «является переменной, которая заполняется в конкретных словосочетаниях информацией о соответствующем параметре» (Кронгауз, 2004. С. 137). Значения метаземента «норма» определяются, диктуются контекстом. Зависимость толкования / понимания семантики параметрических прилагательных основывается на представлении о норме: *long – great length, great distance; great – very large, much bigger than average in size or quantity; small – not large in size, number, degree,*

amount, etc.; big – large in size, etc; large – big in size, etc. Несмотря на так называемые круговые толкования, эксплицитно или имплицитно дефиниции относят значение таких слов к точке отсчета – норме, ее выражению в виде слова «average» – *the amount, level, standard, etc. that is typical of a group of people or things; norm.*

Такой же способ толкования подобных параметрических прилагательных обнаруживается и в словарях русского языка: «длинный» т. е. имеющий большую длину, а главное определяющее слово «большой» – значительный по размерам, величине и т. п., «значительный» же определяется как большой по размерам, величине и т. д. Строго говоря, предлагаемое в статье М.А. Кронгауза значение слова «длинный», т. е. «длиннее нормы», представляет собой выражение научной интуиции – совершенно убедительной и правомерной, но не основанной на лексикографических данных. Представляется, что уже этот факт свидетельствует о чрезвычайной относительности смысла слова «норма» и его интуитивной самоочевидности для параметрических прилагательных (Кронгауз, 2004).

Без контекста (определяемого слова) значение подобных прилагательных носит переменный, относительный характер. Оно ориентирует, с одной стороны, на существование нормы, с другой стороны – на относительность самой нормы. Сравним, например, «длинные ногти» и «длинный коридор». При этом относительность нормы реализуется на двух уровнях: социальный – общее представление языковых личностей социума о возможной и нормальной длине ногтей и коридора; личностный – связан с существованием личных представлений о норме длины ногтей и коридоров и тем, что будет девиацией от такой нормы для конкретного лица.

Социальная и личностная относительность нормы, безусловно, может касаться всех параметрических норм (предпочтений): *With her exotic background, she tends to cook very spicy food which, unfortunately, is not to her mother-in-law's taste!* Данный пример показывает относительность личностных представлений о норме остроты / пряности пищи. Вкусовые предпочтения невестки обусловлены ее культурным про-

исхождением (*exotic background*), где острая еда – это норма. В соответствии с вкусовыми ощущениями свежрови подобные блюда расцениваются как нечто несоответствующее ее представлениям о еде, что является отклонением от привычной нормы вкусовых ощущений. Следовательно, приведенный пример демонстрирует более эксплицитно личностную относительность нормы, вместе с тем указывая на тот факт, что личностная норма (вкусовые предпочтения) зачастую вырастает из социально-культурной относительности.

Работы Н.Д. Федяевой посвящены исследованию концепта «норма» в русском языке. Хотя она и не пишет об относительности, все ее размышления наталкивают на относительный характер нормы. Н.Д. Федяева указывает на то, что для обозначения нормы «...прилагательное “нормальный” имеет даже большее значение, чем производящее слово норма, так как последнее нередко воспринимается как научное / квазинаучное, что ограничивает его употребление» (Федяева, 2009. С. 129). Автор подчеркивает, что прилагательное «нормальный», как и другие качественные прилагательные, нуждается во фразовой интерпретации, и приводит примеры, подтверждающие этот факт:

А. Ну конечно, это же старые дома, там потолки нормальные;

Б. Причесочку мне надо сделать! Но ты же нормальная! Да? Я нормальная? Четыре дня уже эта укладка;

В. Какая книга бестолковая! Да? А мне показалась нормальная (Федяева, 2009).

Значение прилагательного «нормальный» в каждой ситуации уникально. Эта уникальность во многом зависит от контекста, где понятие нормы носит относительный характер. Социальная относительность нормы предполагает общее представление социума о норме потолков, прически, книги. Личностная относительность нормы – представления каждой отдельной языковой личности о норме потолков, прически, книги.

Таким образом, при анализе концепта нормы, выражаемого метапонятием «норма», необходимо учитывать его относительный характер. Согласно данным толковых словарей Д.Н. Ушакова и Д.В. Дмитри-

ева, «относительный» означает – устанавливаемый, определяющийся по сравнению, сопоставлению с другими. Не безусловный, не абсолютный, изменяющийся в зависимости от окружающих условий; когда вы называете какое-то явление относительным, вы хотите сказать, что его нужно рассматривать по отношению к другим явлениям. Действительно, содержание концепта нормы можно рассматривать только по отношению к другим явлениям, он (концепт нормы) наполняется содержанием при условии ориентирования на конкретный объект, относительно которого определяется норма и, что бывает гораздо чаще, отклонения от нормы, девиации. Именно поэтому, когда происходит вербализация этого концепта (эксплицитная и / или чаще имплицитная), его восприятие и интерпретация могут носить только ориентирующий характер. Норма – относительна, контекстозависима и информация о норме не передается. Говорящий может лишь сориентировать слушающего в области своих представлений о норме, и эта ориентация будет успешна при совпадении консенсуальной области коммуникантов (Кравченко, 2008), т. е. области совпадающего опыта того, о чем идет речь. Изучение оязыкования концепта «норма / norm» позволяет выявить, определить и описать специфику ориентирующей функции языка.

На современном этапе развития языкознания в целом и в частности когнитивной лингвистики поднимается вопрос о функции языковой ориентации (ориентирующей функции языка). С позиции биокогнитивного взгляда основная функция языка – обеспечивать ориентирование человека в мире социальных и природных отношений с целью его адаптации, выживания и сохранения как вида (*homo sapiens*). Коммуникация при этом рассматривается как установление связи с другим членом сообщества и суть ее не в обмене информацией, а в вовлечении собеседника в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на этого человека «ориентирующее воздействие» (Кравченко, 2008; Maturana, 1977).

Нормативные выражения создаются и интерпретируются как ориентирующие коммуникантов в консенсуальной области, т. е. области совпадающего опыта относительно конкретного параметра или вида

нормы. Так, степень относительности представления о «коротком» (в области длин и расстояний) может варьироваться от «короткие ДНК» до «короткие межрегиональные расстояния». Более того, «короткие волосы», несомненно, вызовут желание уточнить, что имеется в виду под словом «короткие» – до плеч (по сравнению с косой), уши открыты (по сравнению с длиной до плеч), короткие волосы «бобриком». В сознании представителей различных культур существует свой определенный параметр или модель (например, короткая юбка), значение которых довольно субъективно в зависимости от исторического времени, культуры, моды, возраста или личных предпочтений.

Семантика оценочных прилагательных также восходит к норме, хотя и в несколько другой парадигме (Арутюнова, 1999). Например, в Толковом словаре русского языка Ефремовой дается следующее определение прилагательного «красивый» – «поражающий зрение правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т. п., доставляющий удовольствие своим внешним видом» (Толковый словарь Ефремовой, 2000). Естественно, что поражать может только отклонение от привычного, т. е. от нормы. Та же самая ситуация, касаясь семантики оценочных прилагательных, наблюдается в картине мира английского языка: «beautiful» означает *extremely attractive to look at; very good or giving you great pleasure (= lovely)*. Очевидно, что крайне привлекательным может быть только отклонение от обычного, а значит от среднего или нормы. Анализ контекстов употребления определения «красивый» и «beautiful» впечатляет разнообразием и относительностью взглядов на «красивое», на почти универсальную применимость этого атрибута.

Далее приводятся корпусные данные картин мира русского и английского языков. Например, молодой майор, начальник онога, красивый лицом; красивый конь под ним; это теперь красивый блокнотик; красивый розовато-фиолетовый оттенок; не грязный, серый, плохо пропечатанный лоскуток, а красивый билет; красивый самолет; красивый, комбинационный волейбол; большой красивый лохотрон (Национальный корпус русского языка). Или, например, *it's a beautiful ship; looking at beautiful books; beautiful trees; eyes... with beautiful, white,*

smooth lids, like petals; the most beautiful face he could have dreamed of or imagined; he had a beautiful voice; I find football an absolutely beautiful game (British National Corpus).

Некоторые объекты, определяемые как красивые, требуют более широкого контекста для того, чтобы адекватно ориентировать адресата в смысловой области сообщения (билет, самолет, лохотрон / *ship, books, trees*), другие объекты (лицо, оттенок, конь, блокнотик / *lids, face, voice*) могут вызывать несоответствие оценок по параметру красоты у разных людей, третьи (волейбол / *football*) – могут оказаться неудачей в ориентации слушающего в силу отсутствия консенсуальной области (очень многие люди не являются любителями и знатоками подобных спортивных игр). Очевидно, что каждая языковая личность оценивает объекты и явления действительности относительно своего личного жизненного опыта, поскольку оценивание – «это специфическая форма познания» (Холдеева, 2015. С. 334)

Всем известный диалог секретарши Верочки и Людмилы Прокофьевны из кинофильма «Служебный роман» очень наглядно демонстрирует относительный характер семантики оценочных прилагательных:

– Вы купили новые сапоги, Вера?

– Да вот еще не решила, Людмила Прокофьевна. Вам нравится?

– Очень *вызывающие*. Я бы *такие* не взяла. А на вашем месте интересовалась бы сапогами не во время работы, а после нее.

– Значит, *хорошие* сапоги, надо брать (Любимые цитаты из «Служебного романа»).

Каждый человек оценивает все предметы и явления действительности относительно своего мировоззрения / картины мира. Так, для Веры следить за модой и выделяться чем-то оригинальным – это норма жизни. Для ее начальницы норма – это то, что никоим образом не выделяется из «серой массы». Вера считает манеру одеваться «как старуха» безвкусной и ориентируется на моду, отталкиваясь от противоположного, т. е. если начальница считает сапоги *вызывающими*, то Вере они как раз подходят. Здесь уместно вспомнить русскую поговорку «О вкусах не спорят».

Таким образом, когнитивно-языковой

феномен нормы является одним из самых универсальных ориентиров в области человеческого опыта. Как некая точка отсчета, норма характеризуется признаком относительности и интерпретируется в зависимости от контекста, который обусловлен объектом применения нормы, личными предпо-

тениями, возрастом, модой, культурой и др. Объективной нормы не существует, поскольку норма является антропоцентрическим феноменом человеческого сознания и ориентирована на специфику культурно-этнического, субкультурного и индивидуального оценочного восприятия.

Библиографический список

Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1995. 427 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Изд. 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Верхотурова Т.Л., Дзюба А.Б. Природа и функция когнитивно-языкового феномена нормы (в картине мира английского языка) // Вестник МГЛУ. 2015. № 17(728). С.120–132.

Кронгауз М.А. Норма: семантические и прагматические аспекты // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 137–141.

Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. 320 с.

Любимые цитаты из «Служебного Романа» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-kino/lyubimye-citaty-iz-sluzhebnogo-romana-732310/> (03.08.2017).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (24.09.2014).

Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/178314> (19.10.2015).

Федяева Н.Д. Качественные прилагательные в аспекте семантической категории нормы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5(143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С.129–133.

References

Apresyan Yu.D. *Izbrannye Trudy* [Selectas]. In two parts. In 2 vol. Vol. 1. *Leksicheskaya semantika* [Lexical Semantics]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, 427 p. (In Russian).

Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russian).

Verkhoturva T.L., Dzyuba A.B. The Nature and Function of the Linguo-Cognitive Phenomenon of Norm (in the English World View). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2015, no. 17(728), pp.120–132. (In Russian).

Krongauz M.A. The Norm: Semantic and Pragmatic Aspects. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Concealed Senses: Word. Text. Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 137–141. (In Russian).

Kravchenko A.V. *Kognitivnyi gorizont yazykoznaniiya* [The Cognitive Horizon of Linguistics]. Irkutsk: Baikal National University of Economics and Law Publ., 2008, 320 p. (In Russian).

Lyubimye tsitaty iz «Sluzhebnogo Romana» [Favorite Quotes from the film "Workplace Romance"]. Available at: URL: <https://www.adme.ru/tvorchestvo-kino/lyubimye-citaty-iz-sluzhebnogo-romana-732310/> (accessed 3 August 2017).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 24 September 2014).

Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka Efremovoi [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language by T.F. Efremov]. Available at: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/178314>. (accessed 19 October 2015).

Fedyayeva N.D. Descriptive Adjectives in the Aspect of Semantic Category 'Norm'. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 5(143). *Filologiya. Iskuststvedenie*

Холдеева Е.Ю. Наблюдатель и наблюдаемое в языке (на материале синтагмы show + the way) // Вестник Иркутского государственного технического университета. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ. 2015. № 10(105). С. 331–334.

British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (19.10.2017).

Maturana H. The biology of language: The epistemology of reality // The Neuropsychology of Language / ed. R.W. Rieber. New York: Plenum Press, 1977. P. 27–63.

[Philology. Study of Art], iss. 29, pp.129–133.

Kholdeeva E.Yu. Observer and the Observed in the Language (on the Material of show + the way Syntagm). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2015, no. 10(105), pp. 331–334.

British National Corpus. Available at: URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 19 October 2017).

Maturana H. The Biology of Language: The Epistemology of Reality. *The Neuropsychology of Language*. New York: Plenum Press, 1977, pp. 27–63.

Сведения об авторе

Дзюба Анна Борисовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, e-mail: annaistu@mail.ru

Критерии авторства

Дзюба А.Б. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author Credentials

Anna B. Dzyuba, a Senior Lecturer of Foreign Languages Department for Engineering Fields of Study no. 1, e-mail: annaistu@mail.ru

Criteria for Authorship

Dzyuba A.B. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

ВЫРАЖЕНИЕ НАРУШЕНИЙ НОРМЫ ОЖИДАНИЯ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКИХ ДЕТСКИХ СКАЗОК

© А.Б. Дзюба, Ш.Н. Алмырза

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация. Статья посвящена изучению нарушений нормы ожидания в речи. Материалом исследования послужили фрагменты русских детских сказок. Описываются изменения, происходящие в эмоциональной сфере персонажей при восприятии нарушения нормы ожидания. Рассматривается выражение нарушений нормы ожидания на лексическом, синтаксическом и фонетическом языковых уровнях.

Ключевые слова: норма ожидания, отклонение, сказка, эмоции, речь, уровни языка, восприятие.

Информация о статье. Дата поступления 26 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 16 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Дзюба А.Б., Алмырза Ш.Н. Выражение нарушений нормы ожидания в речи персонажей русских детских сказок // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 22–26.

VIOLATION OF NORM OF EXPECTATION IN THE SPEECH OF RUSSIAN CHILDREN'S FAIRY TALES CHARACTERS

© A.B. Dzyuba, S.N. Almyrza

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the violation of norm of expectation in speech. The study material is the passages from Russian children's fairy tales. It examines the changes of characters' emotional sphere when perceiving the violation of norm of expectation. The expression of the violation of norm of expectation is analyzed on lexical, syntactic and phonetic language levels.

Keywords: the norm of expectation, violation, fairy tale, emotions, speech, language levels, perception

Article info. Received February 26, 2018; accepted March 16, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Dzyuba A.B., Almyrza S.N. Violation of norm of expectation in the speech of Russian children's fairy tales characters // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 22–26. (In Russian).

Норма – ментальная единица, представляющая базовые понятия человеческого опыта. Анализ данных идеографических словарей свидетельствует о том, что концепт нормы универсален, поскольку существует в картине мира любой культуры. Исследование концепта нормы достаточно актуально, так как он играет важную роль в жизни

человека, в его взаимоотношении с социальной, культурной и природной средой. Еще больший интерес для исследователя представляют отклонения от нормы. Именно они воспринимаются как что-то нестандартное, необычное и неожиданное и, вызывая определенную эмоциональную реакцию, часто становятся предметом обсуждения.

Жизненный опыт языковой личности формируется с детства и на протяжении всей жизни. У каждого индивида имеются свои представления о норме чего-либо. Это во многом зависит от воспитания, личных предпочтений и нравственных ценностей.

Воспринимаемая окружающую действительность органами чувств, человек всегда соотносит ее со своим жизненным опытом, с тем, что он когда-то слышал, видел, ощущал тактильно или пробовал на вкус. Если воспринимаемое положение вещей или ситуация «не вписываются» в рамки сложившихся ранее представлений, то оно будет восприниматься как отклонение от привычного, т. е. от нормы ожидания. Норма ожидания – это норма, при проявлении которой сравнивают действительное с чем-то ожидаемым или привычным (Арутюнова, 1999. С. 69).

Нарушение нормы ожидания всегда вызывает какую-нибудь эмоциональную реакцию. Она может найти высвобождение как в речи, так и в невербальном поведении участников коммуникации. В коммуникативном акте речь и эмоциональное состояние языковых личностей тесно взаимосвязаны. Для общей психологии и когнитивной лингвистики диагностика эмоций человека по его речи представляет значительный практический интерес.

Представления о ценностях и разного рода нормах закладываются с детства. Формирование языковой картины мира ребенка во многом зависит от взрослого окружения, так как уже родители учат своего ребенка разделять их представления о мире. Картину мира русского языка невозможно представить без сказок. Сказка – один из древнейших жанров фольклора, который дошел до наших дней не как реликвия, а как необходимая в современной жизни ценность, имеющая эстетическое и практическое значение. Почти все традиционные русские сказки имеют глубокое смысловое значение и учат детей простым жизненным истинам. Поведение персонажей героев русских сказок во многом способствует формированию языковой картины мира. Язык сказок не сложный, поэтому даже маленький ребенок с легкостью заметит, если что-то будет не соответствовать привычному, ожидаемому положению вещей.

Данная статья посвящена исследованию фрагментов детских русских сказок с помощью метода лингвистического анализа с целью описания нарушений нормы ожидания в речи персонажей, а также эмоционального состояния героев при восприятии этих нарушений. Представленный интерпретационный анализ основан на языковом материале фрагментов русских детских сказок, отобранных с сайта «Для детей» (Сказки для детей на любой возраст).

В русских народных сказках эмоциональное состояние персонажей очень часто демонстрируется с помощью разного рода восклицаний, выраженных эмоциональными междометиями. Например: – *А в той избушке жил большущий медведь. Только его тогда дома не было: он по лесу ходил. Вернулся вечером медведь, увидел Машеньку, обрадовался. – Ага, – говорит, – теперь не отпущу тебя!* Будешь у меня жить. Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить (Маша и медведь).

Так, в приведенном отрывке из сказки «Маша и медведь» медведь использует междометие «ага» для выражения удивления, поскольку он не ожидал увидеть маленькую девочку у себя в избушке. Жить одному в своем доме, самому топить печь и варить кашу – это было нормой для медведя. Однако, норма – это не всегда идеальное положение вещей, т. е. не всегда так, как хотелось бы на самом деле. Возможно, медведю было скучно от того, что он живет один, но поскольку других вариантов не было, то он просто привык к такой жизни. Поэтому, увидев неожиданную гостью, медведь обрадовался, полагая, что теперь у него будет помощница. Его эмоциональное состояние отображается в речи. Непроизвольное произношение междометия «ага» и восклицательная интонация реплики медведя свидетельствуют о положительных эмоциях персонажа при восприятии нарушения нормы ожидания.

В предыдущем примере нарушение нормы ожидания каузировало положительные эмоции, однако следующий пример из русской народной сказки «Лисичка-сестричка и волк» эксплицирует негативное эмоциональное состояние персонажа (бабы): – *Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: – Ах*

ты!.. Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать! Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего (Лисичка-сестричка и волк).

Подходя к возу, баба ожидала увидеть обещанный дедом лисий воротник и рыбу, но, осознав, что ее ожидания не реализовались, героиня разозлилась и это отображается в ее речевой деятельности. Эмоциональное междометие «ах» и восклицательные реплики усиливают эффект неожиданности. Усеченные предложения и паузация, выраженная графически многоточием, указывают на то, что персонаж, переживая отрицательные эмоции, испытывает затруднение в организации синтаксических конструкций. Составное ругательное слово «Такой-сякой!» с восклицательной интонацией, подчеркивают негодование старухи.

В другой сказке неожиданность впечатлений маркируется не только вопросительной и восклицательной интонацией, но и лексическим содержанием: – На третий день погнали бычка-смоляного бочка в поле. Опять поставили, а сами ушли цветы собирать. Собирают цветы, вдруг по поляне пошел медведь, увидел он бычка – **любопытно** стало Мишке! Кругом обошел, второй раз обошел – и с того боку подойдет, и с другого бока подойдет: «Что за **чудо?** В жизни не видел такого бычка! Давай, – думает, – попробую лапой!» (Бычок-смоляной бочок). В этом примере внутренняя речь персонажа эксплицитно чувствует любопытства. Лексическая единица «чудо» определяется как «нечто небывалое, сверхъестественное, фантастическое» (Ефремова, 2000) и явно свидетельствует о том, что персонаж не привык видеть быка в таком виде. Поскольку у Мишки была сформирована определенная норма образа бычка, то представленный образ воспринимается как отклонение от нормы ожидания.

В русской народной сказке «Три медведя» нарушение нормы ожидания можно наблюдать с момента возвращения медведей домой. Чувство удивления и возмущения от того, что привычный, нормальный устой жизни был кем-то нарушен, просматривается в каждой вопросительной реплике персонажей. Кульминационный момент – наивысшая степень удивления Мишеньки, продемонстрирована в конце сказки: – А Мишенька подставил скамеечку, полез в

свою кровать и запищал тонким голосом: – Кто ложился на мою постель? – И вдруг он увидел девочку и **завизжал** так, как будто его режут: – **Вот она! Держи, держи! Вот она! Ай-я-яй! Держи!** (Три медведя). Медвежонок настолько не ожидал увидеть девочку в своей кровати, что был очень сильно удивлен, возможно даже испугался. Это неожиданное положение вещей повлияло на паралингвистические характеристики его голоса («завизжал так, как будто его режут»). Также реакция на отклонение от нормы ожидания наблюдается в организации его эллиптических предложений с восклицательной интонацией. Повторы фраз и произвольный выкрик «**Ай-я-яй!**» свидетельствуют о шоковом состоянии персонажа.

Следующий пример наглядно демонстрирует то, как, ориентируясь на родителей, ребенок формирует свои собственные представления о ценностях и разного рода нормах: Рассказала им девочка все, как было. Слушают они обе и головами качают – верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников, свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем! Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают: – А больше тебе ничего месяцы не дали? – Да я больше ничего и не просила. – Вот **дура**, так, **дура!** – говорит сестра. – В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретила, а ничего, кроме подснежников, не выпросила! Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного – яблочко да груш сладких, у другого – земляники спелой, у третьего – грибов беленьких, у четвертого – свежих огурчиков! – **Умница, доченька!** – говорит мачеха. – Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее, да сходи на полянку. Уж тебя они не проведут, хоть их двенадцать, а ты одна (Двенадцать месяцев). Из контекста сказки С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев» понятно, что падчерица была воспитана своими родителями скромной девочкой. Имея определенные моральные принципы, девушка посчитала лишним просить что-то еще кроме подснежников. Для падчерицы, лишенной многих радостей жизни, было нормой радоваться простым вещам, именно поэтому получить живые

цветы зимой было для нее пределом мечтаний. Мачеха же воспитала свою дочь по принципу «думай лишь о том, чтобы тебе было хорошо, а на других все равно», очевидно, что жадность и эгоизм – это норма их жизни. Поэтому, узнав, что скромная сводная сестра видела все дары природы и ничего кроме заказанных подснежников не взяла, мачехина дочка пришла в бешенство. Эмоциональное напряжение жадной и завистливой дочери высвобождается в речи: «Вот **дура**, так, **дура!**!». Сами оскорбительные слова, их повторы и восклицательная интонация максимально эксплицитно раскрывают негативную эмоциональную реакцию субъекта речи при восприятии нарушения нормы ожидания. Мачеха же в свою очередь поощряет жадность дочки похвалой: «Умница, доченька!». Говоря о моральных ценностях мачехи и ее дочки, уместно вспомнить русские народные поговорки «одного поля ягоды» или «два сапога пара» (Даль, 1989).

Итак, во всех рассмотренных фрагментах русских сказок обнаруживается нарушение нормы ожидания, при восприятии которого субъект речи всегда переживает определенную эмоциональную реакцию. Нарушение нормы ожидания может

каузировать как положительные (радость, любопытство и др.), так и отрицательные эмоции (гнев, злоба, страх, зависть). Согласно данным проведенного исследования, очень часто субъект речи испытывает эмоцию удивления, которая также может носить положительный либо отрицательный характер. Эмоциональное состояние находит свое высвобождение в речи.

С лингвистической точки зрения, нарушение нормы ожидания можно рассматривать на разных уровнях языка. Лексический уровень часто представлен эмоциональными восклицаниями «ага», «ах», «ай-я-яй», оскорбительной лексикой – «такой-сякой», «дура» или лексемами, имеющими в своей семантике отклонение от нормы ожидания – «чудо». В синтаксисе нарушение нормы ожидания выражается дезорганизацией синтаксических структур, например, повтором фраз или эллиптическими предложениями. Фонетический уровень связан с особенностями интонации (вопросительная и восклицательная), паузацией (графически выраженной многоточием) и паралингвистическими характеристиками голоса субъекта речи (например, завизжал так, как будто его режут).

Библиографический список

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Изд. 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бычок-смоляной бочок. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/374-bychok-smolyanoy-bochok.html> (23.02.2018).
- Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/22922/%D0%94%D0%B2%D0%B0 (23.02.2018).
- Двенадцать месяцев. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlya-detey.com/skazki/skazki-marshaka/33-dvenadcat-mesyacev-chitat.html> (23.02.2018).
- Лисичка-сестричка и волк. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/129-lisichka-sestrichka-i-volk.html> (23.02.2018).

References

- Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russian).
- Bychok-smolyanoi bochok [Bull-calf with pitchy body side]. Available at: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/374-bychok-smolyanoy-bochok.html> (accessed 23 February 2018).
- Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Russian proverbs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/22922/%D0%94%D0%B2%D0%B0 (accessed 23 February 2018).
- Dvenadtsat' mesyatsev [Twelve months]. Available at: <http://dlya-detey.com/skazki/skazki-marshaka/33-dvenadcat-mesyacev-chitat.html> (accessed 23 February 2018).
- Lisichka-sestrichka i volk [Sister fox and wolf]. Available at: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/129-lisichka-sestrichka-i-volk.html> (accessed 23 February 2018).

Маша и медведь. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/130-masha-i-medved.html> (23.02.2018).

Сказки для детей на любой возраст. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlya-detey.com/skazki/> (23.02.2018).

Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/266805> (23.02.2018).

Три медведя. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/372-tri-medvedya.html> (23.02.2018).

Masha i medved' [Masha and bear]. Available at: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/130-masha-i-medved.html> (accessed 23 February 2018).

Skazki dlya detei na lyuboi vozrast [A fairy tale for children of any age]. Available at: <http://dlya-detey.com/skazki/> (accessed 23 February 2018).

Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka T.F. Efremovoi [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language by T.F. Efremova]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/266805> (accessed 23 February 2018).

Tri medvedya [Three bears]. Available at: <http://dlya-detey.com/skazki/russkie-narodnie/372-tri-medvedya.html> (accessed 23 February 2018).

Сведения об авторах

Дзюба Анна Борисовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, e-mail: annaistu@mail.ru

Алмырза Шынгыс Нурбекулы, студент группы НДБ-16-2 института недропользования, e-mail: almyrza_1998@mail.ru

Критерии авторства

Дзюба А.Б., Алмырза Ш.Н. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors Credentials

Anna B. Dzyuba, a Senior Lecturer of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, e-mail: annaistu@mail.ru

Shyngys N. Almyrza, a second-year student of Institute of Mineral Resource Management and Processing, e-mail: almyrza_1998@mail.ru

Criteria for Authorship

Dzyuba A.B., Almyrza S.N. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТИКЕТНОЙ ЕДИНИЦЫ «ИЗВИНЕНИЕ» В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

© Ю.В. Туфанова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация. В работе анализируются особенности функционирования этикетной единицы «извинение» в диалогической речи. В частности, выявляются основные ее функциональные характеристики, изучаются условия и факторы успешного использования в рамках диалога. В результате анализа установлено, что функционирование данной единицы соответствует основным принципам вежливости и кооперации, соблюдение которых может способствовать успешному осуществлению межличностного коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: извинение, диалогическая речь, кооперативное речевое поведение, речевой этикет, успешное коммуникативное взаимодействие.

Информация о статье. Дата поступления 14 января 2018 г.; дата принятия к печати 16 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Туфанова Ю.В. Особенности функционирования этикетной единицы «извинение» в диалогической речи // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 27–33.

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF THE ETIQUETTE UNIT "APOLOGY" IN DIALOGICAL SPEECH

© Yu.V. Tufanova

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the functional peculiarities of the etiquette unit «Apology» in dialogical speech. In particular, it highlights its basic functional characteristics. The conditions and factors of its successful use in dialogical speech are studied and analyzed. As a result of the analysis it was established that the functioning of this unit corresponds to the basic principles of politeness and cooperation, the observance of which can contribute to the successful implementation of interpersonal communication interaction.

Keywords: apology, dialogical speech, cooperative speech behavior, speech etiquette, successful communicative interaction

Article info. Received January 14, 2018; accepted March 16, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Tufanova Y.V. Functional peculiarities of the etiquette unit "apology" in dialogical speech // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 27–33. (In Russian).

В современном языкознании после исследований, базирующихся на формальных критериях, появилось большое количество работ, в которых центральной фигурой становится человек как языковая личность. Антропоцентризм современной линг-

вистики проявляется в анализе различных аспектов человеческого общения. При этом особенное внимание уделяется вопросам межличностной коммуникации. В этой связи актуальность выбранной темы определяется:

– направленностью современной

лингвистической науки на изучение проблем речевого общения и речевого поведения;

- необходимостью расширения знаний о закономерностях осуществления межличностных интеракций;

- значимостью извинения в различных сферах человеческого общения как способа сохранения гармоничных отношений между коммуникантами.

Цель данного исследования – выявление особенностей функционирования этикетной единицы «извинение» в условиях диалогической речевой деятельности. Она предполагает решение следующих задач:

- систематизация результатов теоретических и эмпирических исследований, релевантных тематике работы;

- изучение и анализ условий и факторов успешного использования этикетной единицы «извинение»;

- выявление основных функциональных характеристик единицы «извинение» в диалогической речи.

При работе над статьей применялся комплекс исследовательских методов: теоретический анализ, наблюдение и интерпретация, сравнительный метод.

Коммуникация (от лат. «communicatio» – «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.») – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» (Ярцева, 1990. С. 223). Межличностная коммуникация осуществляется в условиях диалогической речевой деятельности собеседников.

Диалогическая речь (от греч. «dialogos») – «форма (тип) речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами». Ученые отмечают, что диалогическая речь является первичной, естественной формой языковой коммуникации. Она генетически восходит к устно-разговорной сфере, для которой характерен принцип экономии средств словесного выражения. При этом экстралингвистические факторы, такие как коммуникативная ситуация, мимика, жесты способствуют сохранению информативной целостности диалогической речи (Ярцева, 1990. С. 135). Многие ученые отмечают, что в структуре высказывания паралингвистические компоненты образуют «второй ряд об-

щения», который выполняет главным образом модусные функции (отражает социальные, интенциональные, эмоциональные и другие уровни смыслов), высвобождая вербальный канал для главной (логико-содержательной, пропозициональной) информации (Баринаева, Красильникова, Капанадзе, 1973). Это согласуется с положением о том, что «всякое высказывание в принципе может быть как бы двухслойным, состоящим из основного, предметно-логического содержания и оценочно-эмоционального» (Колшанский, 2005. С. 27).

Мимика и жесты в ситуациях межличностного общения функционально ориентированы на адресата и помогают ему однозначно воспринимать высказывание. Традиционно к жестам относят различного рода телодвижения, к мимике – выражение лица говорящего. В целом паралингвистические компоненты коммуникативного поведения человека не оказывают непосредственного влияния на предметно-логическое содержание высказывания, их обычно рассматривают «как стимулирующий фактор психологического воздействия при восприятии речи, накладывающийся на смысл самой фразы» (Колшанский, 2005. С. 43). Например: – *Ну, прощайте, соспода! <...>. Вы не обижайтесь на меня!.. – быстро прибавил он, добродушно улыбаясь и крепко пожимая обеими руками руку Даева. <...>. Даев рассмеялся и горячо пожал в ответ руку Киселева (Вересаев, 1980. С. 103).*

В данном примере первый говорящий извиняется за произнесенные резкие слова. Извинение выражается при помощи высказывания «*Вы не обижайтесь на меня!*» и сопровождается паралингвистическими компонентами общения, накладывающимися на смысл самого высказывания и усиливающими воздействующий потенциал извинения, такими как улыбка (*добродушно улыбаясь*) и рукопожатие (*крепко пожимая обеими руками руку Даева*). Адресат извинения в качестве реакции использует только невербальные средства, в частности, смех и рукопожатие (*Даев рассмеялся и горячо пожал в ответ руку Киселева*), которые косвенно свидетельствуют о принятии извинения. Таким образом, паралингвистические компоненты речевого поведения адресата выполняют, помимо эмотивной, еще и

коммуникативную функцию, замещая собой речь. В поведении адресата сочетаются непосредственно ненамеренно экспрессивная (смех) и непосредственно намеренно экспрессивная (рукопожатие) формы невербального речевого поведения. Невербальное речевое поведение первого говорящего относится к непосредственно намеренно экспрессивной форме поведения. При этом улыбка адресанта отражает его психо-эмоциональное состояние, выполняя эмотивную функцию.

Диалог является сложно организованной целостной структурой, продуктом совместной деятельности собеседников. Традиционно выделяются следующие типы диалога:

- информативный, состоящий из вопросно-ответных пар, имеющий своей целью получение информации;
- прескриптивный, содержащий просьбу, приказ, отказ или обещание;
- диалог-обмен мнениями, представляющий собой дискуссию, спор и характеризующийся тематическим единством;
- диалог-унисон (-диссонанс), регулирующий или устанавливающий межличностные отношения;
- праздноречиво диалог, связанный с эмоциональным общением (восхищение, жалобы, хвастовство и т. д.), артистическими жанрами (анекдот, острота, мини-рассказ и т. д.), интеллектуальным общением, не имеющим информативной ценности¹.

Извинение, являясь этикетной единицей общения, чаще встречается в диалогах-унисонах, регулирующих отношения между коммуникантами. Например: – *Listen, Clem,* – *O'Neil whispered hoarsely,* – *there's a little party somebody's giving the sponsor and he wants you to come.* – *I'm sorry, Emmet,* – *Archer said.* – *But I promised Vic.* – *Sure,* – *O'Neill nodded vigorously.* – *Don't worry about it* (Shaw, 1987. P. 8).

В приведенном примере второй говорящий извиняется (*I'm sorry*) для того, чтобы смягчить негативное впечатление от вынужденного отказа собеседнику (*But I promised Vic*). Следовательно, извинение носит в данном случае проспективный характер. Вто-

рому говорящему удастся достичь поставленной цели, поскольку адресат извинение принимает, о чем свидетельствует его вербальная реакция (*Sure. <...> Don't worry about it*), сопровождаемая невербальным средством коммуникации (*O'Neill nodded*).

В функциональном отношении извинение представляет собой речевое действие, направленное на исправление значения, «... которое могло бы быть приписано некоторому поступку. Извинения производятся с целью превратить нечто, что можно принять за агрессию, в нечто, чему можно подобрать приемлемое истолкование» (Goffman, 1974. P. 156, 169). Например: – *Ты прости меня, Степа! Прости, пожалуйста! Я так виновата перед тобой. Не нужно было втягивать тебя во все это. Мне очень стыдно, поверь. Он опешил. Ожидал всего, чего угодно, но только не ее извинений <...>.* – *Это ты меня прости, Тань. Не доглядел. Прости. И он вышел, поспешив закрыться от нее дверью* (Романова, 2007. С. 176).

В приведенном примере первый говорящий (Татьяна) просит прощения при помощи формулы извинения «прости меня», дважды повторяя ее и сопровождая интенсификатором «пожалуйста». Она вербально признает свою вину (*Я так виновата перед тобой*), сожалеет о случившемся (*Не нужно было втягивать тебя во все это*). При этом Татьяна выражает смущение (*Мне очень стыдно*), что является более характерным для женской речи. Адресат (Степа) реагирует при помощи встречного извинения (*Это ты меня прости, Тань. <...> Прости.*) и признания своей вины в произошедшем (*Не доглядел*). Как видим, речевой акт извинения выполняет функцию коррекции ситуации общения и, следовательно, коммуникативное взаимодействие между собеседниками можно назвать успешным.

Для удачного осуществления подобного вербального взаимодействия собеседники должны придерживаться определенных правил и принципов, регулирующих речевое общение. Один из них – принцип кооперации Г.П. Грайса, заключающийся в готовности собеседников к сотрудничеству: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует

¹ Основы теории коммуникации: учебник / под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2003. 615 с. /

Fundamentals of communication theory: textbook / ed. by M.A. Vasilik. Moscow: Gardariki, 2003, 615 p.

совместно принятая цель (направление) этого диалога» (Грайс, 1985).

Другим важным принципом межличностного общения является принцип вежливости, сформулированный Дж.Н. Личем, представляющий собой комплекс так называемых максим:

- максима такта заключается в соблюдении дистанции участниками диалога, не нарушении границ личной сферы, коммуникативную цель собеседника допустимо обсуждать только в том случае, если он открыто ее обозначил;

- максима великодушия состоит в создании комфортных условий для общения, не связывания собеседника обещаниями или клятвами;

- максима одобрения является максимальной позитивной оценкой собеседника и окружающего мира, событий в нем;

- максима скромности состоит в неприятии похвал в свой адрес и в объективной самооценке;

- максима согласия заключается в отказе от конфликтного сценария развертывания коммуникативной ситуации;

- максима симпатии представляет собой демонстрацию доброжелательности по отношению к собеседнику (Leech, 1983).

Принцип вежливости Дж.Н. Лича и принцип кооперации Г.П. Грайса являются базовыми, их соблюдение может способствовать успешному речевому взаимодействию между собеседниками в рамках диалога.

Однако диалог в отличие от других сфер речевого общения состоит в сложном характере взаимодействия собеседников. В диалоге, характеризующемся кооперативной направленностью, иллокутивные намерения участников являются согласованными. Так, формальной экспликацией связи между репликами собеседников в ситуации извинения является иллокутивное вынуждение (Баранов, Крейдлин, 1992), которое формируется в том числе и под влиянием общих законов функционирования диалога. Например: – *Manfred*, – *Archer complained*, – *I'm still in bed*. – *Oh, I' so sorry. A thousand apologies. I have been up since five-thirty and I...* – *That's all right, Manfred*, – *Archer said crossly* (Shaw, 1987. P. 298).

В данной ситуации диалог происходит между начальником и подчиненным.

Первый говорящий (начальник) недоволен ранним звонком подчиненного, поскольку тот его разбудил (*I'm still in bed*). Подчиненный извиняется при помощи этикетной формулы «*I' so sorry*», а также стилистически повышенного высказывания «*A thousand apologies*». При этом он приводит оправдательный довод (*I have been up since five-thirty and I...*). Адресат (начальник) принимает извинение, о чем свидетельствует его ответная реплика (*That's all right, Manfred*), однако он делает это с нежеланием, что видно по его интонации (*Archer said crossly*). Тем не менее, данное коммуникативное взаимодействие можно назвать успешным, так как речевые действия собеседников характеризуются кооперативной направленностью, а их иллокутивные намерения находятся в согласии.

Речевой акт извинения отвечает максима такта, согласия и одобрения. Однако они осуществляются только при условии достижения такого прагматического результата, как положительная реакция собеседника. Например: – *Sorry, Wilfrid*. – *All right, dear* (Galsworthy, 1956. P. 12).

В приведенном примере первый говорящий извиняется при помощи формулы извинения «*sorry*». Диалог происходит в неформальной обстановке. Причиненный ущерб незначительный, таким образом, извинение носит скорее этикетный характер ретроспективной направленности. Целью использования извинения в данной ситуации является устранение негативного эффекта от поведения первого говорящего. Ему удастся достичь своей цели, поскольку адресат принимает извинение, что следует из его ответной реплики (*All right, dear*). Как видим, интенции собеседников находятся в гармонии. Таким образом, в этой ситуации речевое поведение партнеров согласуется с принципом кооперации, а взаимодействие между ними можно назвать успешным.

Необходимо подчеркнуть, что этикетными могут быть не только извинения, но и реакции на них. Наиболее употребительными и стилистически нейтральными вариантами ответных реплик адресата в русском языке являются: «Пожалуйста!», «Ничего!», «Не стоит!», «Не стоит извинения!». В английском: «*That's all right*», «*Never mind*», «*Forget it*», «*No harm done*» (Формановская, Шевцова, 1990). Например: – А ты все такая

же красивая... – задумчиво произнес Служкин. – Только располнела... – А ты все такой же грубиян, – ответила Лена. – Извини, – смутился Служкин. – Ничего. – Лена ласково коснулась рукой его локтя (Иванов, 2008. С. 54–55).

В приведенном примере коммуникативная ситуация извинения происходит в неформальной обстановке, между бывшими одноклассниками. Первый говорящий извиняется за невольно сказанные неприятные слова (Только располнела). Как видим, причиненный ущерб невелик, поэтому в качестве извинения он использует этикетную формулу «извини». Применение «ты-формы» извинения объясняется тем фактом, что отношения между коммуникантами являются дружескими, а обстановка общения неофициальной. Целью первого говорящего является устранение негативного эффекта от произнесенных слов. Отметим, что после обмена неприятными репликами между партнерами («Ты располнела» и «А ты все такой же грубиян») ситуацию общения между ними можно назвать потенциально конфликтной, т. е. содержащей предпосылки будущего конфликта. Однако извинение первого говорящего позволяет устранить дисгармонию. Второй говорящий (адресат) принимает извинение при помощи этикетной реплики «ничего», это косвенно свидетельствует о том, что адресанту удастся достичь поставленной цели. Таким образом, ситуация из потенциально конфликтной перерастает в кооперативную.

В случае, когда извинение кажется адресату излишним или преувеличенным, он нередко использует следующие ответные реплики: «Не за что (извиняться!)», «За что же извиняться!», «Какие пустяки!», «Это такие пустяки!», «Да (ну) что вы!», «Какая ерунда!», «Это такая ерунда!», «No harm done», «It's ok», «No need to be sorry», «Never mind», «Forget it» (Формановская, Шевцова, 1990). Например: – Look, – Burke said, – I didn't come up here to talk about that. I forgot and I'm sorry and I apologize and I don't want you to hold it against me. – Forget it. <...> (Shaw, 1987. P. 286).

Здесь общение происходит между друзьями в неформальной обстановке. Статус и ролевые позиции собеседников примерно равны, поэтому ситуация является симметричной. Рассматриваемая ситуация – следствие ущерба, причиненного в

прошлом (первый говорящий не вернул деньги), т. е. извинение носит ретроспективный характер. Он извиняется, дважды используя этикетные формулы извинения (*I'm sorry and I apologize*), объясняет причину своего поступка (*I forgot*), просит не сердиться на него (*I don't want you to hold it against me*), что усиливает воздействующий потенциал извинения. Его цель состоит в устранении возникшего конфликта. Таким образом, речевое поведение адресанта носит кооперативный характер. Адресат принимает извинение, что видно из его ответной реплики (*Forget it*), имеющей также кооперативную направленность. Первому говорящему удается добиться поставленной цели и коммуникативное взаимодействие между партнерами на данном этапе является успешным.

Как демонстрирует эмпирический материал, извинение может выполнять лишь этикетную функцию и не содержать новой логической информации. В подобных ситуациях извинение направлено на регулирование отношений между собеседниками. В целом извинение в данной ситуации отвечает требованиям положительной вежливости и отражает правила поведения коммуникантов, принятые в обществе (Туфанова, 2014). Компетентное использование извинения свидетельствует о его включении в систему ценностей человека, а также способствует развитию межличностных взаимоотношений (Красных, 2003; Туфанова, 2017).

В зависимости от состояния внешней ситуации общения и взаимоотношений между собеседниками извинение может быть подлинным выражением кооперативного речевого поведения или только его внешней демонстрацией, т. е. проявляться в модальности «я хочу / я должен» (вежливость – искренность, вежливость – маска) (Формановская, 2002). Тем не менее в проанализированных ситуациях этикетное извинение выполняет функцию регулирования речевого поведения общающихся.

Таким образом, рассматриваемый этикетный речевой акт извинения в функциональном плане соответствует основным принципам вежливости и кооперации, соблюдение которых может способствовать успешному осуществлению речевого взаимодействия между собеседниками в рамках диалога.

Библиографический список

References

Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

Барина Г.А., Красильникова Е.В., Кapanадзе Л.А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1973. 488 с.

Вересаев В.В. Поветрие // Повести. Рассказы. М.: Правда, 1980. С. 91–110.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 220–227.

Иванов А. Географ глобус пропил. М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2008. 507 с.

Колшанский Г.В. Паралингвистика: монография. Изд. 2, доп. М.: URSS, 2005. 93 с.
Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Издательско-торговый дом гуманитарной книги «Гнозис», 2003. 375 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Романова Г.В. Осколки ледяной души. М.: Эксмо-Пресс, 2007. 320 с.

Туфанова Ю.В. Функциональные особенности лингвистической вежливости в коммуникативной ситуации извинения // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 2 (85). С. 316–321.

Туфанова Ю.В. Этикетная единица «извинение» как регулятор речевого поведения общающихся // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 1. С. 34–39.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: монография. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

Baranov A.N., Kreidlin G.E. Illocutionary compulsion in the structure of the dialogue. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 1992, no. 2, p. 84–99. (In Russian).

Barinova G.A., Krasil'nikova E.V., Kapanadze L.A. *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian spoken speech. Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture]. Moscow: Nauka Publ., 1973, 488 p. (In Russian).

Veresaev V.V. *Craze. Povesti. Rasskazy* [Short novels. Stories]. Moscow: Pravda Publ., 1980, pp. 91–110. (In Russian).

Grais G.P. Logics and speech communication. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Iss. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign linguistics. Iss. 16. Linguistic pragmatics]. Moscow: Progress Publ., 1985, pp. 220–227. (In Russian).

Ivanov A. *Geograf globus propil* [The Geographer Drank His Globe Away]. Moscow: AST Publ.; Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2008, 507 p. (In Russian).

Kolshanskii G.V. *Paralingvistika* [Paralinguistics]. Moscow: URSS Publ., 2005, 93 p. (In Russian).

Krasnykh V.V. "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["Native" Among "Strangers": Myth or Reality?]. Moscow: Izdatel'sko-torgovyi dom gumanitarnoi knigi "Gnozis" Publ., 2003, 375 p. (In Russian).

Yartseva V.N. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 685 p. (In Russian).

Romanova G.V. *Oskolki ledyanoi dushi* [Shatters of cold soul]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 2007, 320 p. (In Russian).

Tufanova Yu.V. Functional features of linguistic courtesy in a communicative situation of apology. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk state technical university], 2014, no. 2 (85), pp. 316–321. (In Russian).

Tufanova Yu.V. Etiquette unit "apology" as a regulator of speech behaviour of partners in conversation. *Sotsial'naya kompetentnost'* [Social competence], 2017, vol. 2, no. 1, pp. 34–39. (In Russian).

Formanovskaya N.I. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Speech communication: communicative and pragmatic approach.]. Moscow: Russkii yazyk Publ., 2002, 216 p. (In Russian).

Формановская Н.И., Шевцова С.В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: справочник. М.: Высшая школа, 1990. 95 с.

Galsworthy J. The White Monkey // A Modern Comedy. В 3 т. Т. 1. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 328 с.

Goffman E. Das Individuum im öffentlichen Austausch. Frankfurt am Main.: Suhrkamp Verl., 1974. 512 p.

Leech G.N. Principles of pragmatics. London – New York, 1983. 273 p.

Shaw I. The Troubled Air. New York, 1987. 510 p.

Formanovskaya N.I., Shevtsova S.V. *Rechevoi etiket. Russko-angliiskie sootvetstviya* [Speech etiquette. Russian-English matches]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990, 95 p. (In Russian).

Galsworthy J. The White Monkey. A Modern Comedy. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1956, 328 p.

Goffman E. Das Individuum im öffentlichen Austausch. Frankfurt am Main.: Suhrkamp Verl., 1974, 512 p.

Leech G.N. Principles of pragmatics. London – New York, 1983, 273 p.

Shaw I. The Troubled Air. New York, 1987, 510 p.

Сведения об авторе

Туфанова Юлия Валерьевна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, e-mail: ttufanova@mail.ru

Критерии авторства

Туфанова Ю.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Yuliya V. Tufanova, Candidate of Philological Science, Associate Professor of Foreign Languages for Humanities Department, e-mail: ttufanova@mail.ru

Criteria for Authorship

Tufanova Yu.V. has conducted the research, formalized the research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

УДК 81-119

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА

© Е.Ю. Холдеева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация. В статье анализируются особенности ситуаций восприятия, описываемых фразовым глаголом «*show up*». Доказывается, что исследуемый глагол может категоризовать различные перцептивные события, интерпретация которых зависит не только от типа субъекта и объекта восприятия, а также от пространственных и других характеристик. Установлено, что многозначность глагола «*show up*» вызвана взаимодействием перцептивного и локативного компонентов в его семантике.

Ключевые слова: событие, восприятие, субъект, наблюдатель, объект, перцептивно-событийный глагол, локатив, интерпретация.

Информация о статье. Дата поступления 12 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 16 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Холдеева Е.Ю. Некоторые семантические особенности английского многозначного глагола // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 34–38.

SOME SEMANTIC ASPECTS OF ENGLISH POLYSEMANTIC VERB

© E.Yu. Kholdeyeva

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article examines some aspects of perception situations described by the phrasal verb *show up*. The author proves that this verb can categorize various perceptual events. Their interpretation depends not only on the type of subject and object of perception but also on some spatial and other characteristics. It was found out that polysemy of the analyzed verb is the result of interaction between perceptual and locative components in its semantics.

Keywords: event, perception, subject, observer, object, verb denoting perceptual events, locative, interpretation.

Article info. Received February 12, 2018; accepted March 16, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Kholdeyeva E.Yu. Some semantic aspects of English polysemantic verb // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 34–38. (In Russian).

Окружающий мир воспринимается субъектом в непосредственно-чувственной форме, т. е. в разнообразии запахов, звуков, красок, прикосновений и т. д. Посредством восприятия живые организмы взаимодействуют с окружающим миром, осваиваются в нем и оберегают свою целостность (Барбанщиков, 2009. С. 81). Термин «восприятие» включает в себя широкий спектр явлений и

процессов, начиная от обычного осмысления человеком того, что с ним происходит в какой-либо момент времени, до обобщения сенсорного опыта в виде отражения окружающего нас мира. В психологии восприятие определяется как процесс формирования целостного образа, отражающего единство структуры и свойств объекта (Ананьев, 1982. С. 16). Выдающиеся психологи

(А.Н. Леонтьев, А.А. Запорожец и др.) трактуют восприятие как непрерывный процесс извлечения информации из внешнего мира. При этом восприятием является активное взаимодействие с окружающей действительностью, которое направлено на приспособление людей к среде, и их выживание, а, следовательно, и на извлечение из потока информации нужных данных (Кубрякова, 1997. С. 17). Таким образом, концепт восприятия относится к сложнейшему релятивному комплексу, в котором на самом абстрактном уровне выделяются субъект восприятия, процесс восприятия, представляющий взаимодействие субъекта со средой, и сама действительность – объект или признак воспринимаемого мира.

В рамках современной лингвистики языковая репрезентация процессов восприятия и воспринимаемого мира исследуется в различных аспектах. В последнее время большое внимание уделяется проблеме концептуализации субъекта зрительного восприятия в языке, который все чаще рассматривается как наблюдатель (Верхотурова, 2004. С. 14). Фигура наблюдателя прочно входит в систему описания смысла различных языковых единиц.

Следует отметить, что семантическое поле восприятия структурируется не только глаголами восприятия. Оно также включает в себя глаголы со смешанной семантикой, которые меньше описаны, а иногда и просто не выделены. Такие глаголы могут соединять в своем значении два типа компонентов: физический или пространственный (подразумевается не только местонахождение, но и перемещение) и нефизический – перцептивный. К основным представителям этого класса Г.И. Кустова относит такие глаголы, как *возникнуть, показаться, оказаться, обнаружиться* и др. Их можно назвать перцептивно-событийными из-за наличия перцептивного события или события более сложного, но тоже включающего перцептивный компонент. Выделенную группу можно разделить на два подкласса, в одном из которых подлежащим является субъект восприятия, а в другом подлежащим становится объект восприятия (Кустова, 1999. С. 229–230).

Перцептивно-событийные предикаты включают в себя идею контакта с объектом восприятия, т. е. идею местоположения. При

таких глаголах есть локативы, которые связывают существование и восприятие. Как отмечает Г.И. Кустова, локатив является не только импликацией существования (если объект существует, он находится в каком-либо месте), но и импликацией восприятия (если человек видит объект, этот объект расположен в той части, куда направлен его взгляд). Хотя место для большинства глаголов является сирконстантом, очевидно, что связь места с предикатами зрительного восприятия гораздо более тесная, ведь субъекту восприятия необходимо находиться рядом с объектом для того, чтобы его увидеть. Следовательно, локативный и перцептивный компоненты взаимосвязаны посредством множества имплицативных связей (Кустова, 1999. С. 230).

В настоящей статье описываются семантические особенности английского фразового глагола *«show up»*, который является эквивалентом русского глагола «показаться» и, входит в группу перцептивно-событийных предикатов. Следует отметить, что представители этой группы в английском языке (характеризуются ярко выраженной многозначностью, при этом словарные дефиниции одних и тех же глаголов в различных толковых словарях не всегда совпадают, а иногда и неточны» (Холдеева, 2015. С. 332). Задача стоит в уточнении его значений, исходя из связи места и события с субъектом и объектом восприятия. Таким образом, цель данной статьи – проанализировать, как перцептивный и локативный компоненты проявляются в семантике фразового глагола *«show up»*. Исследование выполнено на базе данных «Corpus of Contemporary American English» и «British National Corpus».

Рассмотрим различные типы ситуаций восприятия с глаголом *«show up»*. Например:

1. *Numerous stars **showed up** to the premiere of the National Geographic Channel's 'Before The Flood' film at the United Nations in New York City on Oct. 20, 2016.*

2. *It was here at the State Theater last year that the Spice Girls **showed up** for the premiere of their film "Spiceworld".*

3. *Stars **showed up** at a vigil in Los Angeles last night.*

4. *When Castro finally **showed up** for the face the nation interview it was a wild scene; 200 armed men came with him, two of whom kept carbines pointed at producer Ted Ayers (ph) throughout the broadcast (Corpus*

of Contemporary American English).

В таких примерах предикат «*show up*» категоризирует перцептивное событие, а именно передвижение одушевленного объекта восприятия и его появление в перцептивном пространстве наблюдателя. Семантика подобных предложений не предполагает близкого контакта между субъектом и объектом восприятия. Однако они находятся на достаточно близком друг от друга расстоянии. Для такого значения глагола очень важен локализатор, который может «не выходить» на поверхность предложения, но всегда будет иметься в виду. Локализаторы типа «*at the United Nations*» (пример 1), «*at the State Theater*» (пример 2) и «*in Los Angeles*» (пример 3) указывают на то место, в которое наблюдатель пришел специально для того, чтобы увидеть определенного человека. В подобных предложениях «*show up*» образует высказывания с синтаксически невыразимым субъектом восприятия. Все же он может получить специфическое выражение в роли некоторого квазилокатива, который представляет собой некий симбиоз места и субъекта восприятия, типа «*to the premiere*» (пример 1), «*for the premiere*» (пример 2), «*at a vigil*» (пример 3). Такие квазилокативы обозначают людей, которые присутствуют на определенном мероприятии. Можно утверждать, что в примерах описываются не текущие события, а события, имеющие особое значение для наблюдателя. Объектом восприятия в таких предложениях являются известные люди, появление которых было ожидаемо и желанно для воспринимающего субъекта.

Интересно, что данный фразовый глагол может употребляться также и в контексте некоторой отрицательной оценки, которая может быть вызвана рядом причин. Например:

5. *About three weeks ago Dad suddenly **showed up** in town and started buzzing us on his motorcycle at all hours of the day and night.*

6. *One January morning last year in Hangzhou, Chinese officials **showed up** unexpectedly at the Gulou Church.*

7. *The Secret Service is still investigating the couple who **showed up** uninvited at Tuesday's State Dinner.*

8. *Francis was said to have been very displeased after Russian President Vladimir Putin*

showed up late to their June meeting in 2015.

9. *Remember last year when he showed up drunk at the White House when his father was getting that medal for public service (Corpus of Contemporary American English).*

События, описываемые в таких предложениях, оцениваются воспринимающим субъектом как отрицательные, так как он не ожидал появления объекта восприятия в том месте, в котором он находился. В примерах наречия «*suddenly*» и «*unexpectedly*» (пример 5 и 6 соответственно) указывают на то, что объект восприятия появился неожиданно в поле зрения наблюдателя. В тех случаях, когда человек не был заранее настроен воспринять что-то, это («что-то») «воспринимается как нарушение нормы ожидания / отклонения от нормы ожидания» (Дзюба, 2015. С. 355). Из контекста высказывания примера (7) очевидно, что появление объекта восприятия нежеланно для воспринимающего субъекта, так как он появился на мероприятии без приглашения. В примере (8) российский президент опоздал на запланированную встречу, вызвав тем самым недовольство наблюдателя. Также появление объекта восприятия в нетрезвом состоянии на важном мероприятии может вызвать негативную реакцию субъекта восприятия (пример 9).

Итак, в ситуациях с «*show up*», в которых описывается событие появления одушевленного объекта восприятия, оценочная противоположность (наблюдатель ожидал или не желал появления наблюдаемого объекта) «снимается в контексте высказывания за счет смыслов, вносимых другой лексикой, создающей совокупный смысл высказывания» (Верхотурова, 2010. С. 163).

Рассматриваемый фразовый глагол может также организовывать ситуации, в которых субъект восприятия ожидал появления объекта восприятия в каком-то определенном физическом пространстве, но он так там и не появился. Например:

10. *Mulvaney said he had no plans to fire English, but said she **did not show up** at bureau headquarters on Monday.*

11. *A restraining order was filed, but it was lifted when Wendy Reinscheid **did not show up** three weeks later for a court hearing.*

12. *However, to ALA's surprise, nobody **showed up** (Corpus of Contemporary American English).*

В таких примерах объект восприятия

находится за пределами поля зрения наблюдателя. Предикат субъекта восприятия возрастает с перцептивного («не видит объект») до ментального («не знает, где объект»), вследствие чего, конечно, и сам наблюдатель в подобных примерах перестает быть наблюдателем.

Однако не только одушевленный объект может появиться в поле зрения субъекта восприятия. Например:

13. *The yellow splash of paint **showed up** hundreds of metres away in the bright sunshine* (British National Corpus).

14. *No one noticed for a month, until the contamination **showed up** at the filters on the primary water circuit* (British National Corpus).

15. *One of the first and most visible signs of the new syndrome was Kaposi's Sarcoma, KS, which created purplish tumors that often **showed up** on the skin* (Corpus of Contemporary American English).

16. *An almost invisible crack **showed up** on the lower right pastern* (Corpus of Contemporary American English).

В подобных примерах фразовый глагол «show up» описывает ситуации восприятия наблюдателем внешних свойств объектов. В предложениях также не предусмотрена синтаксическая позиция для субъекта восприятия. Это можно объяснить тем, что «выход перцептора на поверхность» высказывания свидетельствует об индивидуализации восприятия. Эксплицитность субъекта восприятия обозначают взгляд с точки зрения конкретного человека (Семенова, 2007. С. 41). В примерах последней группы перцептивное событие доступно для восприятия

любому субъекту восприятия, находящемуся в рамках поля зрения этого события, субъект восприятия интерпретируется как очевидец некоторого события. Ведь свойства наблюдаемых объектов не показываются кому-то намеренно, поэтому вряд ли можно встретить предложения типа «*The Sun showed up for him*». Внешние свойства объектов могут проявиться в поле зрения наблюдателя по разным причинам. Например, в примере (13) они показали в поле зрения наблюдателя, потому что на них попали лучи солнца. Локатив в таких предложениях более тесно связан с объектом восприятия. В подобных высказываниях локализаторы «*at the filters*» (пример 14), «*on the skin*» (пример 15) и «*on the lower right pastern*» (пример 16) представляют фоновую часть объекта восприятия.

Итак, проанализировав парадигму значений фразового глагола «show up», можно с уверенностью отнести его к классу перцептивно-событийных глаголов, так как в его семантике присутствует перцептивное событие или событие более сложное, но тоже содержащее перцептивный компонент. Основа у всех выделенных значений предиката следующая: объект восприятия появился (начал находиться) в некотором пространстве наблюдателя, породив тем самым некоторое событие. Интерпретация этого события зависит от типа объекта и субъекта восприятия, а также от пространства и других характеристик участников события. Многообразие ситуаций, организованных исследуемым глаголом, является результатом взаимодействия перцептивного и локативного компонентов в его семантике.

Библиографический список

- Ананьев Б.Г. Сенсорно-перцептивная организация человека. Познавательные процессы: ощущение, восприятие // Педагогика. 1982. № 3. С. 7–88.
- Барабанщиков В.А. Онтологическая парадигма исследований восприятия // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 81–95.
- Верхотурова Т.Л. Наблюдаемость в языке (на материале русских и английских перцептивных глаголов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2–3. С. 14–26.

References

- Anan'ev B.G. Sensory-perceptual organization of a person. Cognitive processes: sensation, perception. *Pedagogika* [Pedagogics], 1982, no. 3, pp. 7–88. (In Russian).
- Barabanshchikov V.A. Ontological paradigm of perception research. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2009, vol. 30, no. 5, pp. 81–95. (In Russian).
- Verkhoturova T.L. Observability in the language (in case of Russian and English perceptual verbs). *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2004, no. 2–3, pp. 14–26. (In Russian).
- Verkhoturova T.L. Observer in the meaning of

Верхотурова Т.Л. Фактор наблюдателя в значении слова и предложения // Слово в предложении: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 148–169.

Дзюба А.Б. Фактор нормы ожидания в формировании лексического значения (на материале английских глаголов) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 6 (101). С. 354–358.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Кустова Г.И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сб. науч. тр. / ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик. 1999. С. 229–243.

Семенова Т.И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007. 237 с.

Холдеева Е.Ю. Наблюдатель и наблюдаемое в языке (на материале синтагмы show + the way) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 10 (105). С. 331–335.

British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (06.02.2018).
Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (05.02.2018).

the word and sentence. *Slovo v predlozhenii* [Word in the sentence]. Irkutsk: Irkutsk state linguistic University Publ., 2010, pp. 148–169. (In Russian).

Dzyuba A.B. Norm of expectation in the formation of lexical meaning (in case of English verbs). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk state technical university], 2015, no. 6 (101), pp. 354–358. (In Russian).

Kubryakova E.S. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Philological faculty of Lomonosov Moscow State University Publ., 1997, 245 p. (In Russian).

Kustova G.I. Perceptual events: participants, observers, loci. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of the language. The image of a person in culture and language]. Moscow: Indrik, 1999, pp. 229–243. (In Russian).

Semenova T.I. *Lingvisticheskii fenomen kazhimosti* [Linguistic phenomenon of seemingness]. Irkutsk: Irkutsk state linguistic University Publ., 2007, 237 p. (In Russian).

Kholdeeva E.Yu. The observer and observed in the language (in case of the syntagma show + the way). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk state technical university], 2015, no. 10 (105), pp. 331–335. (In Russian).

British National Corpus. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 6 February 2018).
Corpus of Contemporary American English. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/> (accessed 5 February 2018).

Сведения об авторе

Холдеева Екатерина Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, e-mail: ekaterina12081985@mail.ru

Критерии авторства

Холдеева Е.Ю. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Ekaterina Yu Kholdeyeva, a Senior Lecturer of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, e-mail: ekaterina12081985@mail.ru

Criteria for Authorship

Kholdeyeva E.Yu. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

**ПУБЛИЧНОЕ ОБЕЩАНИЕ НАГРАДЫ: ОТЕЧЕСТВЕННОЕ
И ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ**

© В.В. Андреев

Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Аннотация. В статье рассматриваются особенности публичного обещания награды как часть гражданского законодательства, дается определение согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, описываются состав и существенные условия правоотношений, возникающих в результате публичного обещания награды. Проводится анализ российской и зарубежной практик правоохранительных органов, используемых для стимулирования гражданской активности населения с целью раскрытия преступлений и наказания виновных в преступных деяниях. Сформулированы конструктивные предложения совершенствования законодательной базы для повышения эффективности этого рычага правоприменения.

Ключевые слова: публичное обещание награды, правоприменение, односторонние сделки, условия публичного обещания награды, виды публичных обещаний награды.

Информация о статье. Дата поступления 27 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 13 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Андреев В.В. Публичное обещание награды: отечественное и зарубежное правовое регулирование // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 39–44.

PUBLIC PROMISE OF AN AWARD: DOMESTIC AND FOREIGN LEGAL REGULATION

© V.V. Andreev

Irkutsk State University,
1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Abstract. The article examines the features of the public promise of an award as part of the civil law, defines it according to the Civil Code of the Russian Federation, and describes the composition and essential conditions of legal relations resulting from the public promise of an award. It provides the analysis of the Russian and foreign practices of law enforcement bodies used to promote civic engagement in solving crimes and punishing perpetrators of crimes. The constructive proposals for improving the legislative framework have been formulated to improve the effectiveness of this driving force for law enforcement.

Keywords: public promise of an award, law enforcement, unilateral transactions, terms of public promise of an award, types of public promises of an award.

Article info. Received February 27, 2018; accepted March 13, 2018; available online March 30, 2018.

Citation format. Andreev V.V. Public promise of an award: domestic and foreign legal regulation // Social Competence. 2018, vol. 3, no 1, pp. 39–44. (In Russian).

Как в отечественном, так и в зарубежном гражданском праве имеется понятие «публичное обещание награды», которое подразумевает ситуацию, когда физические, юридические лица или государствен-

ные органы обещают за совершение определенных действий материальное или другое вознаграждение. Как правило, такое обещание сопровождается сообщением об определенном событии (преступление,

поиск преступника, пропажа человека, потеря вещи). Для того чтобы ускорить решение вопроса (найти преступника, человека, вещь и т. д.), заинтересованные лица публично объявляют о награде тем, кто выполнит действия, подразумевающие помощь (укажет местонахождение, вернет вещь, сообщит другую полезную информацию).

По факту сообщения о возможности получения награды публично (через СМИ, в объявлениях и т. д.) возникает правоотношение, которое закреплено Гражданским кодексом РФ (гл. 56 «Публичное обещание награды») (Игнатенко, 2013. С. 135). Юридически обязательное обещание награды должно соответствовать требованиям, оговоренным законодательно.

Публичность подразумевает обращение к неопределенному кругу граждан. Если стороны определены, отношения регулируются договорными обязательствами. Обещанная награда должна иметь стоимостное выражение – деньги или материальные ценности. В обязательном порядке указывается результат, который необходимо предоставить для получения вознаграждения. Действие, за которое обещана награда, правомерно, выполнить его может неограниченное количество лиц. При объявлении о назначении награды необходимо указать, кто ее обещает, а тот, кто отозвался на обещание, имеет право получить письменное подтверждение об этом в соответствии с п. 2 ст. 1055 Гражданского кодекса РФ.

Итак, публичное обещание награды – это публичное действие физического или юридического лица, направленное на материальное стимулирование неограниченного круга лиц на совершение определенного правомерного действия.

Исходя из классификации, публичное обещание награды – это односторонняя условная сделка, которая возникает с момента обещания («*pollicitatio*»). Она не порождает сама по себе ни прав, ни обязанностей. Только по факту выполнения требований, изложенных в публичном обещании, у исполнителя возникают права и обязанности.

Состав правоотношения, согласно ст. 1055, включает публичное обещание награды, а также обращение лица (лиц) за выплатой. Обещание награды – это не оферта, так как обращено оно ко всем лицам в общей массе. Достижение награды –

это не акцепт, потому что результата могут достичь многие лица, а при одновременном достижении результата несколькими лицами каждый из них будет иметь право на часть вознаграждения, обещанного за выполнение действия (Максимов, 2013. С. 7).

Содержание обязательства – обязанность лица, публично обещавшего награду, выплатить ее тем, кто совершил действия и достиг результатов, оговоренных в обещании. Если сумма вознаграждения выражается обезличено (например, фразой «вознаграждение гарантируется»), ее размер устанавливается по соглашению лиц, обещавших награду и выполнивших обещание. Если соглашение не достигнуто, то размер (вид) вознаграждения устанавливается через суд, в соответствии с п. 3 ст. 1055.

В ситуации, когда действие совершено несколькими лицами, право на награду может возникать, исходя из конкретных обстоятельств. Если имеется тот, кто совершил действие первым, право на награду возникает у него (п. 5 ст. 1055). При невозможности установления последовательности совершения действий, обещанное вознаграждение делится поровну или по согласованию сторон (п. 5 ст. 1055).

Право на выплату и обязанность выплаты вознаграждения возникают вне зависимости от того, узнало лицо, выполнившее требование, о вознаграждении заранее, или нет (п. 4 ст. 1055), главное – соответствие условиям публичного обещания награды. Возможны любые формы обещания награды, основное условие – доступность для неограниченного количества людей.

Лицо, обещавшее награду, по желанию может установить срок, в течение которого будет «действовать» обещание награды, указав это публично. В таком случае тот, кто обещает награду, связан обязательством в течение объявленного срока.

В качестве обязательств публичного обещания вознаграждения в гражданском законодательстве выделяются публичный конкурс, проведение игр и пари. Также нельзя обойти вниманием практику публичного обещания награды, используемую правоохранительными органами для защиты законности и порядка.

Публичный конкурс представляет собой ряд односторонних сделок. Объявляется конкурс, который приводит к возникновению

правоотношения. Участники конкурса предоставляют результаты, что дает толчок для возникновения конкурсных правоотношений между организаторами и участниками. Затем проводится оценка результатов и организаторами выявляются победители (Игнатенко, 2013. С. 138).

В ст. 1056 Гражданского кодекса РФ предусматривается возможность отмены обещания награды. Данное положение можно также рассматривать как действие, которое имеет черты односторонней сделки (Смирнов, Желонкин, 2015. С. 69). Это действие невозможно в случаях, если:

- недопустимость отказа оговорена в самом публичном обещании;
- установлены сроки выполнения действий, за которые обещано вознаграждение;
- обещанные действия уже были выполнены к моменту отказа (Максимов, 2013. С. 8).

Сообщение о принятии решения об отмене вознаграждения выпускается в той же форме, в которой было сделано обещание о награде. Отдельно можно отметить, что отмена публичного обещания не освобождает от обязанности возмещения расходов в случае, если отозвавшиеся лица их понесли (Блохина, 2009. С. 117).

Таким образом, публичное обещание награды является односторонней публичной сделкой, правоотношения по которой возникают в результате совершения требуемых действий заявителем, причем выполнить их может неограниченное количество людей.

В России институт публичного обещания награды не отработан, однако в странах Запада и США уже более 300 лет его используют в борьбе за законность и правопорядок (Карпов, Боровиков, 2013. С. 124). Их опыт может быть весьма продуктивен и полезен при его адаптации для России, где сам институт публичного обещания награды был введен только после принятия ч. 2 Гражданского кодекса РФ (Максимов, 2013. С. 7).

Зарубежный опыт показывает, что для эффективного применения института публичного обещания награды необходимо наладить систему финансирования. Здесь примером могут стать США, в которых фонды для материального стимулирования

сотрудничества с полицией создаются на нескольких уровнях – государственном, штатов и муниципальном.

В своих публикациях В.А. Максимов достаточно подробно анализирует процесс реализации договора публичного обещания награды на примере округа Лос-Анжелес (Калифорния, США) (Максимов, Матросов, 2015. С. 45). Структура правоприменения данной нормы просчитана и выверена, гарантирует эффективность и оперативность реагирования соответствующих органов.

В Лос-Анжелесе существует коллегия супервизоров – коллегиальный орган государственной власти, играющий ключевую роль в правоприменении. Он регулирует полномочия трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. В коллегии супервизоров выбираются представители из всех районов Лос-Анжелеса (5 чел.). Вспомогательные функции возложены на исполнительный кабинет. За информацию, полезную для раскрытия преступления и осуждения виновных, предлагается материальное вознаграждение.

Коллегия супервизоров составляет список уголовных преступлений, основанный на уголовных делах, находящихся в производстве, по которым за предоставление информации предлагается вознаграждение. Этот перечень доводится до сведения общественности посредством телевидения, радио, интернета, газет и журналов. Законодательно оговорено, что публикация осуществляется каждый день в течение 10 дней с момента принятия решения о назначении награды. В объявлении указываются дата преступления, перечень ущерба, нанесенного преступниками, данные о потерпевших, сумма вознаграждения и контактная информация. Максимальная сумма вознаграждения – 5 тыс. долл. Выплаты производятся равными долями. Материальные средства берутся из соответствующих дискреционных фондов членами коллегии. Однако это не значит, что сумма не может быть изменена, если преступление резонансное, размер вознаграждения увеличивается. Кроме того, размер вознаграждения может быть увеличен за счет частных пожертвований. Выплата вознаграждения – особая процедура, регламентируемая законодательно (гл. 4.50 Кодификации округа). Она предполагает два этапа: предоставление сведений о выполнении условий для назначения награды и подача заявления на получение

выплаты в исполнительный комитет коллегии. Каждый этап подразумевает максимальную прозрачность и защиту от мошенников.

На первом этапе необходимо выполнение ряда условий. Лицо, которое имеет ценную информацию, помогающую раскрыть преступление, сообщает ее правоохранительным органам. Производится проверка правдивости сведений, а также оценивается возможность их использования для привлечения виновных к ответственности. Срок подачи сведений – не позднее 90 дней с момента объявления о вознаграждении. Далее вопрос решается повторно, срок может продляться до бесконечности, все зависит от резонансности преступления, степени его тяжести (Максимов, 2014. С. 8).

Если по какому-то из пунктов условия не соблюдены, выплата вознаграждения не производится. Также выплата вознаграждения может быть отменена в ситуации, если имела место смерть преступника, или было доказано, что лицо, о котором получены сведения, не причастно к преступлению.

Второй этап – подача гражданином заявления в правоохранительные органы с целью получения денег. При этом должны быть соблюдены важные условия:

1. Заявление в исполнительный кабинет коллегии подается в письменном виде от своего лица или анонимно. Гражданин, подающий заявление от своего лица, обязан указать в нем адрес, номер телефона, фамилию, имя и отчество. Подача заявления анонимно происходит через полицейский департамент, который является посредником. Однако и в этом случае в обязательном порядке указываются контактные данные информатора. Более того, во избежание путаницы и накладок, в заявлении должны содержаться сведения, которые были сообщены правоохранительным органам. Срок подачи – не позднее 60 дней с момента регистрации сведений правоохранительными органами. Этот срок может быть изменен коллегией, когда имеется уважительная причина. Максимального срока продления законодательство не указывает. При срыве сроков без уважительной причины лица, предоставившие сведения о преступниках или преступлении, теряют право на получение вознаграждения, даже если на первом этапе соблюдены все оговоренные условия.

2. Комиссия тщательно рассматривает заявление на вознаграждение. Комиссия состоит из представителей департаментов, имеющих отношение к правоохранительной деятельности, если нужно, то привлекаются представители пожарной охраны и сторонних организаций. Оцениваются достоверность информации, степень ее полноты, возможности и порядок выплаты вознаграждения.

Все должностные лица, участвующие в заседании комиссии, дают подписку о неразглашении информации, данные лиц, ее предоставивших, являются тайной.

Правоприменительная практика свидетельствует, что публичное обещание награды можно эффективно использовать в борьбе с преступностью как форму стимулирования граждан к определенным действиям. Доказано, что эффективное использование материальной заинтересованности граждан может стать одним из рычагов борьбы с преступностью, в том числе организованной.

Институт публичного обещания награды может быть использован правоохранительными органами в таких случаях, как поимка опасных преступников, розыск лиц, числящихся пропавшими без вести, сообщение сведений, которые могут стать доказательственной базой при раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений. Граждане, помогая правоохранительным органам, имеют возможность выполнить гражданский долг и получить материальное вознаграждение в порядке, закрепленном в гражданском законодательстве. Необходимо отметить, что на сегодняшний день в России отсутствует успешный и отработанный механизм использования данного института для стимулирования гражданской активности населения (Блохина, 2009. С. 117). Нет нормативно-правовых актов, которые бы регулировали институт публичного обещания награды и, в частности, вопросы сотрудничества органов внутренних дел с частными лицами по данному поводу. Таким образом, законодательным органам Российской Федерации требуется урегулировать деятельность государственных и правоохранительных органов в использовании методов материального стимулирования¹.

С необходимостью деятельности по

¹ Матросов А. Ю. Публичное обещание награды за предоставление сведений, имеющих значение для ОВД: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 5 / Matrosov A.Yu. Public

promise of an award for data important for Internal Affairs bodies: Extended abstract of cand.sci. dissertation (Jurisprudence). St. Petersburg, 2006. P. 5.

поддержанию законности и правопорядка вполне соотносится определение органов внутренних дел в качестве субъекта, который объявляет о награде за сведения, помогающие выявить преступников, раскрыть противозаконные деяния, разыскать преступников.

Другой вопрос связан с отсутствием материальных средств, которые бы давали возможность эффективно использовать механизм публичного обещания награды. Например, вполне целесообразно создать специальные фонды, которые будут аккумулировать материальные средства и выплачивать их по мере необходимости. Источниками материальных ресурсов могут быть средства федерального бюджета, пожертвования юридических и физических лиц.

Возложить ответственность за использование целевых ресурсов следует на Министерство внутренних дел России. Несмотря на то, что определенный зарубежный опыт может быть полезен, слепо копировать его – значит проигнорировать особенности российского государства. Централизованная организация позволит исключить злоупотребления на местном уровне, добиться адекватности работы системы, исключив дублирование сведений от свидетелей и получение вознаграждений, а также наладить контроль за расходом материальных ресурсов.

В России институт публичного обещания награды недостаточно развит, по-

этому большинство граждан в вопросах, касающихся этой сферы, не ориентируются, часть населения относится к нему с подозрением. Это затрудняет внедрение правовой новации (Смирнов, Желонкин, 2015. С. 67). Публичное обещание награды используется только в отношении получения сведений относительно преступлений, имеющих общественный резонанс и особо тяжкие последствия (теракты, заказные убийства). Видится целесообразным расширять практику использования публичного обещания награды на экономические преступления, оборот и распространение психотропных и наркотических веществ. Это позволит более эффективно предупреждать и раскрывать преступления подобного типа. Отсутствие регламентации, а также нормативной базы существенно тормозит введение важных новаций, а Гражданского кодекса явно недостаточно, так как там изложены лишь общие положения.

Таким образом, центральным субъектом, который способен обеспечить функционирование института обещания награды за предоставление сведений, полезных для ОВД, выплату вознаграждений и защиту свидетелей, является Министерство внутренних дел России. Детальная проработка вопросов финансирования обеспечит прозрачность расхода материальных средств и позволит сделать процесс правоприменения эффективным.

Библиографический список

Блохина И.В. Основания изменения обстоятельств // Проблемы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 116–117.

Игнатенко В.Н. Возникновение обязательства из публичного обещания награды по результатам конкурса // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 22 (145). С. 134–139.

Карпов К.В., Боровиков Е.В. Институт публичного обещания награды в европейском континентальном праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение.

References

Blokhina I.V. Grounds for change of circumstances. *Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve* [Russian legislature issues], 2009, no. 1, p. 116–117. (In Russian).

Ignatenko V.N. Obligations commencement from public promise of an award following results of competition. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod state university scientific journal. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2013, no. 22 (145), p. 134–139. (In Russian).

Karpov K.V., Borovikov E.V. Institution of public promise of an award in the European continental law. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i is-*

Вопросы теории и практики. 2013. № 3–2 (29). С. 124–128.

Максимов В.А. Особенности участия органа внутренних дел в правоотношениях из публичного объявления о награде за совершение указанного в объявлении правомерного действия в указанный в нем срок в качестве «призванного» субъекта // Современная наука. 2013. № 1. С. 7–8.

Максимов В.А., Матросов А.Ю. Механизм реализации публичного обещания награды за предоставление сведений, имеющих значение для ОВД (на примере округа Лос-Анджелес, штат Калифорния, США) // Современная наука. 2015. № 3. С. 45–47.

Максимов В.А. Роль и место Министерства внутренних дел России в правоотношениях из публичного обещания награды за предоставление сведений, имеющих значение для правоохранительных органов // Современная наука. 2014. № 1. С. 8–9.

Смирнов В.И., Желонкин С.С. Односторонние сделки в механизме регулирования обязательств, возникающих в связи с публичным обещанием награды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 67–69.

kusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and study of art. Theory and practice issues], 2013, no. 3–2 (29), p. 124–128. (In Russian).

Maksimov V.A. Features of internal affairs body's participation in legal relations from the public announcement of the reward for lawful action commission specified in the announcement within the time limit specified as "encouraged" subject. *Sovremennaya nauka* [Modern science], 2013, no. 1, p. 7–8. (In Russian).

Maksimov V.A., Matrosov A.Yu The mechanism for implementing a public pledge award for providing information relevant to IAB (on the example of Los Angeles District, California, USA). *Sovremennaya nauka* [Modern science], 2015, no. 3, p. 45–47. (In Russian).

Maksimov V.A. The role and place of Internal Affairs Ministry of Russia in legal relations from a public promise of reward for providing information relevant to law enforcement agencies. *Sovremennaya nauka* [Modern science], 2014, no. 1, p. 8–9. (In Russian).

Smirnov V.I., Zhelonkin S.S. Unilateral transactions in the mechanism of regulation of obligations arising in connection with the public promise of an award. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 1 (65), p. 67–69. (In Russian).

Сведения об авторе

Андреев Валентин Владимирович, магистрант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, e-mail: patriot-ru95@mail.ru

Критерии авторства

Андреев В.В. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author's Credentials

Valentin V. Andreev, a Master's Degree student of Political Science, History and Regional Studies Department, Faculty of History, e-mail: patriot-ru95@mail.ru

Criteria for Authorship

Andreev V.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

УДК 343.57

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О КОНТРАБАНДЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ, ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ

© К.В. Солдатенко, В.Г. Татарников

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в процессе выявления личности преступника, виновного в контрабанде наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Анализируется структура преступных групп, организаций, сообществ, совершающих преступления данного вида.

Ключевые слова: преступник, наркотические средства, психотропные вещества, контрабанда, преступная группа, криминалистическая характеристика.

Информация о статье. Дата поступления 24 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 19 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Солдатенко К.В., Татарников В.Г. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений по делам о контрабанде наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 45–50.

CRIMINAL PERSONALITY AS AN ELEMENT OF CRIMINOLOGICAL CRIME CHARACTERISTIC IN CASES OF SMUGGLING OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC, POTENT, POISONOUS SUBSTANCES

© K.V. Soldatenko, V.G. Tatarnikov

East Siberian branch of Russian State University of Justice,
23A Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article examines the problems that arise when identifying a criminal guilty of smuggling narcotic drugs, psychotropic, potent, poisonous substances or plants containing narcotic drugs or psychotropic substances. It analyzes the structure of criminal groups, organizations, communities committing crimes of this type.

Keywords: criminal; narcotic drugs, psychotropic substances; smuggling; criminal group; criminological characteristics

Article info. Received February 24, 2018; accepted March 19, 2018; available online March 30, 2018.

Citation format. Soldatenko K.V., Tatarnikov V.G. Criminal personality as an element of criminological crime characteristic in cases of smuggling of narcotic drugs, psychotropic, potent, poisonous substances // Social Competence. 2018, vol. 3, no 1, pp. 45–50. (In Russian).

Идеи о роли личности в истории всегда были востребованы различными сферами гуманитарного знания. Сегодня они получают новое развитие в теории права в

условиях формирования глобального информационного общества. Этот вопрос является предметом исследований в различных отраслях знаний: философия, социоло-

гия, психология, право и т. д. Так, согласно учению о свободе человека Н.А. Бердяева, «личность есть свобода и независимость человека в отношении к природе, к обществу, к государству, но она не только не есть эгоистическое самоутверждение, а как раз наоборот» (Бердяев, 1939. С. 20).

Отраслями российского права сегодня сформированы самостоятельные представления о личности. В уголовном праве – это человек (физическое лицо) определенного возраста, обладающий психологическими и индивидуальными характеристиками, набором особенностей биологического характера, ценностными (нравственными) ориентирами, имеющий некий социальный статус (например, преступник – личность с негативной направленностью социальной деятельности) и социальные функции.

Уголовное законодательство использует термин «личность виновного». Например, ст. 60 Уголовного кодекса (УК РФ) требует при назначении наказания помимо характера и степени общественной опасности преступления учитывать личность виновного. Однако изучению подлежат не только те свойства личности, которые так или иначе влияют на уголовную ответственность, но и такие, которые играют роль при решении других вопросов, например, при профилактике преступлений. Так, если мигрант совершил преступление на территории Российской Федерации, то указанная особенность его личности не имеет значения для привлечения его к уголовной ответственности, определения размера наказания, поскольку мигранты несут ответственность за нарушение уголовного закона наравне с гражданами России. Однако данное обстоятельство имеет значение для профилактической работы среди данного контингента и регулирования миграционной политики в целом. Следовательно, понятие «личность преступника» в отличие от понятия «личность виновного» более широкое за счет включения в него таких свойств личности, которые хотя и не имеют уголовно-правового значения (с точки зрения влияния на уголовную ответственность), но важны для криминологической характеристики лица, совершившего преступление, а, в конечном итоге, и для формирования государственной политики в сфере борьбы с преступностью в целом и отдельными видами преступлений, в

том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков (Токманцев, 2015. С. 75–84).

По поводу содержания криминалистической характеристики преступлений среди ученых-криминалистов нет единого мнения.

В содержание криминалистической характеристики включаются следующие элементы:

- непосредственный предмет преступного посягательства;
- способ совершения и сокрытия преступления;
- обстоятельства, при которых готовилось и было совершено преступление (время, место, условия охраны объекта и т. д.);
- особенности оставляемых преступниками следов (механизм образования в широком смысле);
- личность преступника и потерпевшего.

Как элемент криминалистической характеристики преступлений сведения о личности преступника помогают установить иные ее элементы. Например, располагая информацией о занятиях, увлечениях конкретного лица, можно спрогнозировать места и способы сокрытия наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ или растений, содержащих наркотические или психотропные вещества, при их незаконном перемещении через границу Таможенного союза или государственную границу Российской Федерации, и, следовательно, выявить и зафиксировать доказательства, подтверждающие совершение данного преступления (Антохина, 2014. С. 7–10).

Зная связи, контакты преступника, можно установить соучастников контрабанды. Имея сведения о поведении подозреваемого или обвиняемого на следствии или в суде в прошлом, легче определить свою линию поведения в отношении данного лица в настоящее время и т. д.

Личность контрабандиста, перемещающего наркотические средства и психотропные вещества, являлась предметом многих ученых-криминалистов.

Результаты проведенных исследований по делам данной категории позволили сделать вывод, что особенность контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ

или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, состоит в том, что она, за исключением некоторых случаев, совершается организованными преступными группами¹. В одиночку, как правило, занимаются контрабандой таких веществ лица, имеющие цель их последующего сбыта, тренеры или инструкторы по фитнесу. Последние в своем окружении выявляют тех, кто хотел бы достичь необходимых результатов быстро и без дополнительных усилий, и сбывают им либо анаболические стероиды, либо таблетки для похудения, как это делал, например, тренер-бодибилдер из Казани. Через Интернет он заказывал анаболические стероиды из Китая, которые затем реализовывал своим подопечным.

Исследования показали, что преступные группы, организации, сообщества могут образовываться по территориальному или этническому признаку, быть смешанными и иметь транснациональный характер. Это подтверждают многие авторы. Так, С.Е. Лелюхин, изучающий проблемы наркопреступности на территории Дальнего Востока, констатирует, что в сфере незаконного оборота наркотиков, в том числе их контрабандного перемещения из Китая, лидирующее положение занимают китайские преступные сообщества – «триады». Их отличительной чертой является многочисленность, хорошая организованность, закрытость и высокая степень конспирации, а также «слепое повиновение руководителям, дисциплина, беспощадность, круговая порука и обет молчания, который свято соблюдается во время арестов» (Лелюхин, 2011. С. 112).

На практике встречаются случаи совершения контрабанды наркотических средств и психотропных веществ преступными группировками, организованными на родственных связях. Например, по одному

из уголовных дел виновный организовал преступную группу, в состав которой входили его родственники, и незаконно перемещал с территории Азербайджана в Свердловскую область героин. По другому делу проходила преступная группа, незаконно перемещавшая героин внутривенным способом из Таджикистана в Москву, которая была сформирована по этническому признаку, так как все ее участники являлись жителями Таджикистана². Встречаются также преступные группировки, имеющие смешанный характер, они могут состоять из представителей различных регионов или стран (Харатишвили, 2008. С. 27). Именно такую преступную организацию создали граждане России, Армении и Грузии. Они разработали план по реализации биологически активных добавок (БАД), содержащих сибутрамин. Согласно этому плану по договоренности с гражданином Китая, который также входил в состав их группы, БАДы поставлялись вначале в Казахстан. Оттуда еще одним соучастником (гражданином Казахстана) автотранспортом переправлялись в Москву под видом шоколада или чая для похудения. Все свои действия преступники координировали через социальную сеть.

Согласно исследованиям, проведенным авторами, из общего количества граждан, занимающихся контрабандой наркотических средств и психотропных веществ, 46 % являются иностранцами, большинство из которых – граждане Республики Таджикистан. Незаконным перемещением наркотических средств по статистике занимаются 86 % мужчин и 14 % женщин. По возрасту преступников можно разделить следующим образом: лица в возрасте 20–30 лет составляют 39 % от общего числа контрабандистов, лица 31–40 лет – 20 %, 41–50 лет – 41 %. Среди преступников, незаконно перемещавших наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые вещества

¹ Жук И.О. Контрабанда: проблемы выявления и раскрытия на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Нижний Новгород, 2002. С. 54–55 / Zhuk I.O. Smuggling: the problems of detection and solution at the present stage: extended abstract of cand.sci. dissertation (Jurisprudence) 12.00.09. Nizhniy Novgorod, 2002. P. 54–55.

² Алиев А.Н. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотических средств, со-

вершаемой членами организованных преступных формирований: по материалам Республики Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00. Люберцы, 2013. С. 118 / Aliev A.N. Criminological Characteristic of smuggling narcotic drugs committed by organized criminal groups: in cases of Republic of Tajikistan: extended abstract of cand.sci. dissertation (Jurisprudence) 12.00.00. Lubertsy, 2013. P. 118.

или наркотикосодержащие растения, имели неполное среднее образование 21%, среднее – 68 % и лишь 11 % – высшее. Не имели постоянного места работы 65,5% контрабандистов.

Структуры преступных групп, организаций, сообществ построены по сетевому признаку и носят сложный характер. Основу структуры составляют соты или ячейки, в которые входят до 5 чел., в них действует иерархическая система с распределением ролей. Существующая специализация членов организованной преступной деятельности позволяет, во-первых, повышать эффективность наркобизнеса, а, во-вторых, является гарантией безопасного функционирования входящих в ее состав организаций. Следовательно, провал одного из членов или ячейки не влияет на стабильность функционирования всей системы в целом. Данный факт подтверждается и практикой раскрытия и расследования уголовных дел данной категории.

Следует также отметить, что каждое структурное подразделение, входящее в преступную организацию или сообщество, обладает материально-технической оснащенностью: наличие собственных или наемных транспортных средств и жилых помещений; обеспечение сотовой связи (причем имеющиеся телефоны преступники выбрасывают за несколько часов до совершения преступления, затем покупают новые и при этом меняют сим-карты и e-mail). Кроме того, такие подразделения отличаются согласованностью действий и конспирацией, т. е. в разговоре между его участниками запрещается употреблять слова, связанные с наркотическими средствами, используются лишь кодовые слова, которые понятны только членам группы.

Руководители сот или ячеек подчиняются непосредственно руководителю всей группировки, с членами других подразделений не общаются и не знают, сколько их находится в преступном сообществе или формировании. Различные ячейки действуют на территории разных государств и выполняют только присущие им функции. В иностранных государствах, откуда планируется незаконно переместить наркотики, члены ячеек занимаются подготовкой к контрабанде. Для этого они приобретают, заго-

тавливают наркотические средства и психотропные вещества, фасуют их для более удобного перемещения через таможенную границу Таможенного союза или государственную границу Российской Федерации.

Структурные подразделения, находящиеся на территории «принимающего» государства, входящие в это же преступное сообщество или организацию, занимаются перевозкой, хранением и сбытом завезенных наркотических веществ.

Именно такое преступное сообщество было организовано в Республике Таджикистан. Под руководством гражданина М. действовало несколько ячеек, члены которых приобретали героин, в том числе и в Афганистане, хранили его в определенных помещениях. Другие представители группировки расфасовывали и упаковывали героин в полиэтиленовые пакеты для контрабанды внутриполостным способом или помещали в какие-либо предметы, вещи или тару для контрабанды автомобильным или железнодорожным транспортом. Следующие члены забирали этот «товар» и передавали курьеру, который прибыв на территорию Российской Федерации, помещал героин в тайник. Затем сбытчики забирали его из тайников и занимались сбытом.

Непосредственные действия по незаконному перемещению наркотических средств и психотропных веществ носят, как правило, эстафетный характер: курьер получает необходимое количество «товара» от конкретного члена своего структурного подразделения при личной встрече или через тайник, определенным способом перемещает его через границу и передает уже на территории России другому члену или же оставляет в тайнике, откуда наркотики забирает лицо, ответственное за «свой участок».

Руководители ячеек или сот планируют деятельность своих подразделений, налаживают каналы поступления наркотических средств и психотропных веществ, координируют действия подчиненных членов по их расфасовке, упаковке, передаче курьеру, организуют наблюдение за ходом незаконного перемещения и, в случае провала курьера, принимают меры к тому, чтобы данное структурное подразделение не попало в поле зрения правоохранительных органов.

Руководители преступной организации, сообщества среднего звена координируют деятельность входящих в его подчинение ячеек или сот, доводят до их сведения указания организатора и следят за их выполнениями, принимают отчеты о контрабанде наркотических веществ и психотропных средств, устанавливают их стоимость, осуществляют сбор денежных средств, вербуют новых участников, разрабатывают новые способы и схемы незаконного перемещения наркотиков, взаимодействуют с руководителями других сот или ячеек.

Отдельное звено составляют лица, принимающие меры, касающиеся безопасности существования преступной организации (сообщества, формирования), занимаются подделкой необходимых документов для благополучного незаконного перемещения наркотических веществ через границы, изучают состояние таможенного контроля на определенном участке таможенной границы Таможенного союза или государственной границы Российской Федерации, продумывают способы легализации денежных средств, полученных от реализации указанных запрещенных средств, налаживают связи с правоохранительными органами или иными органами власти и т. д.

Организаторами преступных формирований могут быть лица, в распоряжении которых имеются крупные суммы денег, обладающие организаторскими способностями, умеющие свободно и быстро пользоваться сетью Интернет и иными электронными видами связи, имеющие «полезные знакомства» как среди своих сограждан, так и за рубежом.

Для того чтобы обезопасить себя от уголовного преследования, организаторы используют новые технологии с целью повышения эффективности преступной деятельности, связанной с контрабандой наркотических средств и психотропных веществ, а также каналы надежной и оперативной связи со своими сообщниками. Это дает возможность руководить преступными действиями подчиненных им лиц, находясь на значительном расстоянии от места преступления.

Поскольку сами организаторы не

принимают непосредственного участия в преступных деяниях, связанных с незаконным перемещением наркотических средств, и к тому же тщательно маскируют свое отношение к этому, доказать их причастность к таким преступлениям и привлечь к уголовной ответственности бывает очень сложно.

Как показывает практика, изучение личности преступника, в том числе и по делам, касающихся контрабанды наркотиков, позволяет полно, всесторонне и объективно расследовать каждое конкретное преступление (Глава ФСКН: почти 900 наркогруппировок ликвидировано в России в прошлом году).

Исследование закономерностей преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств имеет важное значение для разработки методических рекомендаций по расследованию тех или иных категорий уголовных дел. При этом даже критическое отношение к криминалистической характеристике преступлений как научной категории не может служить основанием для исключения исследований, направленных на выделение типичных особенностей преступной деятельности, значимых для раскрытия и расследования преступлений, при разработке методик расследования отдельных их видов (Возжанникова, 2014. С. 112).

Криминалистическая характеристика преступлений является важным элементом частной криминалистической методики, которая представляет собой модель криминальных ситуаций, сопутствующих им обстоятельств и последствий преступлений в форме материальных и идеальных следов, позволяющих выдвигать версии о событии расследуемого преступления, его отдельных обстоятельствах, видеть тактическую перспективу расследования. Элементами криминалистической характеристики преступлений являются типичные способы совершения и сокрытия преступлений определенной категории, обстановка их совершения, данные о личности преступников, мотивах и целях совершения преступлений и данные о потерпевших.

Библиографический список

Антохина Н.Ю. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего контрабанду на железнодорожном транспорте // Наука и практика. 2014. № 2 (59). С. 7–10.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии). Париж: «YMCA-Press», 1939. 224 с.

Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2014. 112 с.

Глава ФСКН: почти 900 наркогруппировок ликвидировано в России в прошлом году. URL: <http://inter.criminology.onua.edu.ua/?p=12542> (09.01.2018).

Лелюхин С.Е. Китайская организованная преступность на ДВ России. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/panzir56/post242984105/> (09.01.2018).

Токманцев Д.В. К вопросу о способах совершения хищения наркотических средств или психотропных веществ // Уголовное право. 2015. № 2. С. 75–84.

Харатишвили А.Г. Криминалистическая характеристика контрабанды наркотиков // Наркоконтроль. 2008. № 1. С. 25–29.

Сведения об авторах

Солдатенко Кристина Викторовна, студентка 2 курса магистратуры, обучающаяся по программе Уголовный закон: теория и практика применения, e-mail: Krestos1995@yandex.ru

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, e-mail: voldemar55@mail.ru

Критерии авторства

Татарников В.Г., Солдатенко К.В. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

Antohina N.Ju. Criminological characteristics of a criminal smuggling in railway transport. *Nauka i praktika* [Science and practice], 2014, no. 2 (59), p. 7–10. (In Russian).

Berdjaev N.A. *O rabstve i svobode cheloveka (opyt personalisticheskoy filosofii)* [Slavery and Freedom]. Parizh: "YMCA-Press" Publ., 1939, 224 p. (In Russian).

Vozzhannikova I.G. *Recidiv kak vid mnozhestvennosti prestuplenij* [Repeated relapse as a kind of plurality of crimes]. Moscow: Kontrakt Publ., 2014, 112 p. (In Russian).

Glava Federal'noj sluzhby po kontrolju za obrotom narkotikov: pochti 900 narkogrupperovok likvidirovano v Rossii v proshlom godu [Head of Federal Drug Control Service: almost 900 drug groups were eliminated in Russia last year.]. Available at: <http://inter.criminology.onua.edu.ua/?p=12542> (accessed 9 January 2018).

Leljuhin S.E. *Kitajskaja organizovannaja prestupnost' na DV Rossii* [Chinese organized crime in the Far East of Russia.]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/panzir56/post242984105/> (accessed 9 January 2018).

Tokmancev D.V. On the issue of methods of committing theft of narcotic drugs or psychotropic substances. *Ugolovnoe parvo* [Criminal Law], 2015, no. 2, p. 75–84. (In Russian).

Haratishvili A.G. Criminalistic characteristics of drug smuggling. *Narkokontrol'* [Drug control], 2008, no. 1, p. 25–29. (In Russian).

Author's Credentials

Kristina V. Soldatenko, a second year student in the master's programme in Criminal Law, e-mail: Krestos1995@yandex.ru

Vladimir G. Tatarnikov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department, e-mail: voldemar55@mail.ru

Criteria for Authorship

Tatarnikov V.G., Soldatenko K.V. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

© В.Г. Татарников*, Ю.П. Никитин**

*Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А

**Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел России,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой охраны права собственности, анализируются санкции за преступления против собственности. Предлагается усилить санкции за тяжкие и особо тяжкие преступления против собственности, а угон автотранспортных средств рассматривать как разновидность хищения.

Ключевые слова: преступления против собственности, санкция, тяжкие и особо тяжкие преступления, неправомерное завладение автомобилем.

Информация о статье. Дата поступления 29 января 2018 г.; дата принятия к печати 19 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Татарников В.Г., Никитин Ю.П. Право собственности. Проблемы уголовно-правовой охраны // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 51–57.

PROPERTY LAW. PROBLEMS OF CRIMINAL LAW PROTECTION

© V.G. Tatarnikov*, Yu.P. Nikitin**

*East Siberian branch of Russian State University of Justice,
23A Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

**East Siberian Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article discusses the problems of criminal law protection of property rights and analyzes sanctions for crimes against property. The authors propose to strengthen sanctions for serious and very serious crimes against property; to consider hijacking of means of transport as a form of theft.

Keywords: crimes against property, sanction, serious and very serious crimes, illegal seizure of a vehicle

Article info. Received January 29, 2018; accepted March 19, 2018; available online March 30, 2018.

Citation format. Tatarnikov V.G. , Nikitin Yu. P. Property law. Problems of criminal law protection // Social Competence. 2018, vol. 3, no 1, pp. 51–57. (In Russian).

В соответствии со ст. 8 Конституции РФ в России признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (Конституция РФ). Защита права собственности регулируется нормами различных отраслей права – гражданского, административного, семейного и т. д. Важная роль в правовой охране права собственности принадлежит нормам уголовного зако-

нодательства, поскольку посягательства на право собственности, содержащие признаки состава преступления, представляют наибольшую общественную опасность.

Традиционно российское уголовное законодательство выделяло в структуре Уголовного кодекса (УК) преступления против собственности в качестве самостоятельной главы. Так гл. 2 Особенной части УК РСФСР 1960 г. была посвящена преступлениям про-

тив социалистической собственности, а гл. 5 – преступлениям против личной собственности граждан (Уголовный кодекс РСФСР, 1960). В современном УК РФ все преступления против собственности объединены в гл. 21 (Уголовный кодекс РФ, 1996). Это связано с тем, что Конституция России, в отличие от ранее действовавшей Конституции РСФСР, не отдает предпочтений какой-либо форме собственности, следовательно, правовая охрана всех форм собственности должна осуществляться одинаково.

Наиболее распространенной формой преступных посягательств на право собственности являются хищения чужого имущества. Общественная опасность хищения в решающей степени зависит от его формы (кража, грабеж, разбой и т. д.) и квалифицирующих признаков (размер похищенного, форма соучастия и т. д.).

Дифференциация уголовной ответственности за хищение достигается путем установления за более опасные формы хищений более строгих санкций, а также установления более строгой ответственности за квалифицированные виды хищений. В российском уголовном законодательстве советского периода, как и в действующем УК, устанавливался более высокий максимальный и минимальный предел наказания за более опасные формы хищений. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УК РСФСР 1960 г. тайное похищение личного имущества граждан (кража) наказывалась лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок. Наиболее опасная форма хищения – разбой, т. е. нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия наказывалось значительно строже – лишением свободы на срок от трех до десяти лет (ч. 1 ст. 146 УК РСФСР).

Подобный подход наблюдался и при установлении санкций за квалифицированные виды хищений. При этом законодатель, как правило, за такие преступления повышал не только максимальный, но и минимальный размер санкции. Например, разбой при отягчающих обстоятельствах в соответствии с ч. 2 ст. 146 УК РФ наказывался по сравнению с аналогичным преступлением без отягчающих обстоятельств значительно

строже – лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с конфискацией имущества. Аналогичным образом строились санкции и в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. Так, за кражу по ч. 1 ст. 158 УК РФ санкция предусматривала лишение свободы на срок до трех лет, а за разбой по ч. 1 ст. 162 УК РФ – от трех до восьми лет.

Такой подход к установлению санкций выглядит вполне логично. Дело в том, что санкция уголовно-правовой нормы является наиболее емким показателем его общественной опасности. Одним из способов выделения наиболее опасных по характеру преступлений является установление не только максимального, но и минимального предела санкции. Это означает, что общественная опасность того или иного преступления такова, что обеспечить справедливость наказания возможно лишь назначив наказание не ниже предела, указанного в законе (Татарников, 2014. С. 257–258).

Однако в 2011 г. в российском законодательстве произошли изменения, нарушившие логику построения уголовного закона. Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ внесены изменения в УК РФ, которые привели к тому, что в санкциях за подавляющее большинство преступлений, в том числе тяжкие и особо тяжкие, был исключен минимальный предел наказания (Федеральный закон № 26-ФЗ). Это привело к нарушению логики в построении санкций за наиболее опасные преступления, поскольку минимумом наказания за преступления всех категорий тяжести (небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие) стал минимум лишения свободы как вида наказания, равный в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ двум месяцам. Таким образом, санкции за особо тяжкие преступления, посягающие на наиболее важные общественные отношения, стали схожи с санкциями за менее опасные преступления небольшой и средней тяжести.

Такой подход является методологически неправильным и искажает реальную тяжесть наиболее опасных преступлений. Законодатель при издании упомянутого закона не учел фундаментальные положения, на которых строится уголовное законодательство. Такой подход несостоятелен применительно к преступлениям против собственности.

Во-первых, не вызывает сомнений, что посяательства на собственность, связанные с применением насилия, существенно опаснее, чем посяательства ненасильственного характера. Так, кража при прочих равных условиях несравнима по своей опасности с грабежом, а тем более с разбоем. Если объектом кражи является только собственность, то объектом разбоя помимо собственности является также жизнь и здоровье. Таким образом, разбой – двубъектное преступление. При этом возможные последствия разбоя и кражи несопоставимы. Если кража наносит лишь материальный ущерб, то последствием разбойного нападения может быть причинение вреда здоровью, в том числе тяжкого вреда, и даже лишение потерпевшего жизни. Уже одно это обстоятельство дает основания установить за разбой более высокий не только максимум, но и минимум санкции.

Во-вторых, квалифицирующие признаки состава существенным образом повышают степень общественной опасности деяния, что также должно отразиться в санкциях. Так, в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия в соответствии с ч. 2 ст. 162 УК РФ предусматривалось лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. В настоящее же время минимальный предел санкции за данное преступление отсутствует, т. е. равен двум месяцам лишения свободы. Между тем, повышенная общественная опасность разбоя с применением оружия настолько очевидна, что нельзя признать справедливой даже абстрактную возможность назначения за данное преступление наказания от двух месяцев лишения свободы.

В-третьих, особо квалифицирующие признаки состава должны влечь за собой усиление ответственности в соответствии с реальной тяжестью того или иного деяния. Так, до 2011 г. минимальный предел санкции за разбой при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 162 УК РФ) составлял пять лет лишения свободы. За совершение указанного деяния при особо квалифицирующих обстоятельствах минимум санкции составляет уже семь лет лишения свободы. После того как в 2011 г. санкция за квалифицированный раз-

бой изменилась, и фактически ее нижний предел стал равен двум месяцам лишения свободы, произошло «скачкообразное» усиление минимального предела санкции за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 162 УК РФ. Санкция данной нормы установлена в пределах от семи до двенадцати лет лишения свободы. Практически это означает следующее: если за разбой с применением оружия преступник по ч. 2 ст. 162 УК РФ может быть осужден к лишению свободы на срок, начиная от двух месяцев, то по ч. 3 ст. 162 УК РФ за разбой, совершенный в крупном размере (крупным размером признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. руб. – ч. 4 ст. 158 УК РФ), минимальное наказание – семь лет лишения свободы. Таким образом, если безоружный преступник словесно угрожал жизни и здоровью потерпевшего и похитил, допустим, дорогое ювелирное украшение, то согласно санкции ч. 3 ст. 162 УК РФ он должен быть осужден не менее чем на семь лет лишения свободы. В то же время, если нападавший, угрожая жизни потерпевшего, применил оружие, но стоимость похищенного не достигла 250 тыс. руб., законодатель считает нормой назначить наказание виновному, начиная с двух месяцев лишения свободы. Такие резкие «скачки» в оценке степени общественной опасности квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений ничем не оправданы.

В-четвертых, установление одинакового минимума санкции для основного, квалифицированного и тем более особо квалифицированного состава преступления недопустимо еще и потому, что общественная опасность личности виновного вследствие совершения преступления при отягчающих обстоятельствах (например, с применением оружия), существенно возрастает. Это бесспорно должно найти отражение в установлении за данное преступление минимума наказания большего, чем за аналогичное преступление, состав которого не содержит квалифицирующих признаков.

Следовательно, современный подход законодателя, установившего одинаковый минимум санкции за преступления (в том числе против собственности), кардинально отличающиеся по характеру и степени общественной опасности, является ошибочным.

Другой проблемой уголовно-правовой охраны собственности является ненадлежащая охрана законодателем правомочий собственника при конструировании ряда составов преступлений. Как известно, ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) предусматривает, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Очевидно, что уголовно-правовая охрана права собственности должна осуществляться по одним и тем же принципам независимо от предмета посягательства. Решающее значение для оценки общественной опасности таких деяний должен иметь не предмет посягательства, а его способ, размер ущерба и т. д. Однако фактически российское законодательство построено в этом отношении крайне противоречно. Речь идет, прежде всего, о таком преступлении, как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон).

Как известно, в УК РСФСР 1960 г. состав аналогичного преступления (угон транспортных средств) содержался в ст. 212.1, находившейся в гл. 10 УК – преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. В действующем УК РФ состав неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения помещен в главу о преступлениях против собственности. Такой подход вполне логичен, поскольку независимо от конечной цели виновного (покататься, присвоить транспортное средство и т. д.) собственник теряет возможность осуществлять свои правомочия в отношении данного транспортного средства.

Логика отсутствует в том, что квалификация данного преступления как хищения или угона зависит не от реального нарушения преступником правомочий собственника, а от иных обстоятельств. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 № 25 разъясняется, что под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) понимается завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством (угон) и поездка на нем без намерения присвоить его целиком или частями (Постановление № 25).

При таком подходе отсутствует четкая граница между хищением и угонем, поскольку предмет доказывания по делу об угоне расширяется за счет необходимости установления намерений виновного по дальнейшему использованию имущества (в данном случае транспортного средства). При этом неправомерное завладение виновным другими предметами (ювелирными изделиями, мобильным телефоном и т. д.) не требует доказывания намерений преступника относительно дальнейшего их использования и квалифицируется как хищение. Согласно ст. 158 УК РФ (прим. 1) под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Корыстная цель, т. е. использование имущества по своему усмотрению, предполагает не только потребление виновным похищенного (например, расходование денег) или передачу предмета хищения третьим лицам (продажа, дарение), но и иные формы распоряжения имуществом как своим собственным (например, извлечение потребительских свойств путем ношения украшений, использования мобильного устройства и т. д.). При этом не может иметь уголовно-правового значения намерения виновного постоянно пользоваться похищенным имуществом или какое-то время. Во всяком случае из смысла закона не вытекает обратное.

Более того, фактические намерения виновного относительно дальнейшего использования имущества при такой форме хищения, как разбой вообще находятся за рамками состава преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ. Исходя из этого, отсутствует логика в конструировании ч. 4 ст. 166 УК РФ, которая рассматривает угон как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Если разбой сформулирован как усеченный состав преступления, которое считается оконченным в момент нападения, то угон в ч. 4 ст. 166 УК РФ сформулирован

как материальный состав. Очевидно, что общественная опасность деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 166 УК РФ не меньше, чем предусмотренного ст. 162 УК РФ, и логично было бы считать угон с применением насилия опасного для жизни и здоровья окончательным, как и разбой, в момент нападения.

Кроме того, сравнение ст. 162 и 166 УК РФ приводит к выводу о рассогласованности санкций составов преступлений, обладающих сходной общественной опасностью. Совершенно очевидно, что нападение с применением насилия опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия в целях завладения транспортным средством не менее (если не более) опасно, чем нападение при аналогичных обстоятельствах в целях завладения, например, шапкой-ушанкой. Между тем, санкция ч. 4 ст. 166 УК РФ, предусматривающая лишение свободы на срок до двенадцати лет, значительно мягче, чем санкция ст. 162, которая предусматривает лишение свободы на срок до пятнадцати лет.

Либеральное законодательство об уголовной ответственности за угон порождает и соответствующую судебную практику. Так, в 2016 г. в России из 13 196 лиц, осужденных по ст. 166 УК РФ, лишь 4 232 (32%) приговорены к реальному наказанию в виде лишения свободы. При этом даже за наиболее опасную разновидность угона с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, применяется условное осуждение. В 2016 г. судами Российской Федерации из 197 лиц, осужденных по ч. 4 ст. 166 УК РФ, 16 чел. (8 %) приговорены к условной мере наказания.

Длительные сроки лишения свободы за указанное особо тяжкое преступление практически не назначаются. По данным судебной статистики в 2016 г. из общего коли-

чества лиц, осужденных к реальному лишению свободы по ч. 4 ст. 166 УК РФ, 39 осужденным (29,5 %) назначено лишение свободы на срок до трех лет, 94 (52 %) – от трех до пяти лет и 48 (18,5 %) – от пяти до восьми лет включительно. Свыше восьми лет лишение свободы не назначалось, хотя максимальный предел санкции ч. 4 ст. 166 УК РФ составляет двенадцать лет лишения свободы. Для сравнения можно отметить, что за разбой длительные сроки лишения свободы (свыше восьми лет) применены к 1 837 осужденным, что составляет 21,6 % от общего числа осужденных к лишению свободы за разбой (Данные судебной статистики). В целях совершенствования законодательства об охране права собственности от преступных посягательств необходимо:

1. Установить минимальный предел в санкциях за преступления, относящиеся к категории тяжких и особо тяжких (разбой, грабеж при отягчающих обстоятельствах и др.).

2. Дифференцировать ответственность за преступления, составы которых содержат квалифицирующие признаки, путем установления минимума наказания в виде лишения свободы за квалифицированные виды соответствующих преступлений, например, разбой при отягчающих обстоятельствах (ч. 2–4 ст. 162 УК РФ) и т. д.

3. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством независимо от целей дальнейшего его использования виновным рассматривать как разновидность хищения и квалифицировать в зависимости от формы хищения как кражу, грабеж, разбой и т. д.

4. Установить санкции за неправомерное завладение транспортным средством с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, или с угрозой его применения не менее строгие, чем за разбой.

Библиографический список

Данные судебной статистики: «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3)» № 10.3.1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (20.01.2018).

References

Dannye sudebnoi statistiki: "Otchet o srokakh lisheniya svobody i razmerakh shtrafov (prilozhenie k otchetu formy № 10.3)" № 10.3.1. Ofitsial'nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii [Data of judicial statistics: "Report on the terms of deprivation of liberty and fines amount (Appendix to Form No. 10.3)" No. 10.3.1. Official site of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at:

Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014. № 31. Ст. 4398.

Постановление № 25 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2009. № 2. С. 5.

Татарников В.Г. Санкция уголовно-правовой нормы как показатель общественной опасности преступлений против личности // Вестник Иркутского государственного технического университета, 2014. № 1. С. 257–258.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 25. Ст. 2954.

Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960. № 40. Ст. 591.

Федеральный закон от 7 марта 2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2011. № 11. Ст. 1495.

Сведения об авторах

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, e-mail: voldemar55@mail.ru

Никитин Юрий Петрович, преподаватель кафедры специальной подготовки, e-mail: nikitos35@rambler.ru

Критерии авторства

Татарников В.Г., Никитин Ю.П. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (accessed 20 January 2018).

Constitution of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Acts of the Russian Federation], 2014, no. 31, Art. 4398. (In Russian).

Resolution No. 25 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 9, 2008 "On court proceedings in connection with violations of traffic rules and vehicles operation and their illegal seizure without the purpose of theft". *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2009, no. 2, p. 5. (In Russian).

Tatarnikov V.G. Sanction of the criminal law norm as an indicator of the public danger of crimes against the person. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2014, no. 1, pp. 257–258. (In Russian).

The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FL. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collected Acts of the Russian Federation], 1996, no. 25, Art. 2954. (In Russian).

The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960). *Vedomosti Verhovnogo Soveta Rossijskoj Sove'tskoj Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki* [Gazette of the Supreme Soviet of the Soviet Federative Socialist Republic], 1960, no. 40, Art. 591. (In Russian).

Federal Law No. 26-FL of March 7, 2011 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collected Acts of the Russian Federation], 2011, no. 11, Art. 1495. (In Russian).

Author's Credentials

Vladimir G. Tatarnikov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department, e-mail: voldemar55@mail.ru

Yurii P. Nikitin, a Lecturer of Special Training Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, e-mail: nikitos35@rambler.ru

Criteria for Authorship

Tatarnikov V.G., Nikitin Yu.P. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ В ШКОЛЕ ГЕРМАНИИ

© В.М. Колесова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
400131, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. им. В.И. Ленина, 27.

Аннотация. В статье рассматриваются социально-педагогические предпосылки развития системы обучения одаренных детей в Германии. Приводятся результаты исследований российских и немецких ученых, занимающихся вопросами развития системы обучения одаренных детей. Выявлены экономические, политические, социальные и педагогические предпосылки и факторы развития системы обучения и воспитания одаренных учащихся.

Ключевые слова: одаренность, обучение одаренных детей, обучение в Германии, воспитание, предпосылки.

Информация о статье. Дата поступления 13 января 2018 г.; дата принятия к печати 14 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Колесова В.М. Социально-педагогические предпосылки развития системы обучения одаренных детей в школе Германии // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 57–68.

SOCIAL AND PEDAGOGICAL BACKGROUND FOR DEVELOPMENT OF SYSTEM OF TEACHING GIFTED CHILDREN AT SCHOOLS OF GERMANY

© V.M. Kolesova

Volgograd State Social and Pedagogical University,
27 Lenin Av., Volgograd, 400131, Russian Federation

Abstract. The article examines the social and pedagogical background for the development of the system of teaching gifted children in Germany. The results of Russian and German scientists' researches dealing with the development of the system of teaching gifted children are presented. Economic, political, social and pedagogical prerequisites and factors of development of the system of training and educating gifted students are revealed.

Keywords: giftedness, education of gifted children, education in Germany, upbringing, prerequisites.

Article info. Received January 13, 2018; accepted February 14, 2018; available online March 30, 2018.

For Citation. Kolesova V.M. Social and pedagogical background for development of system of teaching gifted children at schools of Germany // Social competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 57–68. (In Russian).

Понятие одаренности в немецкой педагогике появилось в начале XX в. и было связано с идеей создания единой школы. Однако сохранение социально-экономического неравенства и платное образование обусловили невозможность всеобщего доступа к образованию. Дети из низших слоев

с раннего возраста включались в «домашнюю экономику» и были вынуждены зарабатывать. Первая мировая война и связанные с ней экономические трудности также не способствовали развитию концепции одаренности. В 1919 г. политическое лобби от образования настаивало на необходимости

ограничения доступа представителей низших социальных слоев к обучению в высших учебных заведениях, аргументируя свою позицию экономической нецелесообразностью выделения одаренных детей и создания для них особых возможностей

Немецкие исследователи W. Moede, C. Piorkowski, G. Wolff (1919) выделяют целый ряд причин, по которым немецкое правительство не поддержало идею организации специальных школ для одаренных детей после Первой мировой войны:

- значительное повышение количества абитуриентов в университетах при ограниченности возможностей их приема;
- преувеличение роли университетского образования и специальностей, требующих высшего образования;
- прерывание семейных, родственных и социокультурных связей студентов из низших социальных слоев;
- снижение рождаемости в связи с увеличением времени обучения детей перед началом трудовой деятельности (особенно актуально для низших социальных слоев) (Moede, Piorkowski, Wolff, 1919. С. 61).

Особое внимание при обсуждении идеи выделения одаренных детей и создания условий для максимального развития их способностей уделялось моральной стороне вопроса. По мнению многих немецких педагогов, чрезмерное внимание к личности учащегося и его талантам способствовало формированию у него высокомерия и заносчивости, что снижало качество его образования и дальнейшей профессиональной деятельности. Сторонники концепции одаренности, напротив, указывали на то, что высокий уровень образования и развитие природных склонностей способствуют формированию положительных качеств личности ребенка и скромности (Moede, Piorkowski, Wolff, 1919. С. 63).

Вместе с тем, проводимые в начале XX в. исследования уровня подготовки учащихся старших и народных школ показывали, что большинство учащихся из средних и высших социальных слоев, имеющих доступ к более высоким ступеням образования, не обладают достаточным уровнем развития. В пользу данного тезиса свидетельствовало, в частности, значительное число учащихся, не получивших аттестат зрелости по окончании курса обучения. Например, в

1913 г. из 40 000 чел., поступивших в гимназии, только 9 330 смогли сдать экзамены и получить аттестат зрелости (Götze, 1926. С. 55).

После Первой мировой войны в Германии проблема недостаточной подготовки выпускников гимназий и университетов приобрела особую актуальность, в том числе и из-за повышения мировой конкуренции на формирующихся новых мировых рынках. Технический прогресс и потребность в восстановлении политических позиций Германии обусловили рост внимания к подготовке кадров. Данная идея нашла воплощение в книге «Продвижение одаренных», в которой подчеркивалась широта понятия одаренности (Petersen, 1916). П. Петерсен говорил о том, что речь должна идти не только об интеллектуальной одаренности, но и о технических талантах и способностях к ремеслу. По его мнению, особый подход к развитию индивидуальных способностей детей в будущем обеспечит Германии прогресс во всех сферах деятельности. Данная книга вышла по заказу Немецкого комитета по вопросам воспитания и обучения, что говорит о наличии у представленных идей государственной и политической поддержки.

Таким образом, 1916 г. можно считать отправной точкой развития педагогики одаренности и особых технологий обучения одаренных детей в Германии. Именно в этот год в Берлине открылись первые школы для одаренных детей, доступ в которые был открыт для всех социальных слоев, более того, в период обучения детям выплачивались пособия. Данная мера должна была способствовать максимальному привлечению одаренных детей и повышению качества и эффективности обучения. Однако следует отметить, что такие школы были открыты только для мальчиков. Итогом шестилетнего обучения в этих школах являлась сдача экзамена для поступления в университет.

Важным событием для развития идеи специального обучения одаренных детей стало создание в 1925 г. «Фонда высшего образования немецкого народа» (далее – Фонд), который должен был разрабатывать меры социально-экономической поддержки для способных учащихся и студентов. Фонд был учрежден по инициативе известного немецкого педагога Э. Шпрангера (1882–1963), который одной из целей Фонда

видел научное исследование феномена одаренности и способов ее выявления. Однако идея широкого доступа к высшему образованию и помощи одаренным детям не нашла поддержки у пришедшей к власти национал-социалистической партии. В частности, с 1933 г. помощь Фонда не могли пользоваться евреи и студенты-марксисты. Дальнейшее распространение идей нацизма и расово-биологического подхода к оценке интеллектуального потенциала сделали невозможной объективную оценку уровня развития и одаренности детей.

Следующий этап развития концепции одаренности и системы обучения одаренных детей приходится на 1950–1960-е гг. Основной предпосылкой этого этапа является распространение в западной педагогике нового течения, которое получило название «gifted children» (одаренные дети). Особое внимание к возможностям развития детской одаренности и использования потенциала одаренных детей в Европе было напрямую связано с целью догнать бурно развивающиеся экономики ведущих держав – США и СССР (Lucito, 1964. С. 179–180).

Главным принципом нового подхода стала необходимость обеспечения равных шансов на получение качественного и всестороннего образования для детей из всех слоев населения. Однако, несмотря на признание факта возможности наличия одаренности у детей из низших слоев, до конца 1960-х гг. в Германии сохранялось педагогическое движение, настаивавшее на сохранении элитарных школ. Сторонники элитарности высшего и дополнительного образования считали, что низкий уровень культуры непривилегированных слоев населения обуславливает их образ мышления, который не соответствует высоким ценностям науки и фундаментальных дисциплин.

В 1970-е гг. внимание педагогов переключилось с проблемы отбора учащихся на проблему эффективности действующей системы образования. Исследование, проведенное группой педагогов, психологов и деятелей культуры под руководством Э. Форса, показало, что применяемые в системе академического образования методы, например, акцент на письменное слово, заучивание материала, преимущественное развитие формального логиче-

ского мышления, являются низкоэффективными и не отвечают требованиям развивающегося общества и технического прогресса.

Выявление проблемы устаревания академических методов обучения и системы европейского образования в целом привело к началу процесса ее реформирования. Основными направлениями реформ в странах Западной Европы в 1970-е гг. стали гомогенизация и унификация систем подготовки педагогических кадров (обучение педагогов переместилось в сферу высшего образования) и позиционирование высшего образования как единого типа подготовки педагогических кадров для всех уровней образовательной системы.

Расширение сферы высшего профессионального образования за счет включения в него педагогических вузов оказало существенное влияние на развитие педагогических технологий и методов обучения. Школьные учителя стали осваивать инновационные модели преподавания, основывающиеся на результатах научно-педагогических исследований, а также исследований психологов и социологов.

Возврат к проблеме особого подхода к обучению одаренных детей произошел в конце 1970-х гг. и был обусловлен развитием сотрудничества Германии с другими европейскими странами и США. Образованное в 1978 г. «Немецкое общество содействия высокоодаренным детям» (Гамбург) поддерживало тесные связи с всемирной конференцией «World Council for Gifted and Talented Children» (WCGTC), проводимой каждые 2 года, что привело к распространению новых взглядов на отбор детей и создание условий для раскрытия их потенциала. Однако большая часть идей и педагогических технологий, разработанных в этот период, а также в 1980-е гг. не применялись на практике в школах и гимназиях вплоть до начала 1990-х гг.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие широкой практики применения специальных программ обучения одаренных детей в общеобразовательных школах Германии, с конца 1980-х гг. активно применяется технология организации так называемых «каникулярных академий».

Первая летняя программа «Немецкая школьная академия» (Deutsche Schuler

Akademie) (далее – Академия), разработанная специально для одаренных детей под влиянием американской педагогической мысли, была запущена в 1988 г. К участию в программе допускались одаренные школьники 16–19 лет, готовящиеся к поступлению в высшие учебные заведения и освоению учебных курсов повышенного уровня сложности.

По мере развития Академия получила правительственную поддержку, что обеспечило для одаренной молодежи из малообеспеченных слоев населения доступ к обучению за счет государственного финансирования. Для большинства участников программы стоимость участия определялась в размере трети от полной стоимости.

Количество мест в Академии до начала 2000-х гг. составляло всего 90. Основными критериями отбора учащихся были рекомендации учителей, а также победы в различных олимпиадах и конкурсах (Бабаева, Лейтес, Матюрина, 2000. С. 119).

Особенностью летней программы было то, что преподавателей в Академию отбирали из числа высококвалифицированных специалистов в шести основных областях, по которым осуществлялась подготовка слушателей.

В качестве ведущих задач Академии выделялись:

- развитие навыков обучения у одаренных детей;
- формирование и развитие междисциплинарного мышления, а также навыков самостоятельной деятельности и исследовательской работы;
- обеспечение достаточно высокой и интенсивной нагрузки для полного раскрытия интеллектуального потенциала учащихся;
- развитие навыков письменной и устной презентации, а также командной работы и коллективной деятельности;
- развитие представлений о ролевых моделях через активное общение с исследователями и высокопрофессиональными педагогами;
- создание особой среды для одаренных детей с целью стимулирования познавательного интереса и мотивации к получению знаний, а также адекватной самооценки учащихся;

– профориентация с учетом индивидуальных способностей и склонностей учащихся;

– формирование ответственного отношения к собственной одаренности и необходимости использования личного потенциала на благо общества, развитие лидерских качеств. (Нану, 2000).

Анализируя описанный феномен летней Академии, следует отметить, что в Германии данная форма обучения в начале XXI в. сохраняла определенные черты элитарности, характерной для системы школьного образования. Довольно сомнительным критерием отбора учащихся выглядят рекомендации учителей, которые носили в основном субъективный характер и часто основывались на оценке социального статуса ученика, а не его реальных способностей.

Отдельно следует сказать о педагогической традиции, сформированной на территории Германской Демократической Республики (ГДР). Данная модель основывалась на исследованиях советских психологов и педагогов, была в значительной степени идеологизирована, однако вместе с тем к концу 1980-х гг. давала значительно больше возможностей для развития талантов учащихся из различных слоев населения.

Советская модель школы, направленная на массовое образование, создала в ГДР благоприятные условия для работы с одаренными детьми. Раскрытие талантов и способностей детей начиналось в детских садах и последовательно продолжалось в начальной, средней и старшей школах. Единственным недостатком этой системы, по сравнению с западногерманской, было практически полное отсутствие профориентации в школе, как и в Советском Союзе будущую профессию ребенка чаще определяли родители.

Объединение Германии положило начало новому этапу реформирования системы образования. Состоявшийся в 1991 г. педагогический исследовательский семинар «Education of the gifted in Europe – theoretical and research issues» («Образование одаренных в Европе – теоретические и исследовательские вопросы») определил рекомендации по совершенствованию системы европейского образования. По итогам семинара министерствам образования европейских стран были представлены

резолуции, содержащие рекомендации по формированию демократического подхода к образованию. Данные рекомендации были закреплены документально в 1994 г. в рекомендательном акте Европейского парламента «On education for gifted children» («Об образовании для одаренных детей»).

Описывая содержание этого акта, В. Преуш обращает внимание на выделение особых потребностей одаренных детей. Исследователь пишет: «В этом письме особо подчеркивались потребности одаренных детей, которым должны посвятить себя общество и образовательные системы в деле созидания человеческого капитала» (Преуш, 2012. С. 47).

В документе содержались следующие принципы:

- законодательное выделение одаренных детей как особой категории учащихся, нуждающихся в специальных условиях обучения и образовательных возможностях;

- проведение просветительской работы по информированию населения и педагогических кадров о феномене одаренности и потребностях одаренных детей;

- включение в программу педагогической подготовки технологий выявления одаренности у учащихся;

- создание и внедрение специальных курсов в предметных областях, где проявляется одаренность учащихся;

- создание гибкой школьной системы для обеспечения образовательных потребностей одаренных детей;

- оценивание последствий образовательных инициатив при разработке программ обучения для одаренных детей с целью избежания негативных последствий как для самих учащихся, так и для общества в целом.

Кроме того, в рекомендациях особо подчеркивалась важность проведения фундаментальных исследований феномена одаренности.

Внедрение новых европейских ценностей и подходов к воспитанию молодого поколения привело к необходимости реформирования школьной системы в Германии, которая сохраняла неравенство возможностей и остатки элитарности, особенно в секторе старшей школы.

Реформы, начавшиеся с середины 1990-х гг., включали в себя следующие преобразования:

- интеграцию основной и реальной школ с целью создания единой двух- или трехтипной школьной системы, отвечающей принципам демократического образования;

- сокращение сроков обучения в гимназиях за счет пересмотра учебных программ и их интенсификации;

- повышение уровня мобильности учащихся в системе образования за счет координации учебных планов и программ, а также увеличение внутренней дифференциации учебных курсов;

- внедрение курсов профессиональной подготовки и специализации в систему общего среднего образования;

- совершенствование системы профориентации и стимуляцию сознательного выбора профессии учащимися.

Представленные меры должны были существенно расширить возможности получения образования представителями всех слоев населения и устранить элитарность в старшей школе. Однако при этом полная унификация системы школьного образования в Германии представлялась сложной ввиду значительного социокультурного различия федеральных земель. Таким образом, реформирование школьной системы с учетом внедренных европейских концепций одаренности и необходимости создания особых условий для обучения одаренных детей в землях Германии происходило неравномерно и во многом обуславливалось региональными особенностями.

В качестве примера реализации описанной реформы можно привести принятие закона об обучении одаренных детей, который разрешил сокращение сроков обучения за счет интенсификации учебного процесса. Данный закон с 1995 г. действует в Нижней Саксонии. В последующие годы он был принят в некоторых других землях. Принятие законов подобного рода представляется особенно важным с точки зрения определения статуса одаренных детей и создания для них особых условий обучения.

Многие земли Германии заимствовали элементы программ школ ГДР, отличавшиеся более широкими возможностями

в части обеспечения образовательных потребностей одаренных детей.

В частности, Дж. Фримен в своем исследовании выделяет следующие инновации, повышающие эффективность образовательного процесса для учащихся с различным уровнем одаренности:

- гибкая система зачисления в первый класс (во многих школах отсутствует жесткий возрастной ценз);

- возможность экстерната («перепрыгивание» через класс разрешено в некоторых школах, однако является довольно редкой практикой);

- наличие обширной факультативной программы (во многих школах, специализирующихся на обучении одаренных детей, предлагают широкий выбор дополнительных курсов и факультативных занятий по выбору) (Фримен, 2011).

Во Франкфурте с 2000 г. действует Центр для одаренных детей («Hochbegabtenzentrum der Stadt Frankfurt am Main»), основными задачами которого являются:

- оказание всесторонней помощи и поддержки одаренным учащимся и их родителям, а также методической и иной помощи педагогам, работающим с одаренными детьми;

- ведение просветительской работы среди родителей и педагогов, связанной с феноменом одаренности и потребностями одаренных детей;

- организация и проведение специальных курсов для одаренных детей различного возраста (внеклассная работа);

- консультирование педагогов, предоставление им специальной литературы и методик работы с одаренными детьми.

Создание подобных центров в отличие от ранее описанного формата летних школ и каникулярных академий в большей степени отвечает задачам обеспечения широкого доступа одаренных детей к современным программам обучения и удовлетворения образовательных потребностей данной категории учащихся.

Современный этап развития школьного образования в Германии и формирования педагогических подходов к обучению одаренных детей определяется принятым в 2009 г. положением министров культуры

ландтагов Германии о признании исключительного права на справедливое содействие всем одаренным ученикам. Данное положение стало результатом работы Всеевропейского семинара, организованного в Германии в 2004 г., в котором приняли участие представители из 27 европейских стран. В опубликованной исследователями семинара книге «Учиться быть» изложены гуманистические принципы организации школьного образования, которое должно быть ориентировано в первую очередь на обеспечение условий для разностороннего развития способностей и творческого потенциала учеников.

В Германии активно развивалась система специальной подготовки педагогических кадров для работы с одаренными детьми. Значительная часть таких программ основывалась на предложенной в 1999 г. К. Хеллером международной программе «Excellence». Курс обучения учителя могли пройти в университете Мюнхена в течение четырех семестров.

Также систему обучения одаренных детей поддерживал целый ряд организаций, основанных родителями одаренных школьников. Дж. Фримен в докладе для Департамента образования и навыков в Лондоне упоминает такие организации:

- организация «Hochbegabtenförderung» создана родителями, разработала 63 программы для 470 одаренных детей в 13 немецких городах;

- «Deutsche Gesellschaft für das hochbegabte Kinder e.V.» (1978 г.) насчитывает 3 000 членов в 15 региональных группах и организует высшие курсы для детей, а также особые учебные дни в университетах. Кроме того, она консультирует родителей, ведет большой объем общественной работы и устраивает мероприятия для семей с одаренными детьми.

- «Arbeitskreis Begabungsforschung Begabungsförderung e.V.» в Ростоке является ассоциацией исследователей, чиновников, имеющих отношение к сфере образования, учителей. Ее деятельность направлена на внедрение результатов исследований в обучение (Фримен, 2011. С. 65).

В Германии наряду с реформированием системы подготовки педагогических кадров параллельно шел процесс рефор-

мирования системы школьного образования. Так, в 1964 г. народная школа была реорганизована и получила название «массовой». Целью реорганизации была унификация системы школьного образования, однако сохранилась вертикальная структура в средней и старшей школах, унифицирована была только начальная ступень, которая на сегодняшний день является общей для всех типов школ (Grundschule).

Таким образом, в результате последовательного реформирования системы школьного образования в сторону ее максимальной открытости и устранения социального неравенства в части доступа к различным сегментам школы Германии удалось создать условия для обеспечения особого подхода к обучению одаренных детей (Попова, 2009).

Основные этапы развития системы школьного образования представлены с точки зрения его переориентации с социально-экономической дифференциации учащихся и учебных программ для них. Однако формальные меры и развитие образовательных институтов не могли ответить на вопрос о том, что считать одаренностью и каковы критерии ее оценки.

Документы, содержащие рекомендации по обучению одаренных детей, а также законодательное выделение категории учащихся с особыми образовательными потребностями, не дают прямого определения слова «одаренность», а также указаний на методы и способы ее выявления у школьников.

Выделение одаренности как особой категории, не оцениваемой в рамках стандартных школьных программ и учебных курсов, началось еще в начале XX в. Известный немецкий психолог, основатель дифференциальной психологии и изобретатель первых коэффициентов интеллектуального развития В. Штерн (1871–1938 гг.) указывал, что система школьной оценки знаний и успеваемости не затрагивает тех показателей, которые следует считать валидными при оценке уровня интеллектуального развития и одаренности ребенка. Согласно его концепции, следует различать несколько типов одаренности: рецептивные и творческие, аудитивные и визуальные, связанные преимущественно с пониманием и фантазией, анализом и синтезом (Stern, 1916. С. 107).

В условиях элитарности образования, а также социально-экономического кризиса после Первой мировой войны реализация подхода В. Штерна была практически невозможна, также как и в условиях национал-социалистического государства.

Первые практические исследования феномена одаренности и объективных критериев его оценки стали проводиться в Германии только в конце 1960-х гг. Потребность в развитии этого направления педагогики была обусловлена тем, что традиционная передача знаний, составляющая основу школьного обучения, оказалась не в состоянии обеспечить требуемый уровень подготовки учащихся, который необходим для освоения сложных программ профессионального обучения, разработанных для нужд технического и социально-экономического развития страны.

В книге Г. Рота «Одаренность и учеба» подчеркивалась важность максимального раскрытия потенциала учащихся для увеличения эффективности и повышения уровня подготовки высокопрофессиональных кадров в различных областях (Roth, 1970. С. 18).

Значительное отставание немецких школьников в области физико-математических наук по сравнению с учащимися из других стран, по мнению немецких исследователей, было обусловлено узостью программ обучения одаренных детей, направленных на изучение гуманитарных наук, в частности, филологии и лингвистики. Кроме того, исследователи отмечали низкий уровень развития творческого и критического мышления учащихся из-за преобладания в учебной деятельности заучивания и многократного повторения материала (Bergius, 1970. С. 229).

Однако, несмотря на наличие обоснований необходимости особого подхода к одаренным детям, исследования 1970-х гг. не привели к выявлению объективных критериев оценки одаренности и способов ее выявления. Следовательно, проблема выделения таких детей из общей массы учеников оставалась не решенной.

В 1990-е гг. вопросы исследования одаренности приобрели особую актуальность для фундаментальной науки в контексте интеграции Германии в Европейское сообщество. В стране было создано три круп-

ных научных центра, что сделало возможным проведение масштабных исследований феномена одаренности:

1. Центр при Марбургском университете им. Филиппа. В рамках центра было проведено одно из наиболее масштабных исследований одаренности под руководством профессора психологии Д. Роста (1987–2000), целью которого было сравнение развития высокоодаренных детей и детей с высокой успеваемостью в аспекте не когнитивных параметров (школьная адаптация, развитие личности, социальное поведение, мотивация, отношение к работе, интересы, управление собой и т. д.). На сегодняшний день данное исследование считается одним из наиболее точных и достоверных, так как при его проведении удалось разработать точную методику планирования, включающую серию экспериментов с последующей статистической обработкой.

2. Научно-исследовательское объединение университетов Хильдесхайма и Дрездена успешно осуществляло сопровождение интегративного эксперимента на базе школ (1997–2004). Целью данного эксперимента была проверка возможности разработки и использования дидактических программ для обучения одаренных детей в возрасте 6–10 лет в среде сверстников, имеющих средний уровень одаренности. Критериями оценки апробируемых программ являлись показатели социального поведения детей с высоким уровнем одаренности, наличие интеллектуальных и социоэмоциональных компетенций, а также индивидуальные особенности развития. Данное исследование было направлено в первую очередь на оценку возможности обучения одаренных детей с максимальным раскрытием их способностей в условиях обычной школы (Henze, Sandfuch, Zumhasch, 2006).

3. Фонд «Международный центр изучения одаренности» (ICBF) – совместный проект университетов Мюнстера, Оснабрюка и Нидерландского университета г. Ниймеген). Основной задачей работы этого исследовательского объединения стала разработка и апробация инструментария оценки одаренности и психолого-педагогических подходов к работе с одаренными детьми. Кроме того, в рамках деятельности фонда оказывалась помощь ода-

ренным детям и подросткам, предоставлялись возможности получения дополнительного образования и повышения квалификации педагогических кадров. Инновацией в работе фонда является выявление одаренности у детей с ограниченными возможностями, а также разработка и реализация специальных программ для их обучения.

Работа исследовательских центров существенно повлияла на оценку одаренности детей в школах и определила особенности их отбора. Наиболее значимым с этой точки зрения является исследование, организованное и проведенное учеными Марбургского университета.

Статистическая обработка данных, собранных в процессе эксперимента, позволила установить возрастные рамки, в которых определение одаренности наиболее валидно и обладает лучшим прогностическим потенциалом. Так, с точки зрения прогнозирования развития интеллекта наиболее показательными являются тесты, проведенные в возрасте 14 лет.

Исследование младших школьников показало, что в целом дети со средним и высоким уровнем одаренности в возрасте старше 8 лет демонстрируют последующий стабильный рост показателей интеллектуального развития. Однако при этом у 29 % младших школьников с выявленным высоким уровнем одаренности впоследствии одаренность не подтверждается [Hanses, 2009. С. 95; 150].

Также исследователи выявили зависимость динамики интеллектуального развития одаренных детей от типа школы. Наиболее благоприятным для развития способностей ребенка оказалось обучение в гимназии (в среднем уровень IQ у наблюдаемых школьников повышался на 7 пунктов по сравнению с начальной ступенью школьного образования). Одаренные дети, продолжившие обучение в основной школе, показали снижение интеллектуального развития на 5 пунктов, а учащиеся, перешедшие в реальную школу – снижение на 3 пункта. Объясняя данный феномен, марбургские ученые пришли к выводу, что для стабильного роста интеллекта одаренным детям необходима постоянная тренировка мышления с постепенным усложнением задач. При этом наибольшие результаты показывают

школьники, интересующиеся и занимающиеся математикой, так как этот предмет интенсивнее стимулирует развитие абстрактного мышления и творческих способностей.

Помимо школьной программы и личностных параметров одаренных детей в рамках проекта изучались социально-экономические и психолого-педагогические условия жизни одаренных школьников, а также их влияние на развитие способностей ребенка.

Наиболее значимыми социально-экономическими факторами являются:

- социальный статус родителей (высокий социальный статус семьи способствует более быстрому развитию одаренного ребенка и успешному обучению);
- тип и особенности мотивации к обучению, сформированные в семье;
- наличие и качество доступа к образовательным услугам;
- интеллектуальные ожидания родителей;
- уровень финансовой обеспеченности;
- должность и профессиональный уровень главы семьи;
- уровень образования родителей (особенно матери);
- количество детей в семье (Hanses, 2009. С. 152–154).

Таким образом, исследование влияния социально-экономических условий на развитие способностей одаренных детей косвенно подтвердило оправданность разделения школ по социальному и экономическому статусу учащихся.

В ходе экспериментов выяснилось, что сложнее всего выявляется и развивается одаренность у детей мигрантов. Среди неблагоприятных факторов, затрудняющих развитие этой категории учеников, можно выделить языковой барьер, низкий уровень адаптации к жизни в стране пребывания, страхи, низкий уровень социальной защищенности и финансового обеспечения.

Уровень одаренности и скорость развития способностей одаренного ребенка могут снизиться в случае внезапного ухудшения социальных условий жизни, в частности, возникновения конфликтов в семье и социальном окружении, несчастный случай, смерть или болезнь члена семьи,

развод или постоянные конфликты между родителями, завышение или занижение ожиданий, ошибки воспитания.

Сложности развития одаренности у детей из низших социальных слоев и малообеспеченных семей обусловлены, по мнению марбургских исследователей, в первую очередь высоким уровнем фрустрации, а также дискриминацией в среде сверстников в школе. Недостаточное и несбалансированное питание в сочетании с врожденными проблемами, спровоцированными неправильным поведением матери во время беременности, не позволяют таким детям выдерживать высокие нагрузки, возникающие при участии в специальных программах для одаренных детей или дополнительных занятиях. Кроме того, такие дети обычно не имеют поддержки со стороны семьи, им не прививают ценности образования, не настраивают на приобретение новых знаний и развитие творческого потенциала, поскольку родители имеют заниженный уровень ожиданий и не склонны замечать одаренность своих детей (Graumann, 2001).

Данное исследование и его результаты фактически обосновали справедливость дифференциации школ, а также потребности в оказании особой поддержки одаренных детей из низших социальных слоев, в том числе психологической и финансовой.

Подводя итоги изучения истории формирования системы обучения одаренных детей в Германии, можно заключить, что понимание одаренности и подходы к работе с одаренными детьми прошли несколько этапов развития:

- идея создания особых школ для одаренных детей (1916–1920 гг.);
- идеологизация образования и концепций одаренности (1930–1940-е гг.);
- демократизация образования (1950–1960-е гг.);
- реформирование системы образования (1970–1980-е гг.);
- переход на Европейскую модель обучения одаренных детей (с 1991 г.).

Очевидно, что основным социально-экономическим фактором, определяющим повышение внимания к проблеме обучения одаренных детей, было отставание Германии от ведущих мировых держав, которое

возникло после Первой и Второй мировых войн. Потребность в восстановлении экономики и ускорении научно-технического прогресса обуславливала необходимость роста количества высококвалифицированных работников, способных к творческому мышлению и генерированию инноваций.

Существенным социально-политическим фактором, определявшим отношение к феномену одаренности и подходы к выявлению и обучению одаренных детей, являлась идеология. Так, до прихода к власти национал-социалистической партии в обществе сохранялась выраженная сословная система и элитарный подход к образованию, затем одаренность определялась, исходя из принципов националистической идеологии, на смену которой пришли демократические и гуманистические ценности.

Исторически сложившейся особенностью системы обучения одаренных детей в Германии является сохранение элементов элитарности в школьном образовании и отборе учащихся для прохождения специальных и дополнительных программ. Во многом это обусловлено результатами фундаментальных исследований одаренности, которые показали более эффективное развитие одаренности у детей из благополучных семей, имеющих достаточно высокий социальный статус и уровень финансовой обеспеченности.

На основе описанных особенностей становления современного подхода к обучению одаренных детей можно составить факторную модель данного процесса.

В процессе исследования были выявлены следующие группы факторов, оказывающих непосредственное влияние на педагогическое понимание одаренности и обучение одаренных детей:

- социальные факторы (общественный строй, социокультурные нормы, наличие и уровень социального неравенства, социальная ценность образования, институт семьи);

- экономические факторы (экономическое развитие страны, преобладающий тип производства, скорость научно-технического прогресса, уровень жизни и благосостояния населения, развитие и характер международных экономических отношений);

- политические факторы (тип государственного устройства, политический режим, идеология, политические ценности, внешняя политика);

- педагогические факторы (уровень развития педагогической науки и системы подготовки педагогических кадров, преобладающие направления педагогической деятельности – методы, технологии и методики преподавания).

Указанные факторы определяют характер и особенности реформирования системы образования, организации и проведения психолого-педагогических исследований феномена детской одаренности, разработки и внедрения инновационных педагогических технологий и методик обучения одаренных детей.

Среди перечисленных можно выделить стимулирующие и сдерживающие факторы развития системы обучения одаренных детей. Применительно к Германии стимулирующими факторами преимущественно выступали экономические (высокая скорость научно-технического прогресса, развитие инновационных отраслей производства, экономический рост) и политические факторы (интеграция с Европейскими странами, стремление к повышению политического влияния на международной арене).

К наиболее значимым сдерживающим факторам можно отнести социальные (сохранение значительного социального неравенства, дискриминация по социальному статусу) и педагогические факторы (низкий уровень подготовки педагогических кадров, недостаточность фундаментальных исследований одаренности, сохранение архаичных моделей школьного образования).

Таким образом, повышение интереса к изучению одаренности и возможностям максимально эффективного обучения одаренных детей в Германии было связано в первую очередь с экономическим ростом и развитием инновационных отраслей производства. Однако отсутствие фундаментальных исследований в этой сфере, а также недостаток подготовленных педагогов в течение долгого времени сдерживали процессы формирования особого подхода к

одаренным детям.

Библиографический список

Бабаева Ю.Д., Лейтес Н.С., Марютина Т.М. [и др.]. Психология одаренности детей и подростков: учеб. пособие для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / под ред. Н.С. Лейтес. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 336 с.

Попова Л.В. Образовательные программы для одаренных детей в странах Европы // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 101–114.

Фримен Дж. Обучение одаренных детей в Западной Европе // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 63–73.

Bergius R. Analyse der "egabung": Die Bedingungen des intelligenten Verhaltens // Begabung und Lernen. Ergebnisse und Folgerungen neuer Forschungen. 1970. № 5. S. 229–268.

Götze C. Volksschule und Begabung // Der Aufstieg der Begabten. Vorfagen. 1916. № 3. S. 48–59.

Graumann O. Auswirkungen von Armut im Kontext von Schule // Schule in Not. Eine Institution sucht Verbündete. 2001. № 1. S. 69–87.

Hanses P. Stabilität von Hochbegabung // Hochbegabte und hochleistende Jugendliche. (erweiterte Auflage). 2000. № 2. S. 93–160.

Hany E.A. Muss man unterschiedlich hoch begabte Kinder unterschiedlich fördern? // Begabung und Leistung in der Schule. 1916. № 2. S. 71–96.

Henze G., Sandfuchs U. Erster Zwischenbericht der wissenschaftlichen Begleitung des Schulversuchs zur intergrativen Förderung von Schülerinnen und Schülern mit besonderen Begabungen an der Grundschule Beuthener Straße in Hannover. Hildesheim: Universität Hildesheim, 1998. 250 s.

Lucito L.J. Gifted Children // Exceptional children in the schools. 1964. № 2. S. 179–238.

Moede W., Piorkowski C., Wolff G. Die Berliner Begabtenschule, ihre Organisation und die experimentellen Methoden der Schülerauswahl. Langensalza, 1919. 347 s.

References

Babaeva Yu.D., Leites N.S., Maryutina T.M. *Psikhologiya odarennosti detei i podrostkov* [Psychology of children and teenagers' giftedness]. Moscow: Publishing Centre "Akademiya" Publ., 2000, 336 p. (In Russian).

Popova L.V. *Obrazovatel'nye programmy dlya odarennykh detei v stranakh Evropy* [Education programme for gifted children in Europe] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2009, no. 4, pp. 101–114. (In Russian).

Frimen Dzh. *Obuchenie odarennykh detei v Zapadnoi Evrope* [Gifted children education in Western Europe]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2011, no. 4, pp. 63–73. (In Russian).

Bergius R. Analyse der "Begabung": Die Bedingungen des intelligenten Verhaltens. *Begabung und Lernen. Ergebnisse und Folgerungen neuer Forschungen*, 1970, no. 5, pp. 229–268.

Götze C. *Volksschule und Begabung. Der Aufstieg der Begabten. Vorfagen*, 1916, no. 3, pp. 48–59.

Graumann O. *Auswirkungen von Armut im Kontext von Schule. Schule in Not. Eine Institution sucht Verbündete*, 2001, no. 1, pp. 69–87.

Hanses P. *Stabilität von Hochbegabung. Hochbegabte und hochleistende Jugendliche (erweiterte Auflage)*, 2000, no. 2, pp. 93–160.

Hany E.A. *Muss man unterschiedlich hoch begabte Kinder unterschiedlich fördern? Begabung und Leistung in der Schule*, 1916, no. 2, pp. 71–96.

Henze G., Sandfuchs U. *Erster Zwischenbericht der wissenschaftlichen Begleitung des Schulversuchs zur intergrativen Förderung von Schülerinnen und Schülern mit besonderen Begabungen an der Grundschule Beuthener Straße in Hannover. Hildesheim: Universität Hildesheim*, 1998, 250 p.

Lucito L.J. *Gifted Children. Exceptional children in the schools*, 1964, no. 2, pp. 179–238.

Moede W., Piorkowski C., Wolff G. *Die Berliner Begabtenschule, ihre Organisation und die experimentellen Methoden der Schülerauswahl. Langensalza*, 1919, 347 p.

Petersen P. Der Aufstieg der Begabten. Vorfragen. Leipzig, Berlin, 1916. 267 s.
 Preuß B. Hochbegabung, Begabung und Inklusion. Schulische Entwicklung im Mehrebenensystem. Wiesbaden: Springer VS, 2012. 270 s.
 Roth H. Einleitung und Überblick // Begabung und Lernen. Ergebnisse und Folgerungen neuer Forschungen. 1970. № 5. S. 17–68.
 Stern W. Psychologische Begabungsforschung und Begabungsdiagnose // Der Aufstieg der Begabten. Vorfragen. 1916. № 4. S. 105–120.

Сведения об авторе

Колесова Валентина Михайловна, аспирант кафедры педагогики, e-mail: kolesova.valentina91@yandex.ru

Критерии авторства

Колесова В.М. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Petersen P. Der Aufstieg der Begabten. Vorfragen. Leipzig, Berlin, 1916, 267 p.
 Preuß B. Hochbegabung, Begabung und Inklusion. Schulische Entwicklung im Mehrebenensystem. Wiesbaden: Springer VS, 2012, 270 p.
 Roth H. Einleitung und Überblick. Begabung und Lernen. Ergebnisse und Folgerungen neuer Forschungen, 1970, no. 5, pp. 17–68.
 Stern W. Psychologische Begabungsforschung und Begabungsdiagnose. Der Aufstieg der Begabten. Vorfragen, 1916, no. 4, pp. 105–120.

Author's Credentials

Valentina M. Kolesova, a postgraduate student of Pedagogics Department, e-mail: kolesova.valentina91@yandex.ru

Criteria for Authorship

Kolesova V.M. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

УДК 159.953 (81'373)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

© Н.А. Корепина, Н.О. Гусев

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация. В статье рассматриваются методики, позволяющие облегчить изучение иностранных языков и их механическое запоминание. Язык в своем повседневном проявлении является реализацией деятельности человека. Для воссоздания этой деятельности на занятиях предлагается использовать различные обучающие игры. В работе приводится классификация обучающих игр М.Ф. Стронина и описываются некоторые примеры игр и видов деятельности, направленных на решение определенных задач, которые можно использовать при изучении иностранных языков.

Ключевые слова: усвоение языка, изучение языка, обучающие игры, виды деятельности, решение задач.

Информация о статье. Дата поступления 18 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 3 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Корепина Н.А., Гусев Н.О. Современные методики обучения иностранным языкам // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 69–73.

MODERN METHODS OF FOREIGN LANGUAGES TRAINING

© N.A. Korepina, N.O. Gusev

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the methods that facilitate foreign language acquisition and their mechanical memorization and learning. Language in its everyday manifestation is the realization of human activity. To reconstruct this activity in the classroom, the use of various teaching games is proposed. The article provides the classification of educational games by M.F. Stronin, as well as some examples of the games and activities aimed at solving certain problems that can be applied in the learning of foreign languages.

Keywords: language acquisition, learning the language, learning games, activities, problem solving

Article info. Received December 18, 2017; accepted February 3, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Korepina N.A., Gusev N.O. Modern Methods of Foreign Languages Training // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 69–73. (In Russian).

В современном мире существует устойчивая тенденция усиления интереса к динамическому, деятельностному характеру языка. Если рассматривать изучение языка только как средство, с помощью которого реализуется общение или мышление (когнитивная деятельность), то таким обра-

зом область исследования будет ограничена, в результате чего невозможно будет познать истинную природу языка во всей его полноте (Звегинцев, 1996). Когнитивная деятельность человека заключается в способности мозга выполнять следующие функции: внимание, память, язык, визуально-пространственное восприятие, исполнительные

функции (Стронин, 1984). Рассматривая характер и способы представления человеческого когнитивного опыта в языковой системе, нельзя упускать из виду то, что язык в своем живом проявлении, в своей форме выражения познавательного процесса является одновременно и реализацией деятельности человека. Это имеет большое значение в связи с практическими аспектами языкознания, в частности, при изучении иностранного языка.

Ситуации, рассматриваемые на занятиях в учебной аудитории, конечно, будут отличаться от реальных условий внешнего мира целым рядом важных аспектов, следовательно, нет смысла ожидать их повторения в учебных условиях. Исключением будут являться такие виды деятельности, которые стимулируют естественное, творческое языковое поведение со стороны обучающихся.

При изучении иностранных языков важную роль выполняют игры и игровые виды деятельности. В психологии игра относится к такому виду деятельности, в котором человек осваивает элементы культуры, социальный опыт, обнаруживает свои особенности и реализует намерения. Игра – это особый вид деятельности, цель и результаты которой заключаются в самой деятельности (Бордовская, Розум, 2014). Сами игры не являются «реальными» с позиции воссоздания тех видов деятельности, в которые будет вовлечен обучающийся за пределами аудитории. Однако то, что происходит в задаваемых игрой рамках, является подлинным языковым поведением и предполагает применение стереотипов, которые будут иметь более широкое использование, например, в реальных повседневных жизненных ситуациях. В игровых видах деятельности обучающемуся предоставляется возможность быть самим собой. Студент может выступать как реальная личность, и то, что он говорит, не будет запрограммированным, а лишь частично предсказуемым.

Тема изучения иностранного языка с использованием игровых приемов не нова и ранее уже рассматривалась многими выдающимися учеными и методистами (И.Л. Бим, С.С. Полат, Е.И. Пассов и др.). Так, например, Е.И. Пассов в своей книге «Урок иностранного языка в школе» считает, что игра, являясь глубоко личной, индивидуализи-

рованной деятельностью, обучает и воспитывает в коллективе и через коллектив. Игра – это «учение с увлечением», учение с отсутствием принуждения, с мотивированностью. Игровой процесс является отличным стимулом к овладению иностранным языком и эффективным средством в арсенале преподавателя иностранного языка. Именно игровой процесс является тем универсальным средством, которое помогает учителю превратить достаточно сложный процесс обучения в увлекательное и любимое учащимися занятие (Пассов, 1988).

В случае игр речь зависит от реального взаимодействия с другими обучающимися и преподавателем в рамках предписанного набора условий. Обучающийся должен обработать любую вводную информацию, которая выдается в форме правил, инструкций и т. д., перед тем, как начать действовать. Более важно то, что его внимание отвлекается от языка и направляется на решение конкретной задачи. Язык становится необходимым инструментом, а не конечной целью.

Получается, что подобная деятельность способствует смещению акцента с изучения иностранного языка к его усвоению. При этом под усвоением языка подразумевается имплицитное научение (Reber, 1967. С. 855–863), процесс естественный в основном подсознательный, не требующий особых усилий, вовлекающий всего человека и глубоко запечатлевающийся в нем. Под изучением языка понимается процесс, требующий осознанных усилий, концентрации внимания, внешний по отношению к личности обучающегося, что дает относительно неглубокий и легко забываемый результат (Солсо, 2006).

Несомненным является то, что игры и виды деятельности по решению проблем принадлежат области использования языка, а не изучения языка. Следовательно, они требуют условий, свободных от оценивания, и обозначенной позиции преподавателя.

Следуя этой логике, М.Ф. Стронин в своем пособии разделяет обучающие игры следующим образом:

1. Творческие (аудитивные, ролевые, речевые);
2. Подготовительные (лексические, орфографические, грамматические, фонетические) (Стронин, 1984).

Из классификации видно, что подготовительные игры уместны в основном на первых ступенях обучения. На среднем и более поздних этапах образования они могут применяться в качестве дополнительного средства для закрепления определенных частей изучаемого материала.

Основными задачами применения грамматических игр является усвоение речевых образцов, которые имеют некоторые сложности грамматического характера, а также увеличение использования их в речи. Например, на занятиях могут воспроизводиться ситуации обычного, повседневного общения, подразумевающего употребление изученных оборотов. При этом подобные игры, кроме своих основных задач, будут также развивать и творческие способности обучающихся.

В современном языкознании используется понятие лексико-грамматических игр, так как грамматические игры невозможно рассматривать отдельно от лексических. Такие игры помогают обогатить лексический словарь, совершенствуют речевые навыки и умения. Немалые трудности для усвоения представляет заучивание лексем на память, но обучающиеся понимают необходимость подобных занятий, поскольку отсутствует потребность применения таких лексем в повседневной деятельности. Вызвать мотивационные установки к употреблению лексических единиц помогает игровая деятельность (Фролова, 1991). Причем, многократное использование нового лексического материала способствует их лучшему пониманию, повышению чистоты произношения. Основными задачами лексических игр являются стимуляция речемыслительной деятельности обучающихся, изучение сочетаемости слов. Во время лексических игр практикуется употребление нового лексического материала в обстоятельствах, приближенных к ситуациям живого общения.

Важное место занимают творческие игры. Они, в свою очередь, подразделяются на аудитивные, речевые и ролевые.

Аудитивные игры помогают научиться понимать смысл фраз на слух, выделять основную мысль из потока информации, идентифицировать речевые образцы, совершенствовать слуховую память и слуховую реакцию. Без наличия необходимых техниче-

ских средств обучения проведение аудитивных игр невозможно.

Речевые игры помогают инициировать и закреплять речевые навыки и умения, учат применять их на практике, логически, последовательно и грамматически правильно оформлять собственные монологические высказывания.

Ролевая игра подразумевает воспроизведение реальной ситуации общения. Обучающимся приходится использовать приобретенные и сформированные речевые навыки для организации конструктивного диалога или полилога в зависимости от условий, заданных педагогом, или реальных ситуаций.

Трудно провести четкое разграничение между играми и видами деятельности, направленными на решение проблем. В обоих типах предполагается какой-то результат. В первом случае это, скорее всего, будет победа, т. е. кто-то из участников игры выиграет; во второй ситуации, требующей решения отдельных проблем, результатом будет их решение.

Предлагаются некоторые темы для игр, а также виды деятельности, используемые для успешного изучения иностранных языков:

1. Игры, основанные на наблюдении и памяти.

Например, вы являетесь свидетелем какого-либо явления или события, допустим, дорожно-транспортного происшествия или преступления. Участниками опроса, как часто это бывает в реальности, становятся люди, которые видят ситуацию каждый со своей точки зрения. Соответственно, могут проявляться или исчезать различные детали, нюансы и т. д. Опрос ведет один член команды, хотя роли по ходу игры могут меняться. В зависимости от того, кем является участник событий (пешеход, водитель, другие водители, пострадавший, случайный свидетель) картина произошедшего будет у каждого своя, но в целом она окажется наиболее полной.

2. Настольные игры, такие как «Монополия».

3. Карточные игры, например, с использованием карт «Таро».

4. Игры с применением бумаги и карандаша, например, игра «Последствия».

Один из обучающихся пишет фразу о каком-либо событии или ситуации. Следующий студент должен написать последствие этого события. Все фразы должны быть логичными и взаимосвязанными.

5. Можно смоделировать различные жизненные ситуации: поход в магазин, в поликлинику, ожидание очереди, разговор с гениальным человеком и т. д. При этом в дискуссии или диалоге могут участвовать как два человека, так и вся группа.

К видам деятельности, направленным на решение проблем, относятся:

1. Ситуации, основанные на воображении, например, поход в лес. Каждый участник похода рассказывает, что он хочет взять с собой, какими навыками он обладает, т. е. может ли он разжечь костер, поставить палатку или наловить рыбу и т. д. Коллективно участники похода решают, кто отвечает за вещи общего пользования. Обсуждается проблема, предлагаются способы ее решения.

2. Ситуации, когда люди являются попутчиками и попадают в экстремальные условия (сломался рейсовый автобус посреди лесной дороги или пассажиры на корабле попали в шторм и в результате кораблекрушения оказались на острове и т. д.).

3. Игры на отгадывание какого-либо слова или словосочетания, например, один из студентов задумывает слово, остальные выясняют что это, задавая вопросы, на которые можно отвечать только «да» или «нет». Нужно определить тему и попросить обучающихся загадывать слова или словосочетания, которые так или иначе связаны с ней. Данная игра помогает научиться составлять вопросы.

Таким образом, можно сделать вывод, что игра – это эффективное средство обучения, стимулирующее мотивацию обучающихся. Во время игрового процесса язык становится инструментом, необходимым для достижения определенного результата, при этом он перестает быть конечной целью обучения. Следует отметить, что использование игр на различных стадиях обучения не только помогает в изучении иностранного языка, но и выполняет важную роль при переходе учащегося на новую, более высокую степень психического развития. Применение различных обучающих игр и видов деятельности, направленных на решение задач в процессе обучения, способствует приобретению новых умений и навыков, лучшему усвоению иностранного языка.

Библиографический список

Бордовская Н.В., Розум С.И. Психология и педагогика. СПб.: Питер, 2014. 624 с.

Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996. 336 с.

Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. М.: Просвещение, 1988. 223 с.

Солсо Р. Когнитивная психология. Изд. 6-е. СПб.: Питер, 2006. 589 с.

Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка. М.: Просвещение, 1984. 112 с.

Философский словарь / под ред. И.Т.Фролова. Изд. 6-е., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 560 с.

References

Bordovskaya N.V., Rozum S.I. *Psikhologiya i pedagogika* [Psychology and Pedagogics], Saint Petersburg: Piter Publ., 2014, 624 p. (in Russian).

Zvegintsev V.A. *Mysli o lingvistike* [Thoughts on Linguistics], Moscow: University of Moscow Publ, 1996, 336 p. (in Russian).

Passov E.I. *Urok inostrannogo yazyka v srednei shkole* [Foreign Language Lesson in Secondary School], Moscow: Prosveshchenie Publ., 1988, 223 p. (in Russian).

Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology], Saint Petersburg: Piter Publ., 2006, 589 p. (In Russian).

Stronin M.F. *Obuchayushchie igry na uroke angliiskogo yazyka* [Educational Games at the lessons of English], Moscow: Prosveshchenie Publ., 1984, 112 p. (in Russian).

Filosofskii slovar' [Dictionary of Philosophy], Moscow: Politizdat Publ., 1991, 560 p. (in Russian).

Reber A.S. Implicit learning of artificial grammars // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1967. № 6. P. 855–863.

Reber A.S. Implicit learning of artificial grammars. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior, 1967, no. 6, pp. 855–863.

Сведения об авторах

Корепина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей, e-mail: cosmir@yandex.ru

Гусев Николай Олегович, студент гр. ЭСб-15-1 Института энергетики, e-mail: ked0key@mail.ru

Критерии авторства

Корепина Н.А., Гусев Н.О. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author credentials

Natalia A. Korepina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Foreign Languages Department No 2 for Engineering Fields of Study, e-mail: cosmir@yandex.ru

Nikolay O. Gusev, a third-year student of Power Engineering Institute, group ESb-15-1, e-mail: ked0key@mail.ru

Authorship Criteria

Korepina N.A., Gusev N.O. have done research, written the manuscript of the scientific results and bear responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

УДК 378.1

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЫ

© А.И. Попов

Тамбовский государственный технический университет,
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106.

Аннотация. В статье обоснована необходимость совершенствования механизмов формирования правовой культуры в системе высшего профессионального образования. Уточнено понятие правового сознания специалиста инновационной сферы и описаны характеристики уровней интеллектуальной активности в правовом поведении. Рассмотрен компонентный состав правовой компетентности и предложена модель правовой культуры. Описана разработанная система мероприятий воспитывающего обучения по формированию правового сознания специалиста инновационной сферы.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая культура, творческая компетентность, воспитывающее обучение, организация инновационной деятельности.

Информация о статье. Дата поступления 22 декабря 2017 г.; дата принятия к печати 14 февраля 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Попов А.И. Правовое воспитание специалистов инновационной сферы // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 74–80.

LEGAL EDUCATION OF AN INNOVATION EXPERT

© A.I. Popov

Tambov State Technical University,
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

Abstract. The article provides rationalization for the need to improve the mechanisms for legal culture development in the system of higher vocational education. It specifies the concept of the legal consciousness of an innovation expert and describes the features of intellectual activity levels in legal behavior. The author examines the components of legal competence, proposes the model of legal culture and describes the system of educational teaching actions to build legal consciousness of an expert of innovation.

Key words: legal consciousness, legal culture, creative competence, educational teaching, the organization of innovative activities

Article info. Received December 22, 2017; accepted February 14, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Popov A.I. Legal Education of an Innovation Expert // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 74–80. (In Russian).

Необходимым условием инновационного преобразования экономики и развития социальной сферы, формирования в обществе духовно-нравственных идеалов, объединяющих российский народ на ос-

нове гуманизма и созидательного творчества, является высокий уровень правового сознания каждого гражданина, его внутренне мотивированная готовность к правомерному поведению как в профессиональ-

ной деятельности, так и в обычной жизни. Развитие общественных отношений при реализации правовых норм и обеспечении законности и правопорядка предопределяет усиление роли воспитания у членов общества мировоззрения, объединяющего цели развития общества и индивидуальные цели.

Сложившаяся в последнее время негативная экономическая ситуация, необходимость частичного замещения импортной продукции актуализируют проблему совершенствования общественных отношений в производственном и финансово-экономическом секторах. Это предполагает усиление борьбы с коррупционной составляющей, приведение правовых норм в соответствие с уровнем общественных отношений и развитие правового сознания участников хозяйственных отношений. Необходимо интенсифицировать правовое образование и сформировать у участников инновационной деятельности готовность к исполнению правовых норм, определяющих функционирование ведущих отраслей народного хозяйства.

Техническое и технологическое развитие производственного сектора Российской Федерации актуализирует задачу формирования правовой культуры специалиста инновационной сферы, являющейся основой его профессиональной деятельности в решении экономических проблем, она имеет также социальный характер и отражает ценностные ориентиры правовой профессиональной деятельности. При этом гражданско-правовое сознание как фундамент правовой культуры обеспечивает интеграцию правовых знаний и отношений личности к ценностям гражданского общества, а также интеграцию социальных, экономических, политических, экологических, гуманистических и правовых компонентов, ценностных ориентиров личности и ее готовности к профессиональной деятельности в правовом поле.

Необходимо уточнить понятие правового сознания специалиста в инновационной сфере, на формирование которого в воспитывающем обучении следует ориентироваться образовательным учреждениям. Под правовым сознанием человека, готового к творческой деятельности, понимается форма отражения индивидом общественного бытия как этапа развития и перехода к

новому технологическому укладу, проецирующая креативные процессы в правовом поле на творческий компонент эго-идентичности субъекта, и выражающаяся в системе правовых целей, понятий, взглядов и мотиваций в профессиональной деятельности. В этом случае правовое сознание не только отражает правовые аспекты инновационной деятельности (Попов, 2017), но и креативную адаптацию к существующим правовым отношениям, предполагающую специфическое правовое воздействие как на саму деятельность, так и на правовые связи и отношения ее обуславливающие.

Правовое сознание специалиста в инновационной сфере, опирающееся на профессиональную креативность личности и духовно-нравственные идеалы, является движущей силой для творчества при регулировании производственных и общественных отношений, основой для инициативы по изменению характеристик правовой системы в области новых технологий и предпринимательства в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства (Попов, 2016). При этом правовое сознание каждого индивида может изменять результативность применения норм права, регулировать социальную деятельность людей в сфере функционирования предпринимательского права и права на объекты интеллектуальной собственности.

Становление правового сознания является предметом исследования как правовой науки, так и педагогики, и психологии, поскольку именно в общественных институтах (школе и вузе) происходит наиболее активное формирование духовных принципов и свойств личности, которые лежат в основе правового восприятия действительности и выработки активной позиции в сфере права. Правовая наука раскрывает основы правовой деятельности людей в общественном творчестве, изучает причины и механизмы правомерного и противоправного поведения на различных стадиях инновационного цикла. Используя данные правовой науки, можно воспитывать членов современного общества в духе сохранения и умножения общественного блага на основе созидательного творчества в профессиональной деятельности. При этом развитие креативности и формирование правовой базы для деятельности в обществе, а затем и

в профессиональной деятельности, предполагает последовательный переход от проявления стимульно-продуктивного уровня интеллектуальной активности к эвристическому и креативному уровням. Стимульно-продуктивный уровень предполагает, что при реализации инновационной политики индивид остается в рамках заданного способа действия в правовом поле, не стремясь найти новый способ реализации общественно полезного проекта в условиях несовершенства современного российского законодательства. Выход за рамки задачи, ограниченной условиями и требованиями текущей проблемной ситуации, попытка найти на основе анализа своей деятельности и тенденций развития нормативно-правовой базы более качественное решение, выработка законодательных инициатив по изменению положений современных нормативно-правовых актов характеризует эвристический уровень интеллектуальной активности.

Длительная творческая профессиональная деятельность, анализ проблем и тенденций развития своей отрасли экономики, общества и отраслей права позволяют не только самостоятельно ставить проблему в своей профессиональной сфере, но выходить на уровень постановки проблемы в юриспруденции, что свидетельствует о креативном уровне интеллектуальной активности для правового сознания.

Достижение высшего уровня интеллектуальной активности в осознании правовых процессов для технических специалистов является маловероятным и характерно в большей степени для малого числа людей. Система общего среднего и высшего образования с учетом их массовости должна быть ориентирована на создание условий для перехода обучающихся от стимульно-продуктивного уровня интеллектуальной активности (определяющего необходимое для стабильного общества правомерное поведение, но явно не достаточное в условиях формирования инновационной экономики) к эвристическому, когда каждый индивид в своей деятельности, в том числе профессиональной, пытается найти не только механизмы для наиболее эффективной реализации ее в правовом поле, но и способы и инструменты для развития правовых отноше-

ний до уровня современных производственных сил и общественных отношений.

Правовое сознание творчески активного специалиста включает несколько компонентов:

- знание действующего права, его оценка и внутренняя убежденность в совпадении норм права и духовно-нравственных идеалов, готовность к деятельности в действующем правовом поле;

- понимание положений идеального права, совпадающее с убеждениями индивида и его представлениями о созидательной роли права;

- готовность к творческому совершенствованию норм права, креативность, понимание механизма перехода от действующего права к идеальному праву.

Правовую компетентность специалиста в инновационной сфере можно представить в виде совокупности компонентов:

- знаниевого (владение знаниями в области философии, истории, права, психологии, политологии и социологии);

- творческого (интеллект, креативность);

- деятельностного;

- мотивационного (эго-идентичность, групповая идентичность, потребности общества в инновационном развитии, потребность личности в творческом развитии и преобразовании системы правовых отношений);

- рефлексивного (самоуправление, саморазвитие).

Правовая компетентность неразрывно связана с кластером творческих компетенций, являющихся инвариантной характеристикой специалиста, готового к инновационной деятельности в профессиональной области с учетом необходимости рационального природопользования и бережного отношения к природе.

С позиции формирования инвариантных компонентов правового сознания творческой личности (навыка творческой деятельности в условиях психологического напряжения и ограниченности ресурсов, креативности, способности сочетать индивидуальные цели и цели общества) наибольшую значимость представляют этапы развития эго-идентичности и групповой идентичности в период обучения в вузе. В этот период

закладываются те основы духовно-нравственной культуры и, прежде всего, социально ориентированной креативности и правового сознания, которые позволят в системе непрерывного образования и в процессе самосовершенствования сформировать на высоком уровне творческие компетенции конкурентоспособного специалиста и результативно применять их в правовой практике профессиональной деятельности.

Говоря о творческом компоненте правового сознания (Молоткова, Ракинина, Попов, 2016) и требуемом современным обществом эвристическом уровне интеллектуальной активности в области правовых взаимоотношений для большинства членов общества, необходимо остановиться на недостатках в развитии креативности и личностных качеств. После получения общего образования значительное количество молодых людей обладают сильной зависимостью от чужого мнения, боязнью принятия ответственности на себя. Человек привык к деятельности по стандартным алгоритмам при наличии существенного стимула и, естественно, не готов к проявлению творческой инициативы при рассмотрении правовых основ деятельности. Воспитание в школе не всегда ориентируется на развитие фантазии и воображения обучающегося, умения увидеть в знакомой ситуации новый смысл и перспективы для деятельности, что должно стать основой как для решения инновационных задач в процессе профессиональной деятельности, так и для правовой инициативы. Велика опасность при использовании коллективных форм организации занятий, не в достаточной мере позволяющих учесть индивидуальные особенности, сформировать у обучающегося устойчивую антимотивацию к творческой деятельности, которая всегда несет черты неповторимой личности каждого. Указанные негативные моменты в формировании творческого компонента правового сознания в дальнейшем только усиливаются преимущественно репродуктивным характером обучения в вузе. Более того, сама система контроля в вузе, предполагающая использование в качестве основного измерительного средства

тесты, в большей степени мотивирует обучающихся оставаться в зоне минимального развития. Большинство используемых форм организации образовательной деятельности закрепляют в сознании студента (и не только в правовом) в основном стимульно-продуктивный уровень интеллектуальной активности.

При рассмотрении проблемы развития основ правового сознания в вузе и ориентации прежде всего на креативность, которая позволит не только принимать участие в совершенствовании правовых отношений, но и активно реализовывать инновационные проекты в реальном секторе экономики, из этапов развития креативности в онтогенезе, предложенных Т.А. Барышевой¹, выделяется два: пробуждение творческой активности для деятельности в правовом поле и освоение методов креативного поведения. Нужно отметить, что у студентов базовые правовые знания сформированы на начальном уровне, следовательно, необходимо в организации их деятельности ориентироваться на принципы справедливости и принципы экономической и общественной целесообразности профессиональной деятельности.

Модель правовой культуры студента, будущая профессиональная деятельность которого связана с природопользованием, включает когнитивный, деятельностный, ценностный и рефлексивный компоненты.

Для студентов когнитивный компонент предполагает систематизацию нормативно-правовых понятий в инновационной сфере, исходя из требований профессиональных и образовательных стандартов, а также практики профессиональной деятельности; происходит нацеливание обучающегося на правомерное поведение при разрешении правовых проблем профессиональной деятельности. Деятельностный компонент объединяет все виды образовательной и практической деятельности под руководством преподавателя, с целью поэтапного развития правового сознания и творческих компетенций студентов в процессе освоения основной образовательной программы, а также во время внеучебной

¹ Барышева Т.А. Психологическая структура и развитие креативности у взрослых: автореф. дис.... д-ра психол. наук. СПб., 2005. 38 с. /

Barysheva T.A. Psychological Structure and Adults' Creativity Development: Extended abstract of PhD dissertation (Psychology). St. Petersburg, 2005. 38p.

деятельности. При этом необходимо обеспечить переход от стимульно-продуктивного уровня интеллектуальной активности к эвристическому. Ценностный компонент детерминирует важность формирования правовой культуры специалиста и обеспечивает внутреннюю мотивацию к освоению норм права и их творческому осмыслению. Он отражен в инвариантных компетенциях, определяющих готовность к саморазвитию и инновационной творческой деятельности. Рефлексивный компонент отражает самооценку выпускника вуза с позиций его правового профессионализма в области регулирования общественных отношений в сфере природопользования.

В процессе формирования правовой культуры обучающиеся проходят следующие этапы:

- восприятие правовой ситуации;
- распознавание правовой ситуации;
- осуществление профессиональной деятельности в границах правового поля по реализации инновационных проектов;
- прогнозирование развития правовой ситуации;
- осознание системы правовых норм, регламентирующих общественные отношения в природопользовании;
- генерирование инновационных подходов к совершенствованию правового поля.

Одним из эффективных методов формирования правового сознания и развития креативности личности студента может стать система творческих соревнований, организованная преподавателем вуза (Попов, Синельников, Серебрякова, 2017). В рамках этой системы как на подготовительном этапе, так и на соревновательном, целесообразно не только выполнять различные тесты на знание законодательных правовых актов, но и сосредоточиться на рассмотрении адаптированных под соответствующий уровень образования кейс-ситуаций. Правовые кейсы требуют не только поиска решения на основе действующего законодательства, но и творческих предложений от студентов по возможному совершенствованию правовых отношений, прежде всего на основе принципов справедливости и социаль-

ной целесообразности как для участников конкретных отношений, так и для общества в целом. Предложенный подход позволит эффективно формировать правовое сознание будущих специалистов на эвристическом уровне интеллектуальной активности.

Необходимым условием формирования правового сознания является не столько односторонняя передача информации по правовым вопросам от преподавателя к обучающемуся, сколько вовлечение последнего в интерактивное обучение и обсуждение проблемных ситуаций правовой деятельности, а также поиск механизмов их креативного разрешения.

Повышение качества правового воспитания становится возможным при создании в вузе правовой образовательной среды, обеспечивающей информальное образование студентов и формирования у них инвариантных компетенций в области юриспруденции посредством адаптивного управления профессиональным образованием (Краснянский, Попов, Обухов, 2017). Данная среда должна включать информационный и интерактивный блоки, а также блоки индивидуальных образовательных траекторий. Информационный блок обеспечивает знакомство студентов с наиболее актуальными для них нормативно-правовыми документами, регламентирующими конструкторскую, технологическую и управленческую деятельности с учетом требований законодательства, нормативной базы использования ресурсов. Интерактивный блок создает условия для интерактивного обсуждения правовых проблемных ситуаций по применению нормативной базы в конкретных условиях производства. В случае изъявления студентами желания повышения своей правовой культуры создаются блоки, обеспечивающие формирование индивидуальной образовательной траектории.

Развитие в системе непрерывного образования инфраструктурного компонента, нацеленного на правовое воспитание и формирование готовности к правомерному поведению в экономической и хозяйственной деятельности студентов вуза, позволит эффективнее проводить инновационное преобразование в производственном секторе экономики.

Библиографический список

Краснянский М.Н., Попов А.И., Обухов А.Д. Математическое моделирование адаптивной системы управления профессиональным образованием // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2017. Т. 23. № 2. С.196–208.

Молоткова Н.В., Ракитина Е.А., Попов А.И. Методическое сопровождение формирования духовно-нравственных основ инженерной природоохранной деятельности // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2016. № 4(62). С.162–170.

Попов А.И., Синельников В.М. Формирование инновационной готовности экономистов агропромышленного комплекса в открытой образовательной среде // Научно-технический журнал для работников агропромышленного комплекса Агропанорама. 2016. № 4(116). С. 42–48.

Попов А.И. Правовое сознание как условие безопасности пассажирских перевозок // Проблемы безопасности на транспорте: материалы VIII Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. Гомель: Изд-во БелГУТ, 2017. С. 155–156.

Попов А.И., Синельников В.М., Серебрякова Н.Г. Проектирование системы обучения инновационной деятельности будущих инженеров сельскохозяйственного производства // Издәністер, нәтижелер – Исследования, результаты. 2017. № 3(75). С. 410–417.

Сведения об авторе

Попов Андрей Иванович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры техники и технологии производства нанопродуктов, начальник отдела электронного обучения, e-mail: olimp_popov@mail.ru

References

Krasnyanskii M.N., Popov A.I., Obukhov A.D. Mathematical Modeling of the Adaptive Control System for Professional Education. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Tambov State Technical University Bulletin], 2017, vol. 23, no. 2, pp.196–208. (In Russian).

Molotkova N.V., Rakitina E.A., Popov A.I. Methodological Support for the Formation of Spiritual and Moral Foundations of Environmental Engineering. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Issues of Modern Science and Practice. V.I. Vernadskiy University], 2016, no. 4(62), pp.162–170. (In Russian).

Popov A.I., Sinel'nikov V.M. Formation of Innovative Readiness of Economists of Agro-industrial Complex in an Open Educational Environment. *Nauchno-tekhnicheskii zhurnal dlya rabotnikov agropromyshlennogo kompleksa Agropanorama* [Research and Technology Journal for Workers of Agroindustrial Complex Agropanorama], 2016, no. 4(116), pp. 42–48. (In Russian).

Popov A.I. *Pravovoe soznanie kak uslovie bezopasnosti passazhirskikh perevozok* [Legal Consciousness as the Term of Passengers Transportation Safety]. *Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Problemy bezopasnosti na transporte"* [Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference "Transportation Safety Issues"]. In two parts, part 2. Gomel': Belarusian State University of Transport Publ., 2017, pp. 155–156. (In Russian).

Popov A.I., Sinel'nikov V.M., Serebryakova N.G. Designing the System of Training for Future Engineers of Agricultural Manufacture Innovative Activities. *Izdenister, nәtzheler – Issledovaniya, rezul'taty* [Studies, Results], 2017, no. 3(75), pp. 410–417.

Author Credentials

Andrei I. Popov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Nanofood Manufacturing Technology Department, Head of E-Learning Division, e-mail: olimp_popov@mail.ru

Критерии авторства

Попов А.И. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Criteria for Authorship

Popov A.I. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

ЧТО ТАКОЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС?

© А.В. Васенкин

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация. В статье рассматривается вопрос сущности экзистенциального кризиса в современной психологии. Утверждается, что экзистенциальный кризис – это одно из ключевых состояний человеческой психики, когда происходит осмысление и переоценка всей жизненной стратегии человека. Несмотря на то, что понятие экзистенциальный кризис обладает ярко выраженным негативным оттенком, в работе подчеркивается, что наступление экзистенциального кризиса может сопровождаться достаточно позитивными аспектами. Экзистенциальный кризис – это возможность человека выйти на конструктивный путь.

Ключевые слова: психология, экзистенциальная психология, кризис, экзистенциализм, экзистенциальный кризис, смысл жизни, переоценка ценностей.

Информация о статье. Дата поступления 28 января 2018 г.; дата принятия к печати 1 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Васенкин А.В. Что такое экзистенциальный кризис // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 81–86.

WHAT IS AN EXISTENTIAL CRISIS?

© A.V. Vasenkin

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article discusses the essence of the existential crisis in modern psychology. It is argued that the existential crisis is one of the key states of the human psyche, when the entire life strategy of a person is comprehended and reevaluated. Despite the fact that the concept of existential crisis has a pronounced negative connotation, the author emphasizes that the existential crisis can be associated with quite positive aspects. The existential crisis is an opportunity for a person to take a constructive path.

Key words: psychology, existential psychology, crisis, existentialism, existential crisis, meaning of life, revaluation of values.

Article info. Received January 28, 2018; accepted March 1, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Vasenkin A.V. What is an existential crisis? // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 81–86. (In Russian).

Каждый человек на протяжении своей жизни постоянно задает себе вопрос: зачем, для каких целей и во имя чего он живет? Является ли его существование предначертанным свыше, либо он сам должен выбрать свой путь? Если человек в процессе поиска смысла жизни терпит неудачу, то в

лучшем случае он старается не думать об этом, а в худшем – может свести счеты с жизнью. Вопросы о смысле жизни зачастую ставят людей в тупик, вызывают иронию, а иногда и агрессию. Однако неважно, какая реакция следует за таким вопросом. Осмысление собственного существования

всегда являлось для человека одной из острейших тем. Успешное решение задачи, связанной с поиском смысла жизни, дает человеку успешную жизнь, так как помогает поставить цель и определить пути ее достижения. Если человеку не удается найти ответ на вопрос о смысле жизни, возникает экзистенциальный кризис.

Экзистенциальный кризис – это состояние тревожности, глубокого дискомфорта, которое возникает у человека, когда ставится вопрос о смысле существования. Экзистенциально-кризисные явления получили наибольшее распространение в тех культурах, где базовые потребности уже удовлетворены. Фактически при исследовании феномена экзистенциального кризиса можно говорить о смысле существования человека или о смысле жизни.

Междисциплинарная точка зрения в отношении экзистенциального кризиса, которая включает психологические, социологические, культурологические и философские воззрения, указывает, что именно экзистенциальные проблемы являются основополагающими для человека и общества. Именно они сопровождают жизнь человека, начиная с подросткового возраста, до конца жизненного пути. Первоначально понятие «экзистенциальный кризис» возникло в философии, а затем разрабатывалось в русле некоторых направлений психологии. К философским истокам этой проблемы относятся прежде всего работы С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Гуссерля и многих других зарубежных и отечественных мыслителей. Так, К. Ясперс, рассматривая понятие экзистенции как необъективируемого бытия, подчеркивал уникальность каждой личности. Согласно его представлениям, когда достигается осмысление собственной уникальности существования, в этот момент раскрывается некая «тайна» человека, и он становится свободным. В этот момент человек способен возвыситься над собой, постигнуть свою трансценденцию, которая делает осмысленным его существование (Ясперс, 1994). При этом смысл существования человека предполагает не только познание собственной уникальности, но и возможность транслирования ее в процессах коммуникации. М. Хайдеггером

анализировалась возможность неподлинного, неличного бытия, влекущего за собой падение, брошенность, двусмысленность и любопытство. Отсутствие уединенности, независимости от публичности, от власти людей приводит к болезненному состоянию. Следовательно, целью развития человека является не успешный общественный человек, а уникальная личность. Уникальность создается в особых пограничных ситуациях, когда человек получает выход к бытию, вставая лицом к лицу со смертью, или борясь с серьезной болезнью. М. Хайдеггер называет эти проблемы «способностью быть самим собой» (Хайдеггер, 2011. С. 267).

Как уже было сказано, экзистенциальные проблемы формулировались в русской философии в конце XIX – начале XX в. О смысле жизни и его утрате, путях самореализации, духовности и любви, нравственном начале человеческого существования в свое время писали Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Л.Н. Шестов.

Целенаправленно экзистенциальные проблемы в психологии начали изучать в рамках экзистенциального и гуманистического подходов Р. Лэнг, А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, К. Роджерс, В. Франкл. Не вдаваясь в подробности специфики каждого направления более подробно, можно указать основные положения, которые проливают свет на объект данного исследования. В первую очередь необходимо обратить внимание на работы В. Франкла. Он считал, что понятие смысла жизни тесно связано с самоотрансценденцией существования: «Сущность человеческого существования заключена в его самоотрансценденции. Быть человеком значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваясь делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или Богу, которому он служит... В служении делу или любви... человек осуществляет сам себя... становится самим собой» (Франкл, 1990. С. 29). Поэтому самореализация человека возможна только при его обращенности к миру, а не концентрации на собственных интересах и потребностях. Введенное В. Франклом понятие экзистенциального вакуума фактически выступало как синоним отсутствия смысла жизни и обозначало состояние внутренней

пустоты, ощущение бессмысленности, отсутствие содержания и цели в жизни. В период наступления экзистенциального вакуума, как утверждает В. Франкл, способами решения проблемы поиска смысла жизни могут выступать разнообразные материальные удовольствия, например, алкоголь, наркотики, секс, вождение машины с высокой скоростью, а также власть, в том числе деньги. Из-за переживания экзистенциального вакуума возможны суицидальные позывы. Однако «экзистенциальный вакуум не является неврозом, и во время депрессивных фаз, всплесков ипохондрии на психосоматической почве, о смысле жизни обычно не думают. Экзистенциальный вакуум может стать причиной особого, ноогенного невроза, который вызван духовной проблемой, моральным или этическим конфликтом» (Франкл, 2000. С. 291).

Представления В. Франкла об экзистенциальном вакууме очень похожи на представления А. Маслоу о метапатологии. Это состояние, когда происходит неприятие метамотивации или высших ценностей, порождающее черты экзистенциального невроза, ощущение бессмысленности своей жизни (Маслоу, 1997. С. 314). Деprivation высших ценностей наблюдается при удовлетворенности базовых потребностей. К высшим ценностям, по А. Маслоу, относятся осмысленность, правда, красота, справедливость, уникальность и совершенство. Их неприятие человеком приводит к разнообразным метапатологиям: отчужденность, утрата вкуса к жизни или отказ от жизни, скука и тоска, бессмысленность, неспособность радоваться, апатия, потеря силы воли, страдание, цинизм, бесцельная деструктивность. Отчуждение как одну из метапатологий подробно описал Э. Фромм. Он считал отчуждение болезнью личности, характерной для современного человека. При отчуждении окружающий мир становится чужим, человек начинает зависеть от создаваемых им самим идолов (политические лидеры, общественное мнение и др.) (Фромм, 1992).

На сегодняшний день, в экзистенциальной психологии определены характерные особенности психологически здоровой, развивающейся личности:

– способность к трансценденции (слияние сознательного и бессознательного);

– самодетерминация;
– свобода и творчество;
– открытость миру;
– погруженность в поток жизни;
– полнота и яркость эмоциональных переживаний;
– осознание своей целостности и способность достойно встречать жизненные трудности.

В гуманистической психологии описаны черты самоактуализированной личности:

– адекватное восприятие окружающего мира и интерес к неизвестному;
– принятие себя и окружающего мира;

– естественность;
– наличие призвания или жизненной миссии;

– автономность, склонность к уединению;

– умение радоваться жизни и ценить прекрасное;

– чувство идентификации;
– способность к любви как высшему одухотворенному переживанию;

– избирательность в межличностных отношениях и способность к глубоким отношениям с немногими друзьями;

– демократичность и готовность к обучению;

– четкое следование нравственным принципам в поведении;

– креативность;
– чувство юмора;

– отстраненность от господствующей культуры и спокойное следование тому, что не противоречит собственным моральным нормам (Маслоу, 1997).

Проблема смысла жизни рассматривалась также и в русле позитивной психологии М. Селигманом, Р. Баумайстером, Э. Клингером. Считается, что смысл жизни имеет познавательную функцию и функцию самоконтроля, благодаря которым человек осмысливает происходящие и прогнозирует будущие события, принимает решения, регулирует свое эмоциональное состояние и поведение. Присутствие смысла в жизни человека позволяет реализовать имеющийся у него потенциал и может избавить его от страданий. Наличие смысла способствует также стабилизации жизни человека. Осмысленность жизни зависит от мотивов и целей, причем адекватные, достижимые

цели связаны с психологическим благополучием, а при отсутствии достижимых целей смысл жизни утрачивается. Р. Баумайстер и Э. Клингер отмечают, что наличие смысла жизни является необходимым, но недостаточным условием для счастья, поэтому осмысленная жизнь может быть и несчастливой. Однако страдание, переживаемое человеком, усиливает его потребность в поиске смысла. Благодаря процессу смыслообразования человек не только понимает значение события, в том числе тяжелого для него, но и находит в негативном событии положительные моменты (Леонтьев, 2003).

В отечественной психологии проблема смысла жизни ставится, как правило, исходя из традиций двух направлений, связанных с именами С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева. С.Л. Рубинштейном вопрос о смысле жизни рассматривается в контексте общей системы отношений «человек – мир», где ключевыми являются отношения «человек – человек». «Смысл жизни каждого человека определяется только в соотношении содержания всей его жизни с другими людьми. Сама по себе жизнь вообще такого смысла не имеет» (Рубинштейн, 2003. С. 363).

Линия изучения смысла жизни, начатая С.Л. Рубинштейном, продолжается в работах Л.И. Анцыферовой, К.А. Абульхановой-Славской, В.Э. Чудновского. Исходя из принципа детерминизма, Л.И. Анцыферова указывала, что «...человек постоянно создает нечто в мире и в результате своего единства с миром одновременно преобразует нечто и в себе» (Анцыферова, 1993. С. 9). Трудные условия жизни, травмирующие ситуации могут не только оказывать разрушающее воздействие на человека, но и способствовать положительным личностным преобразованиям, проявлению ответственности и жизнестойкости. Л.И. Анцыферова считала, что изучать необходимо «человека страдающего», нацеленного на переосмысление жизненных трудностей и способного противостоять им. Для К.А. Абульхановой-Славской смысл жизни – это переживание личностью своей включенности в жизненные структуры, причастности к общественным процессам, полноты своего самовыражения, интенсивности взаимодействия с жизнью (Абульханова-Славская, 1991). Важно отметить, что в понятии «смысл жизни» находят от-

ражение мировоззренческие установки. При функциональности действий человека, лишении их ценности наблюдается отчуждение, т. е. явление, которое противостоит смыслу.

Если проблема смысла жизни и его утраты у Л.И. Анцыферовой была только намечена, у К.А. Абульхановой-Славской она предстала как один из аспектов изучения жизненного пути, то у В.Э. Чудновского эта проблема выступила основным предметом исследования. В его работах смысл жизни представлен как идея, «...главная цель, сверхзадача, основная жизненная ценность, позволяющая человеку определить основную линию жизни» (Чудновский, 1997. С. 101). Смысл жизни связан с самотрансценденцией и имеет разные «масштабы» в зависимости от содержательной наполненности. Наличие смысла жизни приводит к относительной эмансипации и от «внешнего» (условий жизни), и от «внутреннего» (влечений, сиюминутных интересов), препятствуя превращению человека как в конформиста, так и в раба своих потребностей.

Другое, близкое направление в изучении смысла жизни и экзистенциальных проблем, берет начало в разработке понятия «смысл» А.Н. Леонтьевым. У него дифференцируются значение и смысл, мотив и смысл, главный мотив и жизненная цель, вводится понятие смыслообразующего мотива. Совокупность деятельностей показывает отношение человека к миру. Анализируя возможности развития личности, А.Н. Леонтьев останавливается на богатстве ее связей с миром, иерархии деятельностей и их мотивов (Леонтьев, 2004. С. 167).

Среди современных психологических понятий смысла жизни можно выделить трактовки А.Г. Асмолова и Б.С. Братуся. Первый из них определяет смысл жизни как динамическую смысловую установку, второй – как смысловую сферу личности. В подходе Б.С. Братуся вопрос о смысле жизни связан с осознанием конечности бытия, поиски смысла жизни – с попытками найти то, что не ограничено индивидуальной жизнью, не уничтожается в результате смерти. Эти поиски оказываются необходимыми для творческой наполненности жизни, приобщения человека к родовой сущности. Истинный смысл жизни находят те, кто выходит за границы собственного эгоизма, посвящая себя слу-

жению людям, обществу. Осознанные и принятые универсальные смыслы жизни предстают как личностные ценности, как ответственность перед людьми, миром и своей жизнью (Братусь, 1988).

Из сказанного можно сделать вывод, что теоретическое осмысление феномена экзистенциального кризиса в современной науке достаточно обширное. Приведенные философские и психологические позиции позволяют увидеть, что представляет собой практическое воплощение экзистенциального кризиса, его причины, особенности протекания и способы преодоления. Когда человек не может определить для себя смысл жизни, он начинает испытывать кризис собственного существования, т. е. экзистенциальный кризис. Это состояние может быть охарактеризовано как потеря устойчивости в жизни, и здесь может наступить отчаяние. Все зависит от того, каким именно образом человек с ним справляется. Существует два варианта – позитивный (поиск новых смыслов) и деструктивный («бегство от себя»). Во время протекания кризиса человек, адекватно оценивающий ситуацию и ориентирующийся на будущее, может приходиться к пониманию перспектив своего свободного выбора. Наступающая депрессия в период фрустрации может стать стимулом для преодоления отчаяния. Именно на негативном эмоциональном фоне обнаруживаются новые онтологические возможности, приводящие к выстраиванию обновленной системы «человек – мир», нахождению нового места в мире, обретению нового смысла и выходу из кризиса.

Библиографический список

- Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
- Анцыферова Л.И. Психология повседневности. Жизненный мир личности и («техники») ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т.14. № 2. С. 3–16.
- Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.

Необходимо отметить, что при описании состояний и особенностей личности человека, переживающего экзистенциальный кризис, и при поиске ответов на вопросы, связанные со смыслом жизни, обычно используют понятия «отчаяние», «горе», «депрессия», «чувство одиночества», «трагизм», «заброшенность», «тоска» и тем самым подчеркивают нарушения в эмоциональной сфере.

Помимо этого, наблюдаются серьезные изменения в самооценке – повышается критичность по отношению к себе на фоне излишней рефлексии, акцентируются собственные недостатки, появляется склонность к самообвинению. Изменяется ценностно-смысловая сфера, т. е. повышается значимость экзистенциальных и когнитивных ценностей, ценностей самоактуализации. Может возникать неудовлетворенность прошлым, снижаться интерес к настоящему, трансформироваться психологическое будущее. В представлениях о личной свободе и ответственности проявляется фатализм, внешний локус контроля, появляются трудности осознания спектра возможностей самостоятельного жизненного выбора, утрачивается доверие к «потoku жизни».

Следует также подчеркнуть, что экзистенциальный кризис – это одно из конструктивных переживаний человека, поскольку в этом состоянии человек способен утвердиться в уже существующем смысле жизни, либо обрести новый благодаря своеобразной психической «перезагрузке». Наступление экзистенциального кризиса – неотъемлемый жизненный период развития и формирования зрелой личности.

References

- Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl' Publ., 1991, 299 p. (In Russian)
- Antsyferova L.I. Psychology of everyday life. The individual's background knowledge and the "techniques" of his/her being. *Psichologicheskii jurnal* [Psychological journal], 1993, vol. 14, no. 2, pp. 3–16. (In Russian)
- Bratus' B.S. *Anomalii lichnosti* [Personality abnormalities]. Moscow: Mysl' Publ., 1988, 301 p. (In Russian).
- Leont'ev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psy-

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004. 352 с.

Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 430 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.

Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.

Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба. М.: «Ось-89», 1997. 208 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 528 с.

chology of sense: nature, structure and dynamics of sense reality]. Moscow: Smysl Publ., 2003, 487 p. (In Russian).

Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity, consciousness, and personality]. Moscow: Smysl Publ., 2004, 352 p. (In Russian).

Maslou A. *Dal'nie predely chelovecheskoi psikhiki* [The farther reaches of human nature]. Saint Petersburg: Evraziya Publ., 1997, 430 p. (In Russian).

Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. A person and the world]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2003, 512 p. (In Russian).

Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moscow: Progress Publ., 1990, 368 p. (In Russian).

Frankl V. *Volya k smyslu* [The will to meaning]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2000, 368 p. (In Russian).

Fromm E. *Dusha cheloveka* [The heart of man]. Moscow: Respublika Publ., 1992, 430 p. (In Russian).

Khaidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011, 460 p. (In Russian).

Chudnovskii V.E. *Smysl zhizni i sud'ba* [The life sense and destiny]. Moscow: "Os'-89" Publ., 1997, 208 p. (In Russian).

Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The origin and goal of history]. Moscow: Respublika Publ., 1994, 528 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Васенкин Алексей Вадимович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук, e-mail: vasenkinav@yandex.ru

Критерии авторства

Васенкин А.В. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author credentials

Aleksey V. Vasenkin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department of Institute of Fine Arts and Social and Humanitarian Sciences, e-mail: vasenkinav@yandex.ru

Authorship Criteria

Vasenkin A.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

УДК 316.7

СОСТАВ И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ Г. ИРКУТСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

© Н.И. Гаврилова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация. В статье рассматриваются основные демографические характеристики г. Иркутска второй половины XIX – начала XX в. и изменения социальной структуры населения в условиях капиталистической модернизации. Подчеркивается приоритетное значение Иркутска как крупнейшего сибирского городского центра, ставшего фокусом перехода от традиционных форм жизни к более модернизированным на региональном уровне. Анализируется динамика численности населения г. Иркутска, описываются основные факторы его прироста и половозрастной состав города.

Ключевые слова: капиталистическая модернизация, Иркутск, социальная структура города, динамика численности населения, половозрастной состав.

Информация о статье. Дата поступления 26 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 16 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2018 г.

Формат цитирования. Гаврилова Н.И. Состав и структура населения г. Иркутска второй половины XIX – начала XX вв.: динамика процессов социальной дифференциации // Социальная компетентность. 2018. Т. 3. № 1. С. 87–94.

COMPOSITION AND STRUCTURE OF IRKUTSK POPULATION IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th C.: DYNAMICS OF SOCIAL DIFFERENTIATION PROCESSES

© N.I. Gavrilova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract. The article considers the main Irkutsk demographic characteristics in the second half of the 19th – the early 20th c. and changes in the social structure of the population under conditions of capitalist modernization. It clearly places the priority of Irkutsk as the largest Siberian city which became the focus of the transition from traditional forms of life to urban ones at the regional level. The author analyses the dynamics of Irkutsk population, and discusses the main factors of its growth and age-sex composition.

Keywords: capitalist modernization, Irkutsk, social structure of the city, population dynamics, age-sex composition.

Article info. Received February 26, 2018; accepted March 16, 2018; available online March 30, 2018.

For citation. Gavrilova N. I. Composition and Structure of Irkutsk population in the second half of the 19th – Early 20th c.: Dynamics of Social Differentiation Processes // Social Competence. 2018, vol. 3, no. 1, pp. 87–94. (In Russian).

К середине XIX в. на территории Иркутской губернии была сформирована структура городских поселений, образовав-

шая своеобразный каркас социально-экономических, административно-управленческих и социокультурных связей территории,

выстроены традиции городской жизни. Безусловный приоритет принадлежал г. Иркутску, крупнейшему сибирскому городскому центру, который одним из первых (перешел) от традиционного уклада жизни к городскому.

Иркутск – столица генерал-губернаторства и губернии, центр экономической, культурной и духовной жизни региона сосредотачивал 70–85,8 % городского населения губернии и являлся наиболее быстро растущим городом в крае. С 1858 г. по 1897 г. его население выросло в 2,7 раза, превысив в 1862 г. отметку 25 тыс. чел. К 1897 г. количество жителей составляло 51,5 тыс. чел. Вместе с Томском (1897 г. – 52,2 тыс. чел.) Иркутск на рубеже XIX–XX вв. стал крупнейшим городом Сибири.

Население г. Иркутска на протяжении всего рассматриваемого периода увеличивалось в основном за счет активизации переселенческого движения в связи с началом строительства Транссибирской железной дороги. Доминирующей группой прибывших являлись жители самой Иркутской губернии. Среди уроженцев других губерний больший удельный вес составили выходцы из Сибири, нежели из Европейской части России. Согласно данным переписи 1897 г. к уроженцам других регионов относилось 34,3 % (21,6 тыс. чел.) городского населения губернии (62,8 тыс. чел.) (Троицкий, 1904. С. 13–14). Подавляющую часть

прибывших в Иркутск (81,6 % или 7,6 тыс. чел.) привлекала возможность дополнительного заработка.

Основной контингент приезжавших были выходцами из Томской, Тобольской, Енисейской, Пермской, Вятской, Нижегородской, Тамбовской, Симбирской, Оренбургской, Казанской, Самарской, Киевской, Саратовской, Московской губерний и Забайкальской области. Уроженцев других государств в общей массе пришлого населения было немного (360 чел.).

За 1851–1897 гг. доля населения Иркутска в общем составе населения губернии выросла в 1,8–2,1 раза (табл. 1) (Гаврилова, Дамешек и др. 2017. С. 44).

Динамика колебаний количества населения г. Иркутска по сезонам на протяжении второй половины XIX в. в значительной степени являлась отражением изменений форм торговли, сосредоточенной в городе. Периоды доминирования ярмарочной торговли, сезонной по своей сути (лето и зима), характеризуются увеличением численности населения. В 1860-х гг. подобные изменения оставались на уровне примерно 2,8 тыс. чел., в 1870-х гг. – 7,7 тыс. чел. (Павлинов, 1865. С. 1; Романов, 1914. С. 168, 320). Как отмечали в 1863 г. современники, «максимальная убыль числа жителей начинается с июня, когда многие отправляются на нижегородскую ярмарку и Амур, а наибольшая прибыль бывает в декабре – от приезжающего на Иркут-

Таблица 1

Динамика общей численности населения г. Иркутска во второй половине XIX в., чел.

Год	Население г. Иркутска, тыс. чел.	Численность населения			
		Города Иркутской губернии, тыс. чел.	Доля, %	Всего в Иркутской губернии, тыс. чел.	Доля, %
1851	16,8	22,4	75,0	31,6	5,3
1858	18,8	24,0	78,2	34,6	5,4
1860	19,9	27,7	71,7	34,7	5,7
1861	24,8	35,4	70,0	35,8	6,9
1870	32,8	38,6	84,8	37,8	8,6
1876	34,2	41,1	82,6	37,5	9,1
1880	33,9	41,2	82,3	38,5	8,8
1885	39,2	46,3	84,7	40,8	9,6
1890	47,2	55,2	89,5	–	–
1892	50,6	58,9	85,8	–	–
1897	51,5	62,8	82,0	51,4	10,0
1900	49,1	60,5	81,2	–	–

скую ярмарку, от возвращающихся с золотых и рыбных промыслов рабочих и ямщиков, везущих товары с нижегородской ярмарки и из Западной Сибири для Забайкалья и Кяхты. Между тем отлучек из Иркутска бывает немного, т.к. с Нижегородской ярмарки уже все возвратились, а на Ирбитскую еще не уехали» (Павлинов, 1865. С. 1).

«Совершенную особенность местного населения» составляли ссыльные (9–12% всего населения г. Иркутска в 1863–1864 гг.), «увеличиваясь зимой до цифры, превышающей численность сельского сословия или дворян и чиновников». Кроме того, зимой происходил наплыв военных (обилие «загулявшего военного люда») составляло особенность города и отмечалось многими прибывающими в Иркутск), инородцев, лиц, не указывающих своей сословной принадлежности. В летний период возрастала численность дворянства, городских сословий, крестьянства. Наплыв населения вызывали и сезонные работы: отправление и возвращение (весна – осень) «бездомной “ангарщины”» – рыбно-промысло-

вых партий наемных работников (до 1500 чел.), партий приисковых рабочих¹ (Павлинов, 1865. С. 1).

Наличие «беспреданно меняющегося населения» в Иркутске в 1860–1870-х гг. составляло его неуловимую, укоренившуюся черту. В 1862 г. П.А. Кропоткин отмечал, что «постоянная бродячая жизнь... придает обществу особый колорит; в городе вечный прилив и отлив: стоит выехать из него на два года, чтобы, вернувшись, встретить на половину новых лиц» (Кропоткин, 1983. С. 52). Другие сравнивали Иркутск с «заязженным двором» (Костров, 1875. С. 49). П.А. Ровинский, стремясь проанализировать сложившуюся ситуацию (1875 г.), отмечал «ненормальность» развития Иркутска («от излишнего наплыва чужих элементов») (Ровинский, 1875. С. 206).

Модернизационные процессы в экономике региона, связанные с активизацией индустриального развития, динамикой капиталистических отношений, обусловили качественные изменения социальной структуры Иркутска в рассматриваемый период (табл. 2) (Гаврилова, Дамешек и др. 2017. С. 46).

Таблица 2

Динамика сословной структуры г. Иркутска во второй половине XIX в., %

Сословие	1860	1861	1863	1870	1872	1874	1876	1878	1884	1893	1897
Дворянство	11,0	9,0	10,3	9,3	9,0	9,0	11,6	12,0	7,0	6,0	10,4
Духовенство	3,0	2,4	2,7	2,2	2,2	2,4	1,9	1,9	1,4	1,2	1,6
Почетное гражданство и купечество	4,0	2,9	3,8	2,4	2,4	2,7	3,7	4,0	5,0	4,0	3,2
Мещанство, цеховые	34,65	40,8	28,0	35,0	35,0	46,0	30,0	31,5	40,0	41,0	41,7
Крестьянство	8,3	6,55	10,0	10,0	2,2	6,0	13,0	14,0	19,0	20,5	32,7
Военное сословие	24,9	29,5	27,0	41,1	49,2	6,0	6,0	36,6	5,7	15,0	2,8
Иногородцы	1,31	0,9	2,0			27,9	33,8		21,9	2,0	1,0
Иностранцы	0,04	0,05	0,2			0,1	0,3				
Ссыльные	–	–	12,0							8,7	–
Другие	12,8	7,9	4,0							1,5	6,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹ Записка, составленная помощником иркутского полицеймейстера Киселевым по вопросу о преобразовании иркутской городской полиции // Государственный архив Иркутской области.

Ф. 480. Оп. 1. Д. 305. Л. 1 об. / The report composed by assistant police chief Kiselyov on the transformation of Irkutsk City police // State Archive of Irkutsk region. F. 480. Op. 1. D. 305. L. 1 ob.

Трансформация сословной структуры города становится особо заметной с середины 1870-х гг. Основной ее особенностью являлось увеличение темпов роста податного населения города, занятого в торгово-промышленной сфере, при снижении доли неподатных слоев, прежде всего, военных. К 1897 г. количество последних в Иркутске уменьшилось в 8,8 раз и не превышало 3 % населения (с 4,9 тыс. чел. до 1,4 тыс. за 1860–1897 гг.). До 1,6 % снизилась доля духовенства.

С другой стороны, бюрократизация управления и повышение роли государственных учреждений вызвали рост численности дворянства в городе, хотя его доля значительно колебалась, в отдельные годы сокращаясь до 6 %. Изменения не коснулись пропорционального соотношения численности потомственного и личного дворянства, при этом сохранялось превосходство последнего, представленного, главным образом, чиновничеством. Иркутск как административный центр губернии и генерал-губернаторства характеризовала особенно высокая концентрация этой социальной группы. По данным В.В. Воробьева, во второй половине XIX в. в городе проживало 53 % дворян и чиновников Восточной Сибири (Воробьев, 1958. С. 12). В общем же составе иркутян численность дворянства увеличилась за 1860–1897 гг. с 2,2 до 5,4 тыс. чел., что составляло 10,4–11 % населения г. Иркутска. Это существенно превышало показатели по городам Европейской России и Западной Сибири (6,6 и 7,1 % соответственно на 1897 г.), однако в целом было сопоставимо с данными по отдельным городам соседнего региона (Томск – 8,4 %, Омск – 13,7 %, Тобольск – 12 %) (Скубневский, Гончаров, 2003. С. 90, 92, 301).

Одной из главных черт формирования социального состава населения Иркутска в период капиталистической модернизации стало резкое увеличение в нем крестьянства (с конца 1870-х гг.). В 1860 г. в губернском центре проживало 1,7 тыс. крестьян (8,3 %). К концу XIX в. их число выросло до 16,8 тыс. чел., составив треть населения города (32,7 %). Достаточно заметный процент составляли ссыльные. Только в 1865 г. на 100 иркутян приходилось в среднем 10,2–13,6 чел. ссыльных.

Динамика сословий собственно городского гражданства в Иркутске характеризовалась непропорционально быстрым ростом численности мещанства по сравнению с другими городами региона. К 1897 г. в Иркутске проживало около 82 % мещан от общей численности этого сословия в городах губернии (в 1860 г. – 62 %). За 1860–1897 гг. численность мещанства в городе увеличилась на 14,6 тыс. чел. (до 21,5 тыс. чел.), а его доля выросла на 7,1 %, что напрямую было связано с ростом значения Иркутска как торгово-промышленного центра.

Изменение численности купечества и почетного гражданства имели тот же вектор. Подавляющая часть купечества региона, как и в предшествующий период, сосредотачивалась в Иркутске (к концу XIX в. доля купечества в общем количестве населения губернии составляла 93,6 %). Согласно переписи 1897 г. в Иркутске проживало 1,7 тыс. лиц купеческого звания (3,2 % иркутян). В то же время доля купечества и почетного гражданства в городах европейской России (1897 г.) составляла 3 %, в Западной Сибири – 2,3 %, в частности в Томске – 3,7 %.

Наличие в городе значительной доли верхних слоев чиновничества и купечества с одной стороны, и увеличивающийся наплыв в Иркутск крестьян и мещан с другой, усиливали социальную поляризацию общества. В 1870-х гг. об Иркутске писали: «Есть здесь люди, получающие до 50 тыс., и есть такие, которые не зарабатывают 50 руб. Годового дохода рабочего недостает на самое необходимое. Если взять во внимание невозможность отыскать работу иногда в течение нескольких дней, праздники, семейство, болезни, то окажется, что состояние рабочих сословий весьма незавидно. Недаром же они помещаются в самых грязных лачугах, в нижних этажах, сырых и холодных, недаром так много в Иркутске умирающих, больных, нищих...» (Гимельштейн, 2002. С. 142–143). «Вдовы, сироты, старики ежедневно наполняют канцелярию губернатора, городскую управу и толпами стоят у губернаторского дома, прося о помощи...» (Сукачев, 1891. С. 115–116).

Отсутствие в городах региона стабильной прослойки поместного дворянства ставило чиновничество и верхушку купечества на пьедестал городского общества,

обеспечивая им статус «социальных лидеров», вверяя первые роли в общественном быту. Данная особенность социальной структуры в Иркутске нашла яркое подтверждение. Чиновничество в силу своего положения как основного проводника имперской власти в регионе и более высокого образовательного уровня оказывало влияние на иные слои населения, но именно купечество осознавало себя «настоящим хозяином» города. Третьему сословию здесь была предоставлена роль создателя своеобразной культуры, оно во многом определяло стиль и образ жизни города. Двойное лидерство закладывало основу чрезвычайно широкого спектра взаимоотношений чиновничества и купечества.

В половом составе городского населения Иркутской губернии, как и Сибири, и России в целом, преобладающее большинство составляли мужчины: в 1897 г. мужчин было 55,2 %, женщин – 44,8 %. На 1000 чел. мужского городского населения Иркутской губернии в конце XIX в. приходилось 897 чел. женского. Иркутск характеризовался относительно большей пропорциональностью соотношения полов: 51,7 % составляли мужчины, 48,3 % – женщины (табл. 3) (Тройницкий, 1904. С. 6–7).

Наибольшая диспропорция соотношения полов отличала 20–29-летних жителей г. Иркутска. Количество мужчин этого возраста превосходило количество женщин в 1,4 раза, т. е. на 1 000 мужчин приходилось 710 женщин. В целом в рассматриваемый

период данные показатели были характерной чертой демографических процессов в городах Сибири и Европейской части России. Как уже отмечалось в литературе, «большая часть мужчин этого возраста была из пришлых (в числе которых были переведенные в Сибирь по службе, крестьяне-переселенцы, рабочие-мигранты, ссыльные), поскольку город притягивал молодых мужчин в значительно большей степени, чем женщин» (Скубневский, Гончаров, 2003. С. 106).

В старших возрастных стратах населения г. Иркутска доля мужчин снижалась, приобретая в возрастных группах старше 60 лет отрицательные показатели. Самые многочисленные половозрастные группы составляли иркутяне в возрасте от 10 до 29 лет. В совокупности это была почти половина (41,4 %) населения города в 1897 г.

Резкое снижение численности старших возрастных групп коррелировало с данными средней продолжительности жизни россиян этого периода, которая в 1890-х гг. составляла 31,7 года (Миронов, 1999. С. 384). Доля иркутян, перешагнувших 30-летний возрастной рубеж, составляла 39,2 % от общей численности населения города: 30–39-летних иркутян насчитывалось 14,6 %, 40–49-летних – 11,2 %, 50–59-летних жителей – всего 7%. Иркутян старше 70 лет в 1897 г. значилось 1 161 чел. (2,2 %).

Вторая половина XIX в. стала периодом заметного роста грамотности населения губернского центра. С 1864 г. по 1897 г.

Таблица 3

Половозрастной состав населения г. Иркутска в 1897 г.

Возраст	Половой состав населения		Доля от населения г. Иркутска, %
	Мужской пол, чел.	Женский пол, чел.	
До 1 года	787	672	2,8
1–9 лет	4 214	4 174	16,3
10–19 лет	4 783	5 574	20,2
20–29 лет	6 412	4 552	21,4
30–39 лет	3 973	3 547	14,6
40–49 лет	2 890	2 789	11,2
50–59 лет	1 852	1 773	7,0
60–69 лет	1 073	1 101	4,2
70–79 лет	373	503	1,7
80–89 лет	91	134	0,4
90–99 лет	27	33	0,1
Всего	26 475	24 852	100

Таблица 4

Изменение численности грамотного населения г. Иркутска за 1863, 1881 и 1897 гг.

Год	Мужчины		Женщины		Всего, тыс. чел.	Доля, %
	Количество, тыс. чел.	Доля, %	Количество, тыс. чел.	Доля, %		
1863	6,5	42,8	3,0	23,2	9,5	33,8
1881	9,1	50,7	4,4	30,0	13,5	41,5
1897	14,3	53,7	9,4	37,9	23,7	46,11

доля грамотных среди иркутян возросла в 1,36 раз (с 33,8 до 46,1 %). При сохранении на протяжении указанного периода высокого процента грамотных среди мужчин, в динамике более высокими показатели грамотности оказалась у женщин (см. табл. 4). К 1897 г. доля грамотных среди женского населения г. Иркутска возросла в 1,63 раза (в 1863 г. она составляла 23,2 %, в 1897 г. –

37,9 %), а среди мужского населения – только в 1,25 раза (в 1863 г. она была равна 42,8 %, в 1897 г. – 53,7 %).

В тесной взаимосвязи с показателями социальной структуры и размеров города находились параметры занятости населения, данные экономического развития Иркутска и его функциональные характеристики.

Библиографический список

Воробьев В.В. Формирование городской сети юга Восточной Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел географического общества СССР, 1958. 28 с.

Гаврилова Н.И., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Иванов А.А., Кузнецов С.И., Новиков П.А., Шапова Л.П., Петрушин Ю.А. Иркутск накануне и в 1917 году. Очерки политической истории губернского центра: монография / ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2017. 544 с.

Иркутск в панораме веков: очерки истории города / сост. А.В. Гимельштейн, ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. 512 с.

Иркутск: его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири / ред. В.П. Сукачев. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1891. 268 с.

Иркутская летопись 1857–1880 гг. (Продолжение «Летописи») П.И. Пежемского и В.А. Кротова) / сост. Н.С. Романов. Иркутск: Паровая типография И.П. Казанцева, 1914. 410 с.

References

Vorob'ev V.V. *Formirovanie gorodskoi seti yuga Vostochnoi Sibiri* [Formation of the city network of the south of Eastern Siberia]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii otdel geograficheskogo obshchestva Sovetskogo Soyuz Sotsialisticheskikh Respublik Publ., 1958, 28 p. (In Russian).
Gavrilova N.I., Dameshek L.M., Dameshek I.L., Ivanov A.A., Kuznetsov S.I., Novikov P.A., Shapova L.P., Petrushin Yu.A. *Irkutsk nakanune i v 1917 godu. Ocherki politicheskoi istorii gubernskogo tsentra* [Irkutsk on the eve and in 1917. Essays on the political history of the provincial center]. Irkutsk: "Ottisk" Publ., 2017, 544 p. (In Russian).

Gimel'shtein A.V., Dameshek L.M. *Irkutsk v panorame vekov: ocherki istorii goroda* [Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the city history]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya Publ., 2002, 512 p. (In Russian).

Sukachev V.P. *Irkutsk: ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Vostochnoi Sibiri* [Irkutsk: its place and importance in the history and cultural development of Eastern Siberia]. Moscow: Tipo-litografiya Vysochaishe utverzhennogo Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko Publ., 1891, 268 p. (In Russian).

Romanov N.S. *Irkutskaya letopis' 1857–1880 gg. (Prodolzhenie «Letopisi» P.I. Pezhemskago i V.A. Krotova)* [Irkutsk chronicle of 1857–1880. (Continuation of the "Annals" by P.I. Pezhemskiy and V.A. Krotov)]. Irkutsk: Parovaya tipografiya

Костров К. Пространство и население Восточной Сибири // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах: сб. ст. В 2 т. Т. 1. СПб.: Русская скоропечатня (П.С. Нахимова), 1875. С. 1–96.

Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 192 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX веков). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 2. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 566 с.

Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. Год первый / ред. и сост. Н. Павлинов. Иркутск: Иркутский статистический комитет, 1865. 215 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 год. LXXV. Иркутская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1904. 171 с.

Ровинский П.А. Очерк Восточной Сибири. Иркутск: его настоящее и прошлое // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 1. № 2. С. 201–119.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Население. Экономика. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2003. 360 с.

I.P. Kazantseva Publ., 1914, 410 p. (In Russian)
Kostrov K. The space and population of Eastern Siberia. *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedenii o Sibiri i sopredel'nykh ei stranakh* [The collection of historical and statistical information about Siberia and its neighboring countries]. In 2 vol. Vol. 1. Saint Petersburg: Russkaya skoropechatnya (P.S. Nakhimova) Publ., 1875, p. 1–96. (In Russian).

Kropotkin P.A. *Pis'ma iz Vostochnoi Sibiri* [Letters from Eastern Siberia]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1983, 192 p. (In Russian).

Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo KhKh vekov). Genезis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX c.). Genesis of personality, democratic family, civil society and law-bound state]. In 2 vol. Vol. 2. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin" Publ., 1999, 566 p. (In Russian).

Pavlinov N. *Pamyatnaya knizhka Irkutskoi gubernii na 1865 god. God pervyi* [Memorial book of Irkutsk province for 1865. The first year]. Irkutsk: Irkutsk Statistical Committee Publ., 1865, 215 p. (In Russian)

Troinitskii N.A. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii, 1897 god. LXXV. Irkutskaya guberniya* [The first general census of the Russian Empire population, 1897. LXXV. Irkutsk Province]. Saint Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1904, 171 p. (In Russian)

Rovinskii P.A. Essay on Eastern Siberia. Irkutsk: its present and past. *Drevnyaya i novaya Rossiya* [Ancient and New Russia], 1875, vol. 1, no. 2, pp. 201–119. (In Russian)

Skubnevskii V.A., Goncharov Yu.M. *Goroda Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine KhKh – nachale KhKh v. Naselenie. Ekonomika* [Cities of Western Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries. Population. Economy]. Barnaul: Altai state University Publ., 2003, 360 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии, e-mail: nig2312@yandex.ru

Author's Credentials

Natalya I. Gavrilova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department, e-mail: nig2312@yandex.ru

Критерии авторства

Гаврилова Н.И. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

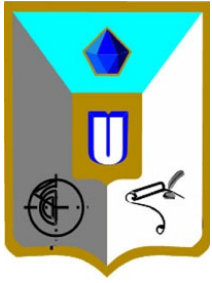
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Criteria for Authorship

Gavrilova N.I. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Сетевое издание

Том 3, № 1 2018

Редактор Т.И. Кочульская
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

SOTSIA@COM

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»